

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

История

Выпуск 5

Улан-Удэ 2002

*Юбилею доктора исторических наук,
профессора Ефрема Егоровича Шармаханова
посвящается*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

Серия 4

Выпуск 5

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2002

УДК 93/99

В 387

Утверждено к печати редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета

Редакционный совет «Вестников»

С.В. Калмыков, д-р пед. наук, проф., председатель; **Ц.З. Доржиев**, д-р биол. наук, проф., зам. председателя; **Ж.Г. Базарова**, д-р хим. наук, проф.; **С.С. Имхелова**, д-р филол. наук; **Г.Ц. Молонов**, д-р пед. наук, проф.; **И.И. Осинский**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Сандитов**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Т.Т. Тайсаев**, д-р геогр. наук, проф.; **Е.Е. Тармаханов**, д-р ист. наук, проф.; **Н.В. Языкова**, д-р пед. наук, проф.

497527

Редакционная коллегия серии
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Е.Е. Тармаханов, д-р ист. наук, проф., главный редактор;
К.Б. Митупов, канд. ист. наук, доц., зам. главного редактора;
Г.Д. Санжиев, д-р ист. наук, проф., Д.И. Бураев, д-р ист. наук;
Т.Е. Санжиева, д-р ист. наук, проф.; Т.Б. Григер, канд. ист. наук, доцент; С.В. Васильева, канд. ист. наук; Т.В. Паликова, канд. ист. наук, доцент.

Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. Вып. 5.
В 387 – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета,
2002. – 248 с. ISBN 5-85213-118-0.

Данный выпуск «Вестника БГУ» посвящен 80-летию юбилею ведущего профессора исторического факультета, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Бурятия Ефрема Егоровича Тармаханова. В сборник включены статьи его коллег и учеников, занимающихся различными проблемами исторического развития Бурятии. Общая тема, объединяющая эти исследования – социально-экономическое и культурное развитие республики в XX веке.

ISBN 5-85213-118-0

© Бурятский госуниверситет. 2002

К ЮБИЛЕЮ

*Г.Д. Басаев, С.В. Евдокимова,
К.Б.-М. Митупов, И.А. Соктоев*

Известный ученый и талантливый педагог

Ефрем Егорович Тармаханов. Кто не знает в Бурятском государственном университете этого высокого, худощавого, убежденного сединой человека, который более 50 лет работает в одном коллективе сначала в пединституте, а теперь в университете, являясь образцом безупречного служения науке, своему народу, республике, стране. Ему, доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Бурятии и Российской Федерации исполняется 80 лет со дня рождения и более 50 лет научно-исследовательской, общественно-политической деятельности.

Жизнь и творческая деятельность профессора Е.Е.Тармаханова – прекрасный пример успешной и плодотворной научно- педагогической и общественной работы для молодых исследователей. Его с полным правом можно назвать подвижником отечественной и, прежде всего бурятской науки. Эта деятельность органически связана с преподавательской, синтезируя его научные и педагогические качества, сохраняя яркую творческую индивидуальность.

Е.Е.Тармаханов родился 5 октября 1922 г. в улусе Ирхидей, расположенном в прекрасной Осинской долине Бурятского Усть-Ордынского автономного округа, с богатой природой, плодородной землей, разнообразным животным миром и трудолюбивыми людьми. Неслучайно из этой деревни вышли такие крупные ученые, как Дмитрий Андриянович Алексеев, профессор, заведовавший 20 лет кафедрой монгольской филологии Восточного факультета Ленинградского университета и Василий Родионович Филиппов, доктор ветеринарных наук, профессор, занимавший высокие посты в Бурятии.

Е.Е.Тармаханов рано лишился отца, когда учился в 5-м классе Бильчирской неполно-средней школы. Все работы по домашнему

хозяйству легли на его неокрепшие плечи подростка. Детские и школьные годы Е.Тармаханова прошли в тяжелое время 1920-30-х годов - в годы проведения новой экономической политики, социалистической индустриализация и коллективизация сельского хозяйства. Он видел, как происходило раскулачивание кулаков и середняков, как ссылали в далекие края, ни в чем невинных, неграмотных людей. Тогда он не понимал сути этих событий, не мог их оценить.

Тармаханов Е.Е. получил среднее образование, окончив в 1941 г. педагогический рабфак при Бурятском педагогическом институте, где работали известные преподаватели - П.И.Бартанов, И.В. Баранников, В.А.Абрамов, А.А.Хараев, Г.И. Упхонов и др. Он получил хорошие знания, особенно по гуманитарным наукам. Именно тогда будущий профессор заинтересовался историей.

Е.Е.Тармаханов участник Великой Отечественной войны, защитник Ленинграда. Он рассказывает: «... Еще в июле фашистские дивизии вiorглись в пределы Ленинградской области. Враг намеревался любой ценой захватить Ленинград. В короткий срок в городе на Неве были сформированы 10 дивизий народного ополчения и 14 отдельных артиллерийских пулеметных батальонов численностью 135 тысяч бойцов. Я был назначен командиром отделения в звании сержанта в стрелковой бригаде Ленинградского фронта, которым командовал прославленный генерал Л.А.Говоров, впоследствии ставший маршалом Советского Союза». С зимы 1942-го по март 1943 года советские войска оказывали вырагу ярсное сопротивление. 12 января 1943 года южнее Ладожского озера перешли в наступление Ленинградский и Волховский фронты, и после семидневных боев войска этих фронтов освободили Шлиссельбург. Длительная блока Ленинграда была прорвана.

В ходе боев Ефрем Егорович был вторично тяжело ранен осколком мины. После месячного лечения в ленинградском госпитале был эвакуирован через дорогу жизни по льду Ладожского озера на грузовой машине, приспособленной для перевозки раненных. Лежал в госпиталях городов Вологды и Усолья более полугода. И только после этого он вернулся домой. За участие в обороне Ленинграда Ефрем Егорович Тармаханов награжден медалью «За оборону Ленинграда», орденом «Отечественная войца» и многими другими медалями.

После окончания войны Е.Тармаханов поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, где слушал лекции известных ученых академиков Е.В.Тарле и В.В.Струве,

профессоров В.В. Мавродина, Н.А.Карнатовского, С.Б.Окуня, А.И.Молок. Именно под влиянием замечательных ученых развились природные качества Ефрема Егоровича – трудолюбие, живой интерес ко всему новому, настойчивость. Свою научную деятельность Ефрем Егорович начал, будучи студентом. Уже тогда упорство, прилежание, а главное – жажда знаний простого провинциального юноши привлекли внимание его преподавателей. Он занимался в научных кружках, хорошо усвоив значимость исторических источников, уже тогда писал не компилятивные, а творческие работы. Его дипломная работа «Участие Мордвы в восстании Степана Разина» по решению государственной экзаменационной комиссии была рекомендована к публикации. После окончания университета его, как отличника рекомендовали в аспирантуру. Будучи студентом 5 курса и аспирантом преподавал Историю СССР в 10-х классах школы № 33 Василеостровского района, где пользовался большим уважением учителей и любовью учеников В 1953 г. на ученом совете исторического факультета ЛГУ Е.Тармаханов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Он один из первых авторов начал разработку проблем развития промышленности и формирования кадров рабочего класса в Бурятии и национальных районах Сибири.

Большое влияние на творческий рост студента, а затем аспиранта Е.Тармаханова, оказал профессор Ленинградского университета, заведующий кафедрой истории СССР периода феодализма В.В. Мавродин. Он был научным руководителем при написании им кандидатской диссертации и научным консультантом при подготовке докторской диссертации. Теплую и благодарную память о своем учителе и наставнике Ефрем Егорович хранит и по сей день.

После успешной защиты диссертации Е.Е.Тармаханов был приглашен на работу в Бурятский педагогический институт, на кафедру Истории. С тех пор вот уже 50-й год он работает на кафедре Истории Отечества. За это время он разработал и читает курсы лекций по Истории Отечества, Истории Бурятии, основам Советского государства и права. Около 20 лет читает курс лекций по Историографии Истории Отечества. Лекции Е.Е.Тармаханова всегда вызывают живой интерес у студентов, его педагогическое мастерство с годами не тускнеет. Он дает не систематическое изложение событий, а раскрывает основные проблемные вопросы, дает обобщения исторических событий, которые освещаются с позиций современной отечественной историографии.

В деятельности любого крупного ученого передача знаний, опыта, методов исследования молодому поколению занимает важное место. Оценка вклада ученого в развитие науки во многом определяется именно этим. Без педагогического опыта не может сформироваться настоящий ученый-исследователь. Ефрем Егорович Тармаханов обладает замечательным даром влияния на формирование молодых историков. Он личность, которая воздействует на окружающих не только идеями, но и своими человеческими качествами. Если ученый возглавляет коллектив, то от его поведения во многом зависит творческая и моральная атмосфера в коллективе. В этом плане Ефрем Егорович являет собой образец для подражания – любые сложные вопросы решаются компетентно и корректно.

В течение 26 лет профессор Е.Тармаханов возглавлял кафедру Истории Отечества, под его руководством создан коллектив талантливых преподавателей, таких как ведущие доценты кафедры С.В.Евдокимова, Е.А.Высотина. На кафедре работал первый доктор наук и профессор БГПИ им. Д.Банзарова - Н.П.Егунов. Ефрем Егорович всегда активно способствовал творческому росту коллег, создавая необходимые условия для научной работы: добивался творческих отпусков, научных командировок в крупные научные центры страны.

Е.Е.Тармаханов успешно совмещает педагогическую деятельность с научно-исследовательской работой. 20 ноября 1969 г. на ученом совете исторического факультета ЛГУ он защитил докторскую диссертацию по проблемам индустриального развития Бурятии (1929-1960). Официальные оппоненты проф.В.З.Дробижев из МГУ, проф. Н.А.Карнатовский (ЛГУ) и доктор В.А. Ежов (ЛГУ) дали высокие оценки диссертации. Неофициально выступили и дали положительную оценку работе проф. Н.Н.Степанов (Ленинградский пединститут им. А.И.Герцена) и кандидат исторических наук, доцент В.П.Тюшев (БГПИ). Все они отмечали, что им впервые широко и научно, на большом фактическом материале освещена проблема индустриального развития Бурятии. На защите подчеркивалось, что диссертация написана в историко-сравнительном плане, в комплексе, в тесной связи с развитием сельского хозяйства и культуры, с изменениями демографической и экологической ситуаций.

В 1970 г. ВАК присвоил Ефрему Егоровичу Тармаханову звание профессора. Им опубликовано около 150 работ, среди них три монографии. «Развитие промышленности Бурятской АССР в период строительства социализма (1917-1941 гг.)», «Промышленность и ра-

бочие Советской Бурятии (1928-1980 гг.)»; издательство «Наука» СО РАН, «Гигант Бурятии. Историко-экономический очерк Улан-Удэнского ПВРЗ». Часто говорят, что ученый – это его книги: они заключают в себе все самое значительное, что он сделал в жизни. В этом смысле научное наследие Ефрема Егоровича говорит за себя. Широкий диапазон его научных интересов. Его статьи и брошюры посвящены проблемам индустриального развития Бурятии, Якутии, Тувы, Хакасии, Горного Алтая, вопросам историографии и культуры. В разработку истории этих национальных регионов он внес заметный вклад. Таким образом, при всей широте научных интересов Е.Е. Тармаханов прежде всего историк по проблемам промышленности и рабочего класса в Бурятии и Сибири. Е.Е.Тармаханов принимал активное участие в разработке теоретической базы при создании фундаментальных монографических исследований. В частности, он является одним из авторов коллективных трудов: «Рабочий класс Сибири» (Т.3), «Очерки истории Бурятской организации КПСС», «Очерки Бурятской АССР в период развитого социализма», «Бурятская областная организация КПСС», хроника, (в двух частях).

Ефрем Егорович интересуется проблемами школьного образования, часто выступает с лекциями перед учителями республики. Совместно с Б.М.Митуповым им подготовлено учебное пособие по истории Бурятии для средней школы, которое выдержало три издания. Он написал учебное пособие для школьников Усть-Ордынского округа – «Усть-Ордынский Бурятский автономный округ в Истории Бурятии», под его руководством издано учебное пособие «История Бурятии», часть II (1917-1998 гг.). Подготовлено (совместно с профессором ИГУ Л.М.Дамешекон и профессором БГУ Т.Е.Санжиевой) учебное пособие «История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа».

Авторитет Е.Е.Тармаханова в области изучения промышленного развития Бурятии и Сибири поистине непререкаем, а его научная известность давно уже перешагнула границы Сибири. Отличительная черта Е.Е.Тармаханова как исследователя – верность сделанному выбору, поразительная работоспособность, тщательность анализа, широта кругозора.

Е.Е.Тармаханов известен как научный редактор монографических исследований - П.П.Тыпскилова, А.А.Саункина, М.Н.Халбаева, А.Е.Погребенко, Т.Н.Кузнецовой и И.И.Кузнецова, А.Р.Болотова, С.Ф.Хроленка, Л.А.Зайцевой, Н.Т.Хабалова, В.П.Бартукова,

Т.Б.Григер, Д.П.Дмитриева, Д.К.Чимитовой и др. Он главный редактор и один из авторов коллективной монографии «Рабочий класс Бурятской АССР. 1917-1985 гг.»

Профессор Тармаханов Е.Е. частый участник научных конференций разного уровня. У него тесные научные связи с коллегами на кафедрах Истории России вузов Республики, Сибири и Дальнего Востока. Е.Е.Тармаханов много внимания и времени отдавал и отдает научно-организаторской работе. Более 20 лет был членом диссертационного совета при Иркутском университете, членом диссертационного совета в Якутске. Ныне он является членом докторского диссертационного совета при институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и председателем диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций при историческом факультете БГУ. Максимальное внимание, отзывчивость, доброжелательность к диссертантам самого председателя, создает благоприятную морально-психологическую обстановку на заседаниях Совета и содействует его успешной работе. Он выступил оппонентом 15 докторских и более 20 кандидатских диссертаций. География его научных связей в этом плане обширна - он оппонировал докторские диссертации на диссертационных советах в Санкт-Петербурге, Владивостоке Новосибирске, Иркутске и других городах. Он подготовил более 50 отзывов на авторефераты докторские и кандидатских диссертаций, а также рецензий на монографические исследования. Достаточно прочитать его рецензию или отзыв на любое исследование, чтобы убедиться в основательности, аргументированности, ответственности автора за каждое свое утверждение, за каждое критическое замечание. Он руководит научным кружком, курсовыми и дипломными работами, делает много, чтобы привить студентам навыки научно-исследовательской работы, умения работать в архивах, с опубликованной литературой и опубликованными источниками.

Под руководством Е.Е.Тармаханова защитили кандидатские диссертации 15 аспирантов и соискателей. У него много учеников, разрабатывающих проблемы Истории Бурятии, национальных регионов Сибири и Сибири в целом. Им создана своя научная школа.

Е.Е.Тармаханов был научным консультантом докторских диссертаций А.А.Саункина и Л.А.Зайцевой, а в настоящее время под его научным руководством работает над докторской диссертацией Д.К.Чимитова.

Принципиальность научных позиций в решение проблем истори-

ческой науки сказывается на тех, кто под его руководством пишет диссертации, доклады. Он всячески поддерживает самостоятельность, побуждает к творческому горению. Ефрем Егорович щедро делится замыслами, темами со своими учениками, а они платят ему усердием в работе, уважением и глубокой признательностью.

На протяжении многих лет Е.Е.Тармаханов ведет большую общественную работу, он активно участвует во всех мероприятиях университета и республики. Неоднократно избирался секретарем партбюро своего факультета и членом парткома БГПИ. Более 10 лет был председателем общества «Знание» Советского района г. Улан-Удэ. Он и сейчас часто читает лекции на различные исторические и общественно-политические темы, уделяет много внимания распространению исторических знаний. Его выступления на радио и телевидении пользуются неизменным успехом.

Хотя на долю Ефрема Егоровича выпало тяжелое детство, война и трудных много жизненных испытаний, он всегда остается оптимистом. Наверное, от того, что для личного счастья у него есть главное – любимая работа, которой он с радостью и отдаёт все свои духовные и физические силы; любимая семья, которая помогает ему жить и работать, делит с ним все радости и невзгоды. В первую очередь, преданный друг, жена Ольга Даниловна. Окончившая Восточный факультет ЛГУ, она до сих пор работает библиотекарем, является известным библиографом республики. У Ефрема Егоровича две прекрасные дочери, которые пошли по стопам отца. Старшая дочь Татьяна Ефремовна доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой История Бурятии, младшая дочь Екатерина Ефремовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России Бурятской сельскохозяйственной Академии. У Е.Е.Тармаханова 3 внуков: внучка Сержена, окончила два факультета БГУ (истфак и юрфак), внук Саша - студент 5 курса юрфака, гордость факультета, отличник учебы, Илья – студент 3 курса агрономического факультета БГСХА, у него редкая специальность земельный кадастр. У профессора Тармаханова Е.Е. растёт и правнучка Аяна (дочь Сержены), которой идет третий год, она любимица всех.

При общении с Ефремом Егоровичем трудно поверить в его возраст: перед нами всегда полный жизненных сил и творческих планов, ученый знания, опыт и дарования которого поистине неисчерпаемы. Он – человек своего времени, честный, справедливый и добрый. И сейчас, он по-прежнему полон замыслов, идей, охвачен стремлением

достичь новых рубежей. Как настоящий ученый он находится в вечном научном поиске и горении.

Таков наш юбиляр. Аристократ не по происхождению, а по духу, ученый не по счастливой случайности, а по призванию, чудеснейший человек, надежный друг и товарищ.

Желаем многих лет жизни юбиляру, доброго здоровья для деятельности на благо Бурятии, родного университета, любимой семьи и любящих друзей.

Л.В. Курас

Историографические аспекты в трудах профессора Е.Е. Тармаханова

Ефрем Егорович Тармаханов заявил о себе в исторической науке в 1953 году темой, с которой он вошел в нее, и не расстается всю жизнь – индустриальное развитие Бурятии. Но Тармаханов не был бы Тармахановым, если бы его интересы ограничивались только одной, хотя и значимой темой. Его интересуют проблемы интернационального и патриотического воспитания студенческой молодежи, формирования национальной интеллигенции, развития сельского хозяйства, национально-государственного строительства и др. Он автор ряда учебников по истории Бурятии для учащихся средних школ. В настоящий момент профессор Е.Е. Тармаханов завершает работу над учебником для школ по истории Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Как историк-профессионал он обращался и к новым для историков Бурятии историографическим сюжетам.

Все работы, написанные Е.Е. Тармахановым в историографическом ключе, весьма условно можно разделить на специальные исследования, заметки и зарисовки внутри крупных исторических трудов, статьи об итогах развития и задачах исторической науки в Бурятии, рецензии на исследования историков и биографические очерки об ученых, в которых также присутствует историографический элемент.

Сразу следует отметить, указанные группы публикаций не равнозначны в количественном выражении. Самая многочисленная из них – рецензии на монографии. За период с 1953 по 1997 г. Е.Е. Тармаханов опубликовал 11 рецензий¹, представляющих мини- историографические исследования. О его разносторонних знаниях и интересах

говорит тот факт, что рецензии подготовлены не только на исследования, касающиеся проблем индустриального развития страны², но и на исследования о проблемах революции³, национально-государственного⁴ и партийного строительства⁵, Великой Отечественной войны⁶, изменения социальной структуры села национальных районов Сибири⁷ и др. Причем, в его рецензиях ярко проявляется глубокое знание конкретного материала.

На втором месте – биографические очерки об ученых, в которых мы находим не только биографические данные, но краткий анализ трудов исследователей. Таких публикаций насчитывается 9. В их числе и очерки о профессорах Б.С. Санжиеве, Ф.А. Кудрявцеве, Н.П.Егунове. В ряду публикаций этого жанра особенно следует выделить справочное издание «Ученые из Боханского и Осинского районов Усть-Ордынского Бурятского автономного округа», представляющее не только аннотированный список ученых, уроженцев округа, но и дающий представление о наиболее интересных публикациях ученых⁸.

Важную роль в творчестве Е.Е. Тармаханова играют историографические заметки, зарисовки. По ходу изложения материала в монографических сочинениях он вставляет полемические замечания по дискуссионным вопросам, в которых четко и весьма доказательно отстаивает свою позицию. Важное место в монографиях исследователя отводится анализу исторической литературы по проблеме индустриального развития Бурятии. В этом плане особенно выделяется фундаментальное исследование по истории промышленности и рабочего класса республики⁹. Это позволило ученому обозначить три основополагающих компонента: первый – расширение проблематики, введение в научный оборот новых направлений; второй – выявление широкого спектра мнений, что позволило сравнивать и оценивать результативность того или иного суждения; третий – выработка собственной концепции, основой которой является научная марксистско-ленинская концепция..

Собственно историографических работ в творческой биографии ученого не много – 6 статей, но именно они позволяют выявить те компоненты, по которым можно определить уровень изученности проблемы в отечественной историографии. В их числе статьи и доклады «Историография формирования и развития отрядов рабочего класса национальных районов Сибири», «Вопросы историографии индустриального развития Забайкалья в 1926-1960 гг.», «Историо-

графия индустриализации Забайкалья», «Историография национально-государственного строительства в Сибири», «Вопросы истории Бурятии в трудах профессора Ф.А. Кудрявцева» и др. При этом теоретико-методологической основой публикаций избраны формационный и хронологический принципы.

Е.Е. Тармаханов, ученик и сторонник формационного подхода, конечно же, не мог не обратить внимания на новые методологические подходы, резкую критику теоретических выводов и концептуальных идей советской историографии в 90-е годы. В целом не отказываясь от своих концептуальных позиций, он понимает необходимость активного расширения эмпирического материала, а также необходимость глубокого анализа и критического переосмысления ставших традиционными взглядов, давно устоявшихся концепций.

Важнейшим направлением историографического анализа в творчестве профессора Е.Е. Тармаханова стали публикации об итогах развития и задачах исторической науки в Бурятии. К ним относятся статьи «Вузы и развитие науки в Бурятской АССР», «Изучение вопросов истории Советской Бурятии в вузах республики (1960-1985 гг.)». Этим работам присущи основные элементы историографического исследования: периодизация, классификация, проблематика, концепция, оценочные суждения.

При определении задач в разные периоды Е.Е. Тармаханов сохраняет преемственность в формулировании направлений. В настоящее время коллектив авторов под руководством профессора Е.Е. Тармаханова завершает работу над учебным пособием «Историография истории Бурятии».

В заключении следует подчеркнуть, что на протяжении нескольких десятилетий профессор Е.Е. Тармаханов читает на историческом факультете Бурятского государственного университета основополагающий курс историографии истории России и является автором программы по историографии истории Отечества¹⁰.

Таким образом, Е.Е. Тармаханов в своем научном творчестве успешно использовал различные формы историографических сочинений: статьи, зарисовки, биографические очерки, рецензии, учебные пособия и стал тем авторитетным ученым, который прокладывает путь историографии, ее становлению и развитию в исторической науке Республики Бурятия.

Примечания.

¹ Биобиблиографический указатель трудов профессора Тармаханова Ефрема Егоровича. – Улан-Удэ, 1997.

² Митупов Б.-М.М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса Бурятской АССР (1923-1937 гг.). – Улан-Удэ, 1958; Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация и ее освещение в советской историографии. – М., 1974; Рабецкая З.И. КПСС – организатор научно-технического прогресса в промышленности Восточной Сибири (1959-1970 гг.). – Иркутск, 1981; и др.

³ Батуев Б.Б. Партия большевиков – организатор победы Советской власти в Восточной Сибири. – Улан-Удэ, 1971.

⁴ Бартапова А.А. Образование Бурятской Автономной Советской республики. – Улан-Удэ, 1964; Шулунов Н.Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919-1923 гг.). – Улан-Удэ, 1972.

⁵ Басавс Г.Д. Становление бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ, 1987.

⁶ Санжисв Б.С. Советы Бурятии в канун и период Великой Отечественной войны. – Иркутск, 1995.

⁷ Рацдалов Ю.Б. Изменение социальной структуры села национальных районов Сибири в условиях развитого социализма. – Новосибирск, 1980.

⁸ Ученые из Боханского и Осинского районов Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Аннотированный список докторов наук, профессоров и кандидатов наук по специальностям. – Улан-Удэ, 2000.

⁹ Тармаханов Е.Е. Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии. 1938-1958 гг. – Новосибирск, 1979.

¹⁰ Программа по историографии отечественной истории. – Улан-Удэ, 1994.

Д.К. Чимитова

Проблема индустриального развития Бурятии в трудах профессора Е.Е. Тармаханова

Трансформация традиционно-аграрного общества в индустриальное представляет собой одну из интереснейших проблем мировой истории. Особенно важной эта проблема представляется сегодня, когда потребность в пересмотре советского наследия, определении новых методологических подходов остро ощущается на всех направлениях исторической науки. Изменения, происходившие в процессе становления индустриального общества в Сибири и Бурятии, в частности, всегда привлекали внимание исследователей. Первые попытки анализа были сделаны в ходе самой индустриализации. Авторами первых работ, как правило, являлись партийцы и советские работ-

тики. Поэтому, несмотря на то, что круг источников, используемых авторами конкретно-исторических работ 20-х г. довольно разнообразен, значительная часть публикаций имела установочный, директивный и агитационно-пропагандистский характер.

Незначительное развитие историография проблемы получила во второй половине 30-40-х гг. Разнообразное нарастание количественных и качественных характеристик промышленного развития к этому времени было фактически остановлено резким сокращением публикаций исторических работ и журналов, регламентацией их содержания, порожденными утверждением в общественной жизни атмосферы культа личности, идеологического и политического террора. Влияние их было настолько тормозящим, что систематизация работ, затрагивающих историю промышленных преобразований, становится практически невозможной из-за их малочисленности и тематической беспрофильности. И только в 1953 году в диссертационном совете при Ленинградском государственном университете Е.Е. Тармаханов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социалистическая индустриализация Бурят-Монгольской АССР в годы предвоенных сталинских пятилеток. 1928-1941 гг.»¹.

По существу, именно с этого момента можно говорить о превращении истории промышленного развития республики в самостоятельный предмет исторического исследования. Примечательным является и то, что диссертация была написана в плане гражданской истории и неоднократно подвергалась критике за недостаточно ярко выраженную роль Коммунистической партии в процессе индустриализации Бурятии.

Некоторые положения диссертации были изложены в статье Е.Е.Тармаханова "Промышленное развитие Бурят-Монголии в годы второй пятилетки", опубликованной в 1954 г. Работа написана на основе использования материалов ЦГА БурАССР, публикаций и периодической печати и интересна прежде всего вводимым в оборот фактическим материалом².

Так, автор отмечает, что при росте капитальных затрат в промышленности всего Советского Союза за период второй пятилетки в 2,2 раза, капитальные вложения в промышленность Бурят-Монгольской АССР увеличились за этот период в 22,5 раза, т.е. они росли в 9,5 раза быстрее, чем капиталовложения в промышленность СССР в целом. Это объясняется тем, пишет он, что Бурят-Монголия начала свою индустриализацию на очень слабой, отсталой технико-

экономической базе. Необходимость в кратчайшие сроки догнать передовые районы страны в промышленном отношении и обусловила столь высокие затраты. В статье довольно подробно говорится о пуске в эксплуатацию паровозо-вагоноремонтного, механического стекольного, кирпичного и деревоотделочного заводов, а также о развитии в республике легкой индустрии (в частности о мясокомбинате, мелькомбинате и др.). Кроме этого в статье затрагивались вопросы подготовки кадров для растущей промышленности Бурят-Монголии³.

Конечно, работы несут на себе печать времени, но их ценность заключается в том, что они составили первооснову, на которой позже появились исследования, посвященные вопросам промышленного развития.

С середины 50-х гг. демократизация общества, освобождение от наследия сталинизма, издание документальных сборников, посвященных различным аспектам истории социалистического строительства в СССР, широкий доступ к архивным материалам способствовали активному развитию исторической науки. Критически пересматривая отдельные положения, преодолевая схематизм, иллюстративность, свойственные определенной части работ предшествующего периода, историки сделали важный шаг на пути дальнейшего, более углубленного анализа индустриального развития национальных республик Сибири.

Обогащение источниковой базы, возросший уровень исследовательской работы, увеличение числа квалифицированных историков в этот период способствовали подготовке и изданию таких крупных обобщающих трудов, как "История Сибири с древнейших времен до наших дней", "История Бурятской АССР"⁴. Вполне естественно, что Гармаханов Е.Е. принял активное участие в процессе создания обобщающих трудов. При его участии был создан 2 том "Истории Бурятской АССР" (1959 г.). Данная работа внесла значительный вклад в освещение истории Бурятии советского периода и явилась крупным событием в научной жизни республики.

Если сводные фундаментальные работы в силу их характера и объема дают общее представление об основных мероприятиях по восстановлению и развитию промышленности Бурятской республики, то в специальных трудах эта проблема исследована значительно полнее и глубже. В большинстве работ выводы стали строиться на изучении всей совокупности исторических фактов, на обследовании массовых источников. Определилась группа ученых, труды которых

составили солидную основу историографии проблемы. И в первую очередь это работы Ефрема Егоровича Тармаханова. В его публикациях вопросы, выдвинутые в литературе предшествующего периода в самом общем виде, получили более четкую и обоснованную постановку.

В 60-х гг. Е.Е. Тармаханов принял активное участие в создании фактически нового для восточносибирской историографии вида исторической литературы - юбилейных очерковых истории заводов и фабрик⁵. В них рассматривается как история предприятия, так и современное состояние. Наряду со сведениями о характере производств содержатся материалы о деятельности трудового коллектива, об изменении численности рабочих.

Важной методологической проблемой на всех этапах изучения индустриализации является решение источниковедческих аспектов, в том числе выбор и определение адекватных и представительных источников, позволяющих всесторонне исследовать процесс промышленного развития. В этом плане чрезвычайно интересна работа "Развитие промышленности Бурятской АССР за годы строительства социализма (1917-1941)"⁶. Она написана с привлечением огромного количества архивных документов, впервые введенных в научный оборот. Но "ввиду разбросанности документальных материалов во многих архивохранилищах, недостаточной их сохранности, ограниченности содержащихся в них сведений о многих вопросах развития промышленности, численности кадров и их культурно-техническом росте, а также низкого уровня статистики первых лет Советской власти в Бурятии и предвоенных лет автор встречался с расхождениями и противоречиями в архивных данных, что затрудняло выявление и отбор материалов. Поэтому некоторые вопросы индустриального развития республики освещаются с известными пробелами"⁷.

В данной монографии автор пришел к выводу, что процесс индустриализации не завершился полностью к началу Великой Отечественной войны и стоял на повестке дня и в послевоенные годы. Это приводит исследователя к необходимости изучения процесса индустриализации в последующий период. Собранный материал послужил основой для написания диссертации на соискание степени доктора исторических наук, которая была с успехом защищена в Ленинградском университете в 1969 году.

В последующие годы ученый продолжает работу над избранной темой. И в 1979 году в Новосибирске выходит монография «Про-

мышленность и рабочий класс Советской Бурятии. 1938-1958 гг.». ⁸ Это первая крупная работа, обобщающая историю развития промышленности и формирования рабочего класса республики с конца 30-х до конца 50-х гг. Ее достоинством является то, что впервые в исторической науке было охарактеризовано индустриальное развитие Бурятии за длительный период. В монографии уделяется большое внимание таким вопросам, как источники и формы пополнения рабочего класса, изменения его численности и состава, организация трудовых соревнований. Знаменательным представляется отход от шаблонного определения сроков превращения национальных республик в индустриальные, согласно которому в качестве завершающего этот процесс повсеместно и безоговорочно назывался 1937 год. Хочется отметить безусловную научную смелость автора, рискнувшего выступить вразрез с существующей концепцией индустриализации СССР.

В исследованиях Е.Е. Тармаханова совершенно верно подчеркивается, что ввиду аграрного характера экономической структуры республики главным источником накопления явилось сельское хозяйство. Однако внутренних источников накопления национальной республики было явно недостаточно для форсированного промышленного строительства. Исходя из этого, исследователь пишет о перераспределении общесоюзного фонда накопления в пользу ранее отсталых республик, так как необходимость выравнивания уровней экономического развития требовала проведения именно такой хозяйственной политики.

Проблема индустриального развития, которой занимается проф. Е.Е. Тармаханов чрезвычайно многопланова. Одним из аспектов данной темы является вопрос подготовки кадров для промышленности. Эти вопросы затрагивались уже в первых работах, но в 60-70-е гг. тема получила дальнейшее развитие и стала предметом отдельного исследования ⁹. Конечно, работы этого периода несут на себе печать времени, излишне идеологизированы, затушевывают недостатки. Тем не менее, в них поставлен ряд очень важных вопросов, в связи с чем данные работы и в наши дни представляют не только историографический интерес.

Исследование проблем индустриального развития Бурятии закономерно подвели профессора Е.Е. Тармаханова к необходимости подведения итогов изучения данного процесса. И результатом стало появление нескольких статей, посвященных историографии индустриализации. ¹⁰ В этих работах дается характеристика проблемного

поля и современного состояния исследований по теме, выявляются как наиболее изученные, так и нуждающиеся в дальнейшей разработке аспекты проблемы, подводятся итоги и намечаются перспективы изучения темы.

По мнению ученого, к числу не решенных до конца проблем следует отнести вопрос о сроках завершения индустриализации в Бурятии, о формировании состава и структуры промышленности, наличии альтернативных вариантов развития индустрии в регионе.

Определяя круг нерешенных проблем, Е.Е. Тармаханов сам активно стремится к заполнению «белых пятен» в исследовании процесса индустриального развития в Бурятии. В течение многих лет под его руководством создаются дипломные исследования по тем или иным проблемам индустриализации, работает научный кружок.

В целом, результаты исследований ученого выдержали испытание временем, его основные выводы сохраняют свое научное значение и по сей день. Все это свидетельствует о том, что профессор Ефрем Егорович Тармаханов внес неоценимый вклад в изучение вопросов индустриального развития Восточной Сибири, и Бурятии, в особенности.

¹ Ербанов М.Н. Вопросы культурно-национального строительства Бурятии: Краткий очерк. - Верхнеудинск, 1926.; Он же. Пять лет автономии Бурятии. Краткий очерк. Изд. Буробкома ВКП(б)- Верхнеудинск, 1926.; Сегал Г. Индустриализация окраин. -М. -Л., 1928; Хавин А. Социалистическая индустриализация национальных республик и областей. -М., 1933.; Кирсев Б. Бурят-Монгольская АССР на пороге второго пятилетия. -М. -Л., 1933; Самойлович П. Бурят-Монгольская АССР. - М., 1934.; Убугунов Д. М. Промышленность к десятилетию Октябрьской революции //Жизнь Бурятии. -1927. -№10.-С. 47-53; Козьмин Н. Бурят-Монгольская АССР. - Верхнеудинск, 1928.; Ербанова С.Я. Бурятия на путях индустриализации//Социалистическое строительство Бурят-Монголии.-1935.-№1-4.-С.24-33.

² Тармаханов Е. Е. Социалистическая индустриализация Бурят-Монгольской, АССР в годы предвоенных сталинских пятилеток. 1928-1941 гг.: Автореф. дис.... канд. ист. наук.-Л., 1953.

³Тармаханов Е. Е. Промышленное развитие Бурят-Монголии в годы второй пятилетки //Уч. зап. БМГПИ.-Улан-Удэ, 1954.-Вып.У1.-С.13-47.

⁴Тармаханов Е. Е. Там же. -С.39.

⁵ История Сибири с древнейших времен до наших дней. -Л.,-1968. -Т. 4;-Л., 1969. -Т.5; История Бурятской АССР.-Улан-Удэ, 1951. -Т. 1; Улан-Удэ, 1959. -Т. 2.

⁶ Безлюсов В., Наукин А., Тармаханов Е., Чететкин П. Гигант Бурятии. -Улан-Удэ, 1960.

⁷ Тармаханов Е. Е. Развитие промышленности Бурятской АССР за годы строительства социализма (1917-1941 гг.) // Уч. зап./Бур.гос. пед. ин-т.-1968. - Вып. 30.-С.3-195.

⁸ Тармаханов Е.Е. Там же.-С.18.

⁹ Тармаханов Е.Е. Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии. 1938-1958.-Новосибирск, 1979.

¹⁰ Тармаханов Е. Е. Укрепление связи рабочих с крестьянами в процессе формирования и развития рабочего класса Бурятии (1938-1941 гг.)//Осуществление ленинских идей о союзе рабочего класса и крестьянства в Сибири; Тез.докл.и сообщ., пленарного заседания Всесоюзного симпозиума.-Барнаул, 1976.-С.38-41.; Он же. Рабочий класс Бурятии в годы Великой Отечественной войны// Рабочий класс в период упрочения и развития социализма. 1938-1958 гг. Новосибирск, 1977; Он же. Рабочий класс Бурятской АССР в годы послевоенного восстановления и развития народного хозяйства (1946-1950 гг.)// Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма (1938-1958 гг.)- Новосибирск, 1977; Он же. Формирование и развитие рабочего класса национальных районов Сибири в период развитого социализма.// Вопросы социального развития национальных районов Сибири при социализме.-Иркутск, 1980; Он же. Создание социально-экономических и политических предпосылок формирования рабочего класса в Бурятии 1917-1928 гг.//Рабочий класс Бурятской АССР.-Улан-Удэ, 1985.

¹¹ Тармаханов Е.Е. Историография формирования и развития отрядов рабочего класса национальных районов Сибири.// Исторический опыт освоения Сибири. Вып.2. -Новосибирск, 1986.; Он же. Некоторые вопросы социалистической индустриализации национальных районов Сибири.// Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск, 1988.; Он же. Историография индустриализации Забайкалья.//Историография рабочего класса и индустриального освоения Сибири (советский период). Новосибирск, 1989.; Он же. Вопросы историографии индустриального развития Забайкалья в 1926-1960 гг.// Некоторые вопросы истории Бурятии. Улан-Удэ, 1994.; Он же. Историография социалистической индустриализации национальных районов Сибири.//Историография индустриального развития национальных районов Сибири. Улан-Удэ, 1990.; Тармаханов Е.Е., Чимитоова Д.К. Историография промышленного развития и формирования рабочих кадров Бурятии (1921-1940 гг.). Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. Улан-Удэ, 1998.

Подготовка учителей в Бурятском Классическом университете

Осуществление в стране всеобщего начального, затем неполного среднего и среднего образования резко повышало потребность в учительских кадрах с высоким уровнем профессионально-педагогической подготовки. Престиж и роль учителя были подняты с их первой Государственной Аттестации, проведенной в 1936-37 гг. По итоговым данным Центральной Аттестационной Комиссии Бурят-Монгольской АССР к концу 1936-37 учебного года аттестацию прошли 2500 учителей. Из них только 30% получили персональное право учителя, 59% было предоставлено право преподавания с условием сдачи экзамена в соответствующем педагогическом заведении до 1 августа 1938 года и 2% - освобождено от занимаемой должности, как неудовлетворяющих требованиям учителя школы¹.

Персональное и пожизненное звание учителя начальной и средней школы получили те, кто имел соответствующее педагогическое образование и был признан пригодным к этой сложной и ответственной работе.

Необходимо отметить, что такую тревожно низкую оценку учителя получили от Аттестационной Комиссии несмотря на то, что к этому времени правительством республики были предприняты решительные меры по открытию у себя специальных средних и высших педагогических учебных заведений. Уже в 1924 г. в столице республики был открыт первый Бурятский педтехникум. В 1930 г. начал подготовку учителей для начальных школ педтехникум в с. Агинское, а с 1932 г. в - Бохане и Кяхте.

В 1929 году был открыт Бурятский учительский институт для подготовки учителей 5-7 классов. В 1932 году в республике. Было создано первое высшее учебное заведение – Бурятский педагогический институт, который вскоре получит имя первого бурятского ученого с мировым признанием – Доржи Банзарова. Чтобы удовлетворять возрастающие потребности в учителях высшей педагогической квалификации, с 1933 г. при Бурятском пединституте начало действовать заочное отделение, где в настоящее время осуществляется профессиональная подготовка по всем основным учебным дисципли-

нам средней школы.

В апреле 1934 года в Улан-Удэ открывается институт повышения квалификации кадров народного образования (ИПКНО), который активно занимается и подготовкой учительских кадров. За один 1936 год, например, курсами ИПКНО были охвачены учителя начальной школы в количестве 574 человек, учителей НСШ – 174 человека. Кроме того, 50 человек готовились к сдаче экзаменов экстерном в учительском институте, 130 человек учились заочно в педагогическом институте.

Проведенная в 1936 году Государственная Аттестация учителей дала мощный толчок к дальнейшему повышению качества их профессиональной подготовки, которое проводилось во все последующие годы. Так, в августе 1945 года Постановлением СНК СССР «Об улучшении дела подготовки учителей» была ликвидирована практика краткосрочной подготовки учителей, не получивших полного среднего образования. С 1953 года педагогические училища переходят на прием учащихся на базе средней школы, вместо неполносредней и на более длительный срок обучения (вместо 2-летнего на 4-летний). С 1952 года учительские институты получили право подготовки специалистов с высшим педагогическим образованием.

Постепенно высшую педагогическую квалификацию получают учителя начальных школ. В 1978 г. на базе Бурятского пединститута открывается факультет начальных классов (ФНК), который успешно функционирует и в настоящее время.

Для подготовки учителей физической культуры с высшим образованием в 1960 году был открыт – факультет физической культуры; учителей иностранных языков – факультет иностранных языков (на базе бывшего отделения в 1963 г.), а в 1977 г. – индустриально-педагогический факультет, где готовятся учителя труда и основ производства.

С 1987 года при БГПИ работает факультет подготовки и повышения квалификации работников органов народного образования (ФПК ОНО). В начале своей деятельности руководители школ и органов народного образования Республики Бурятия, но и Якутии, Тувы, Читинской области, а также Агинского и Усть-Ордынского бурятских национальных округов повышали квалификацию на этом факультете.

С созданием единой системы подготовки учительских кадров для школ республики, шло непрерывное совершенствование в них учеб-

но-воспитательного процесса, направленного на дальнейшее повышение уровня профессионально-педагогической подготовки.

Например, если в первые годы деятельности пединститута психолого-педагогические дисциплины ограничивались сводными предметами «Педагогика», «Педология» («Психология»), затем они были расширены специальными курсами «Введение в педагогику», «Введение в специальность», «Детская и возрастная (педагогическая) психология» и «Школоведение», с 1985 года происходит коренное обновление педагогических и психологических дисциплин, направленное на более основательную профессиональную подготовку будущих специалистов. По новой учебной программе 1988 года педагогические предметы в пединститутах и педуниверситетах изучаются непрерывно, с первого до последнего курса. В первом семестре изучаются ныне «Общие основы педагогики», которые дополнены отдельными темами из курсов «Введение в педагогику» и «Введение в специальность», а также такой важной темой как «Педагогическое мастерство, новаторство, творчество». Во втором и третьем семестрах изучается «Теория воспитания и методика воспитательной работы», «Философия и история образования», на протяжении четвертого семестра ведется курс «Теория и практика обучения (дидактика)». Кроме того, в этом же семестре часть времени отводится на изучение нового раздела педагогики «Основы педагогической культуры и педагогического мастерства».

Произошли изменения и в организации важнейшего элемента профессиональной подготовки учителя путем введения непрерывной педпрактики. В связи с этим в третьем семестре акцентируется внимание на таких разделах педагогики как «Теория воспитания и методика воспитательной работы», в четвертом – на «Теорию и практику обучения», в следующем семестре – на «Школоведение и педагогическое мастерство».

Коллективом кафедры педагогики Бурятского пединститута за 60-80-е годы был накоплен богатый, можно даже утверждать уникальный опыт организации не только школьной педпрактики, но и лагерной практики, готовившей студентов к работе в летний оздоровительный сезон, в пионерских и школьных лагерях труда и отдыха (ЛТО). Оригинальность этого инструктивного лагеря заключалась, в частности, в том, что одновременно мы обучали до 500 студентов, создавая реальные лагерные условия, когда они в течение двух недель жили вместе, в составе звеньев, отрядов, на полном самообслуживании.

живании, в помещениях пионерских лагерей на Верхней Березовке. Тогда эти лагеря с прекрасными спальными корпусами, клубами, стадионами и столовыми обустраивались и содержались такими крупными предприятиями как ЛВРЗ, БМДК, ТСК и т.д. При практическом инструктаже студенты получали разносторонние знания и навыки по заполнению досуга детей интересными, занимательными делами, способствующими активному физическому, умственному, нравственному и эстетическому их развитию. Благодаря щедрой шефской помощи этих предприятий студенты обеспечивались высококалорийным четырехразовым питанием весь период пребывания в инструктивном лагере. После такой подготовки работа студентов высоко оценивалась почти во всех лагерях республики.

Такая возможность усиления профессионально-педагогической подготовки будущих студентов создавалась благодаря тому, что в педвузах страны периодически увеличивалось учебное время на психолого-педагогические дисциплины. В 1963 году это составляло 354 часа в год, в 1983 г. – 660, в 1985 г. – 830.

Известные достижения в работе школ республики по повышению качества обучения и воспитания детей и молодежи - результат высокой профессиональной деятельности учителей и организаторов народного образования. Вместе с этим вызывает серьезную тревогу фактическое прекращение в нашей республике подготовки учителей с необходимой теоретической и практической подготовкой, особенно по психолого-педагогическим дисциплинам. В связи с преобразованием педагогического института в Бурятский классический университет от подготовки учителя перешли к так называемой дополнительной квалификации «преподаватель», которую студент университета может по личному усмотрению выбрать или отказать. То есть, при приеме абитуриентов теперь не учитывается профессиональная пригодность, которая жестко учитывается при аттестации специалиста. Значит сводится к нулю и профориентация, многолетний труд учителей по определению и развитию интересов, склонностей и способностей каждого из своих воспитанников, а без этого выполнение главной задачи любого учебного заведения по целенаправленному развитию индивидуальных призваний и талантов к определенному виду деятельности, особенно к учительской, переносится на задний план. Дело в том, что по крайне усеченному учебному плану классического университета по психолого-педагогическим дисциплинам, студент, выбравший дополнительную квалификацию «преподава-

тель», получает весьма поверхностные знания и практические навыки. Сравним с новыми действующими планами педвузов. Вместо расширенных и углубленных курсов педагогики, которые последовательно изучаются на протяжении всего периода учебы, в университете оставлены «Общие основы педагогики» только во втором семестре по 2 часа в неделю, «Педагогические теории, системы и технологии» в третьем семестре также по 2 часа в неделю, «Технология воспитательной деятельности» в шестом семестре без «Теории воспитания» и только по 1 часу в неделю, т.е. всего на 9 аудиторных занятий, «История и философия образования» в четвертом семестре также по 1 часу.

Чтобы лучше вы поняли нашу тревогу, отметим, что при таком минимальном количестве часов, отведенных на чтение лекций, например, по «Истории и философии образования», на обширный его раздел «История образования и педагогики в России с 1919 г. до современности» (педагогические учения А.В. Луначарского, Н.К.Крупской, С.Т. Шацкого, П.П. Влонского, А.С. Макаренко, В.А.Сухомлинского) выделено всего два аудиторных занятия. Что можно рассказать, например, о Макаренко за 5-7 минут выделенного времени? К этому следует добавить, что по психолого-педагогическим дисциплинам совсем не предусмотрены семинарские и практические занятия, вместо них выделено мизерное время на самостоятельную работу студента даже по таким курсам как «Технология воспитательной деятельности» и «Новые информационные технологии в учебном процессе». Особую тревогу вызывает замена непрерывной педагогической практики в школах 7-8 недельной практикой только в восьмом семестре.

В завершение всего «Педагогика» и «Психология» сняты с государственных экзаменов. Мы невольно возвратились к давно осужденной практике подготовки преподавателей «урокодателей». Нет, мы не против университета и искренне приветствовали его открытие как высшей ступени в системе образования. Скажем больше: классический университет для Бурятии – это то же, что и первый в России Московский университет, основанный в 1755 году. Мы получили возможность готовить у себя врачей, юристов, экономистов и других специалистов. Для них большими усилиями ректората создана современная учебно-материальная база, эти новые факультеты укомплектованы квалифицированным преподавательским вспомогательным составом. В связи с этим возникает желание, чтобы подготовка

учителей также заняла свое особое место в системе университетского образования.

Вспомним опыт прошлого. В 1779 году при Московском университете была открыта первая учительская семинария, которая положила начало подготовке профессиональных учителей для гимназий, т.е. повышенных школ. Такие семинарии открывались и при других университетах. В 1929 г. уже в советское время при Иркутском университете (1918) начали готовить учителей на специальном педагогическом факультете. На базе этого педфака был вскоре открыт Иркутский пединститут, ныне действующий педуниверситет. А на базе Бурят-Монгольского отделения педфака университета стало возможным открыть в 1932 г. и наш Бурятский педагогический институт.

К подготовке будущего учителя всегда подходил с особой ответственностью К.Д. Ушинский, составивший новый «Устав учительских семинарий», подчеркивавший, что воспитание детей должно основываться на глубоком знании педагогики – науки об обучении и воспитании, что «педагогика не только наука, а искусство и самое сложное и обширное из всех искусств», т.е. учительская профессия требует особого призвания.

С развитием человеческой цивилизации воспитание подрастающего поколения не облегчается, а усложняется. Не случайно в нынешних условиях жизни нашего общества Президент В.В.Путин выдвинул требование всемерно поднимать престиж и роль учителя. Без восстановления высшего педагогического образования это требование не выполнить. Для этого мы имеем все возможности. В университете сейчас трудятся более десяти докторов педагогических наук, профессоров, из них 4 члена-корреспондента Российской Академии – образования, 70 кандидатов наук, доцентов. Можно объявить конкурс на лучший проект педагогического вуза в составе классического университета, который может стать качественно новым, уникальным учебным заведением в формирующейся системе национально-регионального образования.

Набор студентов должен проводиться на жесткой конкурсной основе не столько по количеству баллов, сколько по профессиональной пригодности. Пора уйти от беспланового приема, когда значительная часть выпускников вынуждена стоять за прилавками диких рынков. Подготовка учителей по всем специальностям должна соответствовать фактическим потребностям школ республики и проводиться строго по заказу Министерства просвещения. Это значительно сократит

финансовые расходы и намного повысит качество и престиж учителя.

Примечание.

¹ НАРБ, ф. НКП, оп. 3, д. 4, л.23.

Э.Ц. Жалсанова

Состояние и перспективы некоторых вопросов теоретической истории

В конце XX в. российская историческая наука оказалась в глубоком методологическом вакууме из-за утраты теоретических оснований и методологических ориентиров. Болезнь роста, по мнению историков, началась с 1986-1987 годов, когда разразилась радикальная критика основ советской историографии. В 1990-1991 гг. историческая наука вступила в полосу кризиса, связанную с критикой марксизма и основных положений исторического материализма. Выход из нее, начавшийся в 1967-1998 годах сопровождался утверждением в исследовательской практике «теоретического плюрализма».¹

Однако такая ситуация воспринимается одними учеными как показатель некоей теоретико-методологической неопределенности в отечественной исторической науке. По мнению Л.И.Семенниковой, она обусловлена отсутствием ведущих методологических школ, диалога между историками разных направлений, медленным структурированием историографического поля. Она права в том, что последнее происходит в институциональных, более точно в административных, чем в теоретико-методологических формах. В этом есть опасность манипулирования общественным сознанием. Однако, это проблема, по ее мнению, не столько профессиональных историков, сколько общества в целом.²

Вместе с тем, в исторической науке произошли качественные сдвиги, а именно: появились новые направления - история повседневности, история ментальностей, бытовая история, историческая антропология и т.д. Также введена в научный оборот масса источников, открылось море «белых пятен» и неисследованных тем, идет апробация новых методов и методик исследований по микроистории. В целом современное состояние науки подтверждает идею К. Поппера о существовании не одной, а множества историй, что делает самоценной каждую объясняющую модель и теорию.

В то же время поляризация теоретико-методологических взглядов, по мнению ученых, разрывает единство исторического познания, способствует уходу историков в рассмотрение частных вопросов, а также демонстрирует нежелание гуманитариев заниматься теоретическими проблемами истории.

В целом теоретический плюрализм в современной исторической науке воспринимается поколением историков среднего и молодого возраста как естественная ситуация. Молодое поколение историков пытается в известной степени ее закрепить, считая, что имеет право писать собственную историю, со своими представлениями о критериях научности исторического знания, с собственным вариантом проблематизации и актуализации исследований. Такое отношение историков к гносеологии и онтологии исторической науки актуализирует проблему «современности», которая во многом определяет заказ и направление поиска и формирования предмета исторических исследований, его категориальной структуры, ценностных ориентаций историков, оформления нового научного языка.³ Успешный поиск и познание Истины во многом зависит от определенной техники видения предмета исследования историками профессионально занимающимися реконструкцией исторической реальности, а также понимания всей меры ответственности перед обществом, к которому принадлежат, и перед людьми прошлого, историю которых они изучают. В этом плане нельзя не согласиться с мнением В.И.Уколовой, что «в конечном итоге критерием истинности оказывается корпоративная честность и человеческое достоинство историка. И с этой позиции история должна быть в высшей степени нравственной наукой. Для историка быть субъективно точным значит быть профессионально нравственным».

Известно, что профессиональное общество историков представлено историками-фактологами и историками-концептуалистами. Их объединяет то, что в любом исследовании есть некий теоретический стержень, позволяющий объяснить исследуемые явления.

Предметно теоретическим анализом истории занимаются философия истории, методология истории и социология. Объединяющей основой данных научных дисциплин является теория, общие аспекты которой отражены в следующей схеме.⁴

Аспекты теории
↓
концепции
обобщения, суждения, гипотезы
типы и уровни
подходы
модели и парадигмы

Содержанием концепций, подходов, моделей и парадигм, их разработкой занимается философия истории как общей теории исторического процесса, учение о познании исторической реальности. А в методологии истории они представлены в опосредованном виде в результатах исторических исследований. Поэтому вопрос, как происходит анализ исторических событий, на какой концептуально-теоретической базе проведено конкретно-историческое исследование является одной из важнейших методологических задач.

Несомненно, роль личных качеств исследователя, его глубокий профессиональный интерес к теоретическим проблемам исторической науки, философская и методологическая культура в историческом познании играют ведущую роль. Выбор темы, формирование исследовательской ситуации, результаты исследования в виде «новых знаний» во многом определяются индивидуальным предположительным внеисточниковым знанием, присутствующим в исследовании неявно. К нему относятся картины мира, теория и философия истории, состояние исторической науки (готовое знание), источниковедческая база, индивидуально усвоенное готовое знание, концепция, относящаяся к теме.⁵ Так, знания по теории и философии истории выполняют роль компаса в море фактов, позволяют осуществлять синтез и интерпретацию исследуемых явлений. В то же время используемые исследователем концепции, подходы, модели, парадигмы, методы организуют «путь исследования», способствуют расширению и систематизации источниковой базы, оригинальному выполнению и оформлению исследований. Во многом методологическая культура историков будет зависеть от того, насколько успешно методология истории будет оттачивать инструментарий исторической науки. В его ведении находится изучение категорий исторической науки: историческая необходимость и случайность, причинность в истории, менталитет, закономерности и т.д. В тесной связи с категориями исследуются методы и принципы исторической науки. Инно-

вационным в методологии является то, что «ценностный подход» отнесен к принципам истории, который, на наш взгляд, имеет большие познавательные возможности. Кроме того, новое звучание приобретает принцип историзма, который дополняется новым содержанием требования к ремеслу историка. Так, «...историк должен не только рассматривать прошлые события с учетом конкретной обстановки, в которой они протекали, - он становится их участником, находясь внутри наблюдаемой системы и ведя диалог с ней на ее собственном языке и тогда становится возможным разглядеть человеческое лицо любого процесса».⁶

Однако современная ситуация в области теории истории не так проста. Прежде всего потому что история -- не теоретизирующая наука. В ней нет четких и единых законов, описывающих объективную реальность, нет строгой и общепринятой системы доказательств. Предметом ее изучения является историческая реальность, которая сложна, многоаспектна, многомерна. В ней нет однозначной зависимости одних событий от других, и в ней всегда действует множество причин и факторов. «Незапрограммированность исторического процесса, - пишет В.Ф.Коломийцев, - присутствие в нем случайности, а главное -- многообразная деятельность человека обуславливает его многовариантность».⁷ Все явления окружающей действительности представляются взаимосвязанными и взаимозависимыми, что требует комплексного подхода. Тем не менее важнейшей задачей историка является нахождение господствующей тенденции, пробивающей себе дорогу через толщу случайностей. Также актуализируется проблема «процедура понимания и объяснения» в зависимости от используемых подходов, парадигм.

Однако существенных изменений в категориальном и концептуальном аппарате историков, по мнению Л.И.Семенниковой, из-за их приверженности к формационной парадигме не произошло. Это касается, прежде всего, большинства преподавателей истории в школе и вузах, скорректировавших ее в соответствии с достижениями цивилизационного метода. И с большим опозданием, медленно осваиваются концепции, основанные на признании многовариантности истории.⁸ Здесь имеется ввиду цивилизационный подход, важнейшее достоинство которого состоит в представлении об истории как многолинейном, многовариантном процессе. Как известно, в его основе лежит понятие цивилизация.

Трактовка термина «цивилизация», данная Л.И.Семенниковой,

представляется методологически многообещающей. «Цивилизация - это способ жизнедеятельности общества (или способ существования), который определяется наиболее общими факторами: географическая (или природная) среда; система ведения хозяйства (экономика); социальная организация; духовные ценности (религия, идеология) и культура; политическая система; ментальность; особенности эпохи (или эпох) в которых цивилизация существует.⁹ Таким образом, на развитие цивилизации оказывают влияние много факторов. Тем не менее, по мнению Ю.Яковенко, духовное воспроизводство, социокультурный строй являются генетическим ядром цивилизации как мировой, так и локальной.¹⁰

Понимая цивилизацию как способ существования, Л.И. Семенникова предлагает ввести укрупненную единицу анализа - тип жизнедеятельности. По ее мнению, это позволит несколько в иной плоскости ставить и рассматривать вопросы: использование опыта и наследия других цивилизаций, возможность трансформации (модернизации) способа жизнедеятельности в критических точках развития, пути решения проблемы ресурсов для развития при различных способах жизнедеятельности.¹¹

В целом, цивилизационный подход позволяет развернуться в анализе исторических процессов к человеку, смягчить традиционный экономический детерминизм.¹² Однако саму теорию цивилизаций, считает она, необходимо модернизировать с использованием синергетических представлений.

В начале XXI века общественным наукам, в том числе и истории, становящейся междисциплинарной наукой, брошен исторический вызов, связанный во многом, по мнению некоторых ученых, с исчерпанием прежней ньютоновско-картезианской парадигмы. Как известно, она сложилась в 1930-1950 годах. В этот период появились работы А. Тойнби, К.Г. Юнга и Э. Фромма, Ф. Броделя, И. Валлерстайна, положившие начало оформлению теории локальных цивилизаций, психоанализу, экзистенциализму, мирсистемному подходу, теории модернизации и т.д. Ответ на этот вызов, по мнению некоторых ученых, должен состояться в овладении гуманитариями синергетической парадигмы, а также в развитии формационной и цивилизационной теорий, располагающих большими познавательными возможностями. Так, Ю. Яковец, известный специалист по теории и истории цивилизаций, подчеркивает, что на современном этапе взаимодействие мировых и локальных цивилизаций становится все более

многогранным и интенсивным. Поэтому новая познавательная грань цивилизационного подхода заключается в изучении механизма взаимодействия цивилизаций. Кроме того, он категорически против того, чтобы противопоставлять цивилизационной и формационный подходы, как нельзя противопоставлять длину ширине. Он пишет, что это разные измерения относительно целостного исторического процесса.¹³

Плодотворно, на наш взгляд, работает в области теории формаций Л.Е.Гринин.¹⁴ Он в своих работах проводит мысль о том, что сама идея формации как определенного, спиралевидного цикла, соединяющего в себя одновременно и повторяемость, и качественное развитие, представляется весьма важной. Отказаться от него совсем – значит обеднить общественную науку. Чтобы сохранить лучшее в формационной теории, по его мнению, необходимо развести базовые уровни абстракции. Он предлагает в понятии «формация» оставить более высокий уровень – надобщественный, постепенно перерастающей в мировой, а для более низкого, т.е. этапов развития внутри отдельных обществ – ввести понятие формационная стадия. Кроме того, считает необходимым убрать слово «экономическая» (формация) оперируя тем, что четкой связи между сменой форм собственности и переходом к качественно более высоким производительным силам для большинства обществ не было обнаружено.¹⁵ Интересным представляется его мысль о выделении из философии истории новых научных дисциплин: теории истории и социологии истории.

На наш взгляд, в теоретико-методологические и гносеологические основания исторического знания много нового может привнести теория синергетики, играющая сегодня роль сквозной междисциплинарной теории. При этом синергетика, по мнению М.В. Сапронова, рассматривается не как очередная генерализующая концепция, призванная всестороннее объяснять исторический процесс, а как «новая познавательная парадигма, т.е. новый взгляд на окружающий мир, новый идеал научности, новый способ постановки и решения задач, наконец, новый принцип использования познавательных возможностей человека».¹⁶

Новым является то, что в рамках синергетики окружающая нас действительность рассматривается как сложная, открытая, саморазвивающаяся система, состоящая из огромного числа взаимосвязанных элементов (подсистем). Поэтому главным предметом исторического исследования должны стать, пишет М.В. Сапронов, «механизмы адаптации открытых самоорганизующихся систем (каковыми яв-

ляются социальные системы), начиная от приспособления отдельного человека к изменяющимся условиям существования и, кончая процессами навязанной модернизации (догоняющего развития) в масштабах целых государств и регионов».¹⁷

На наш взгляд, интересной представляется понимание А. Неклеса истории как синергийного процесса самоорганизации человеческого сообщества во времени и пространстве. В этом ракурсе, по его мнению, речь должна идти о выделении базисных пространственно-временных структур, описывающих динамическое многообразие процессов и состояний, характерных для человека и общества. Этими базисными структурами могут «быть циклы и волны, лежащие в основе жизнедеятельности человека и любого общества; финансовые, информационные, энергетические потоки, обеспечивающие интеграцию мирового геоэкономического пространства и его динамическое воспроизводство во времени; ключевые динамические структуры, обеспечивающие целостность человека и общества».¹⁸ Таким образом, актуализируется проблема пространства и времени, истории и времени и т.д.

Современность ставит множество вопросов к теоретической истории, но ее общие вопросы остаются не ясными. Вместе с тем, философия истории как теория высшей абстракции должна бы давать историкам общие ориентиры, не дать сбиться с правильного маршрута. Однако «интрига», по мнению Арона, заключается в том что «действительная философия истории - это философия прошлого».¹⁹

В целом, интерпретация истории – сложное занятие. Здесь историка подстерегают трудности, опасности и неуверенность, которые пропорционально растут вместе со степенью абстракции, уровнем обобщения и широтой синтеза исторических конструкций. Единственный выход - в повышении роли методологии и гносеологии исторической науки, а также в неустанном углублении историком своего гносеологического аппарата.

Примечания.

¹ А. Логунов. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии. М., 2001. - С.7

² Л.И. Семенникова. Цивилизационный метод - «заплатка» для формационного // Отечественная история. - 2002 - № 3. - С. 39.

³ Д. Лукьянов. Теоретические и методологические аспекты историографической ситуации конца 1980-начала 1990-х гг. // Образы историографии. - М., 2001. - С. 239-241.

⁴ Рональд Х. Чилкот. Теории сравнительной политологии. М., 2001. - С. 516.

⁵ К.В. Хвостова, В.К. Финн. Проблемы исторического познания в свете междис-

циплинарных исследований. М., 1997. - С. 99.

⁶ М.В.Саронов. Концепции самоорганизации в обществознании: мода или насущная необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) // ОНС. - 2001. - №1. - С. 153-154.

⁷ Там же. С.156.²

⁸ Вопросы истории.-2001.-№ 11-12.-С.161

⁹ Там же. - С. 161.

¹⁰ Ю.Яковец. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема 21 века // Безопасность Евразии.- 2001. - №.1. - С. 9.

¹¹ Вопросы истории. - 2001. - № 11-12. - С.161.

¹² Ю. Яковец. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема 21 века // Безопасность Евразии.- 2001. - № 1. - С. 9.

¹³ Там же. - С. 9.

¹⁴ Л.Е. Гринин. Производительные силы и исторический процесс. М., 2000. - С 56-57.

¹⁵ Там же. С. 56-57.

¹⁶ М.В.Сапронов. Концепции самоорганизации в обществознании: мода или насущная необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) // ОНС. - 2001. - № 1. - С. 156.

¹⁷ Там же. С. 156.

¹⁸ А. Неклесса. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Безопасность Евразии. 2001.-№ 1.-С. 156.

¹⁹ Там же. С. 156.

А.Д. Цыбиктаров

О некоторых исследовательских результатах археологической практики исторического факультета Бурятского госуниверситета

До недавнего времени наш вуз оставался, пожалуй, единственным в восточносибирском регионе, где не проводилась археологическая практика студентов исторического факультета. Эпизодически к участию в археологических экспедициях БНИЦ СО РАН привлекались отдельные студенты. Между тем в университетах и педагогических институтах Сибири и Дальнего Востока еще с 1960 гг. потенциал археологических практик исторических факультетов использовался очень активно и эффективно. Благодаря им за относительно короткие сроки историческая наука получала огромное количество археологи-

⁸ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №02-01-00400а.

ческих источников. Их вовлечение в научный оборот позволяло успешно решать крупные проблемы археологической науки, а в ряде случаев приводило к открытиям и созданию новых направлений в изучении древней истории Сибири и Дальнего Востока.

С созданием в 1996 г. Бурятского госуниверситета на историческом факультете впервые в истории нашего вуза стала проводиться археологическая практика, в которой принимали участие студенты как очного, так и заочного отделений. За короткий срок, благодаря поддержке ректората университета и деканата факультета, была создана материальная база и уже в 1997 г. студенты выехали на полевую практику. За истекшие шесть лет во время проведения этой практики раскапывались погребальные памятники бронзового и раннего железного веков (плиточные могилы, херексуры, курганы монгунгайгинского типа), хуннского (грунтовые могилы) и средневекового времени (курганы) Южного Забайкалья. Исследовались и наскальные рисунки эпохи бронзы и раннего железа – петроглифы селенгинского типа. Таким образом, студенты-практиканты смогли не только увидеть самые разные типы археологических памятников, известные им по теоретическому курсу, но и участвовать в процессе их раскопок. В полевых условиях проводились и разведочные маршруты. Во время раскопок было обнаружено несколько новых памятников и установлено местонахождение могильников бронзового века в местности Старая Капчеранка в Кяхтинском районе, открытых еще в конце 1920 гг. Бурят-Монгольской экспедицией АН СССР под руководством известного исследователя забайкальских древностей Г.П. Сосновского. В целом полевые исследования принесли значительное количество новых источников по древней истории нашего края.

Материалы раскопок и петроглифов в течение прошедших лет использовались студентами очного и заочного отделений при написании курсовых и дипломных работ, подготовке докладов на конференции разного уровня и руководителем практики при разработке актуальных проблем бронзового и раннего железного веков не только Забайкалья, но и всего региона Центральной Азии в целом. Студентами Б. Ардановым, В. Цыбиктаровым, Б. Айдаевым и др. были сделаны доклады на студенческих конференциях и мемориальных научных чтениях, посвященных памяти профессоров исторического факультета Н. П. Егунова и Д. Б. Улымжиева. Кроме этого они подготовили доклады и выступили на региональных археолого-этнографических студенческих конференциях (РАЭСК) зоны Сибири и Дальне-

го Востока в Улан-Удэ, Чите, Новосибирске, Барнауле, Омске¹, где не раз были отмечены дипломами лучших участников. Отметим, что ими были опубликованы работы и в научных сборниках по различным проблемам истории и археологии, вышедших в издательстве Бурятского университета².

Раскопки археологической практики дали особенно интересные и важные материалы по эпохам бронзы и раннего железа. Полученная информация носила принципиальный ключевой характер. Она позволила по-новому рассмотреть ряд вопросов в истории древнего населения бронзового и раннего железного веков не только Южного Забайкалья, но и выйти на решение проблем, касающихся всего региона северной части Центральной Азии в пределах Южного Забайкалья, Монголии, Тувы и Горного Алтая. Остановимся на некоторых из них.

Одна из проблем касается датировки херексуров в Забайкалье и Монголии. Еще с 1920 гг. шла дискуссия по этому вопросу. Одни исследователи датировали их скифским временем, IV-III вв. до н.э. (Г. П. Сосновский³), другие – тюркским временем, VI-VIII вв. н.э. (Г. И. Боровко, А. П. Окладников, Е. А. Хамзина и др.⁴). В середине 1980 гг. нами по материалам новых раскопок в Южной Бурятии, а Ю. С. Худяковым в результате критического анализа материалов прежних раскопок и корреляции этих памятников с оленными камнями, была обоснована их датировка эпохой поздней бронзы и раннескифским временем⁵. Результаты раскопок херексуров и плиточных могил не только подтвердили наши прежние выводы, но и окончательно доказали факт сосуществования в Южном Забайкалье и прилегающих районах Монголии в эпоху поздней бронзы и начале скифского времени местного монголоидного населения культуры плиточных могил и пришлого населения культуры херексуров и оленных камней. Полученная информация позволила приступить к разработке такого сложного вопроса, как реконструкция взаимоотношений местного и пришлого населения. Были выделены следующие их этапы: открытого враждебного противостояния, выразившегося во взаимном осквернении могил, разрушении оленных камней, культовых стел пришлого населения плиточниками на территории Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии; мирного сосуществования и вступления в прямые этнические контакты, которые отразились в появлении погребений смешанного характера, присутствии черт духовной культуры одного населения в культурном комплексе другого.

Раскопки принесли интересную информацию по вопросу о куль-

турном и хронологическом соотношении херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья - еще одной важной проблеме археологии северной части Центральной Азии. От результатов решения этой проблемы зависит постановка и рассмотрение вопроса о ходе этнокультурных процессов в эпоху бронзы и раннего железа на огромной территории указанных выше областей азиатского материка. Если это памятники разных культур, то контакты их населения определяли общую этнокультурную ситуацию от Горного Алтая до Монголии. Если они относились к одной археологической культуре, то снимается вопрос об их взаимоотношениях, и этот аспект следует рассматривать уже относительно населения других археологических культур северной части Центральной Азии, в частности к этнической общности культуры плиточных могил Монголии и Южного Забайкалья. Проблема культурно-хронологического соотношения херексуров и памятников монгун-тайгинского типа рассматривается исследователями по-разному. Одни из них относят их к разным культурам (К. В. Чугунов⁶), другие отмечают, что проблема требует специального рассмотрения (Д. Г. Савинов⁷). Мы высказались за их принадлежность к одной культуре⁸. К. В. Чугунов в качестве одного из аргументов привел несовпадение ареалов распространения этих памятников. Монгун-тайгинская культура была, по его мнению, распространена на территории Тувы и прилегающих к ней районов Горного Алтая и Монголии, в то время как культура херексуров – в Монголии⁹. Открытие курганов монгун-тайгинского типа в результате раскопок археологической практики исторического факультета на могильниках Старая Капчеранка и Тэмэ-хад в 1998-2002 гг. и выявление их по материалам раскопок Ю.Д.Талько-Грынцевича в конце XIX века на могильнике Сухой Ключ в долине Селенги позволили снять территориальный аспект в решении этой проблемы как аргумент в пользу их разнокультурной принадлежности¹⁰. Полученная информация была нами использована в специальной статье. В ней на основании широкого круга источников по раскопкам херексуров и курганов монгун-тайгинского типа от Горного Алтая на западе до Южного Забайкалья на востоке мы обосновывали их принадлежность к одной археологической культуре, интерпретируя херексуры с захоронениями как погребения знати этой культуры, а курганы монгун-тайгинского типа как захоронения людей более низкого общественного положения.¹¹

Материалы раскопок исторического факультета дали информацию

и по другим проблемам истории древнего населения Центральной Азии эпохи бронзы и раннего железа. Однако объем статьи не позволяет остановиться на них.

Таким образом, ежегодное проведение археологической практики приносит большую пользу как студентам, оставляя в их памяти неизгладимые впечатления от соприкосновения с «дыханием седой древности» и проживания в полевых условиях, так и археологии Забайкалья и Центральной Азии, принося с каждым годом новые исторические источники и информацию.

Примечания.

¹ Арданов Б.Ч. К истории изучения монгольских памятников Западного Забайкалья // Молодая археология и этнология Сибири. Материалы ХХІХ РАЭСК. – Чита, 1999; его же Характеристика погребального обряда населения раннемонгольской культуры Западного Забайкалья. // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Материалы ХХХ РАЭСК. Т. 2 – Новосибирск, 2000; Цыбиктаров В.А., К истории изучения петроглифов «селенгинского типа» // Молодая археология и этнология Сибири. Материалы ХХІХ РАЭСК. – Чита, 1999; К классификации петроглифов «селенгинского» типа Западного Забайкалья в связи с вопросом об их относительной хронологии // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. ХХХ РАЭСК, Т. 1. – Новосибирск, 2000; его же Старая Капчсранка 2 – новый петроглиф «селенгинского типа» // Историко-культурное наследие Северной Азии. Материалы ХЛІ РАЭСК. – Барнаул, 2001; Цыбиктаров А. Д., Жамсаранов Б. Б., Найданов А. В. Раннемонгольский курган могильника Баин-Улан-ІІ // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Материалы ХХVІІІ РАЭСК. – Улан-Удэ, 1998 и др.

² Арданов Б. Ч. Характеристика погребального обряда раннемонгольской культуры Западного Забайкалья. // Бурятия: Проблемы региональной истории и исторического образования. Ч. 1. – Улан-Удэ, 2001; Цыбиктаров В.А. Лесные элементы в петроглифах селенгинского типа и вопрос о генезисе селенгинских писаниц Южного Забайкалья и Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ, 2002.

³ См. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – Труды института этнографии. Нов. сер. - Т. ІV. - М-Л, 1948.

⁴ Боровко Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Вып.ІІ. – Л., 1927; Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // Известия АН СССР. Серия ист. и философ. – Т. 8. – 1951. – № 5; Хамзина Е.А. Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск: 1982 и др.

⁵ Цыбиктаров А.Д. О датировке херксеуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988; Худяков Ю.С. Херксеуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987.

⁶ Чугунов К.В. Монгун-тайгическая культура эпохи поздней бронзы Тувы // Петербургский археологический вестник. – № 8. – СПб., 1994.

⁷ Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре коченииков Евразии. - СПб., 1994.

⁸ Цыбиктаров А.Д. Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. - Улан-Удэ, 1999.

⁹ Чугунов К.В. Указ. соч., С. 49.

¹⁰ Цыбиктаров А. Д. Территориальный аспект изучения херексуров и курганов монгун-тайгинского типа Центральной Азии // Мир Центральной Азии. Археология. Этнология. Т. I. - Улан-Удэ, 2002.

¹¹ Цыбиктаров А.Д. Херексуры и памятники монгун-тайгинского типа // Стени Евразии в древности и средневековье. Материалы Международ. науч. конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Книга 2. - СПб., 2002.

С.В. Евдокимова

Экономическое развитие Троицкосавска–Кяхты во 2-й половине XIX века

Город имеет много параметров развития, основным из которых является экономическое развитие. К сожалению, эта сторона истории города Троицкосавска не является предметом специального исследования. Правда, внимание некоторых исследователей привлекала русско-китайская торговля. Но она рассматривалась в отрыве от промышленного развития. (1)

По своему экономическому развитию г. Троицкосавск во второй половине XIX века был одним из развитых городов в Забайкалье. Развитие это он получил благодаря торговой слободе Кяхте, которая находилась в ведении города и выполняла одну из главных экономических функций города – торговлю. Еще в начале XIX века по своему экономическому развитию г. Троицкосавск во второй половине XIX века был одним из развитых городов в Забайкалье. Развитие это он получил благодаря торговой слободе Кяхте, которая находилась в ведении города и выполняла одну из главных экономических функций города – торговлю. Еще в начале XIX века о Кяхте узнали в Лондоне и Париже, в Москве и Пекине, Ташкенте и Урге. Слава о кяхтинской торговле достигла берегов Америки.

Для города Кяхта была той самой кладезью, из которой постоянно черпались денежные средства на многие нужды.

Денежные поступления в доход города шли из акциденции, т.е. сбора «...по полупроцента с рубля, с цены всех покупаемых у китайцев чаш и других товаров...». (2) Акциденция - явление исключи-

тельно кяхтинское, - собираемая купечеством с каждого места чая и других товаров, идущих через Кяхту из Китая, для общественных нужд города и слободы, в 1858-1860 гг. равнялась 110,000 рублей серебром ежегодно. (3) 70 процентов этой суммы шло на благоустройство Троицкосавска.

Данные по акциденции позволяют сделать вывод, что торговля чаем в Кяхте не только стояла на 1 месте, но и быстро развивалась. Еще в начале XIX века ввоз чая в Кяхту составлял 80 тыс. ящиков в год. Увеличению ввоза чая в Кяхту способствовали реформы в 50-х годах, а также упразднение «Положения на размен товаров», уменьшение торговой пошлины на чай, предоставление производства на право торговли купцам II гильдии, разрешение участия в торговле купцам III гильдии и крестьянам, торгующим по свидетельствам. К этому времени в Кяхте было 58 купеческих фирм, в том числе 37 сибирских с общим оборотом 5,8 млн. рублей и 21 торговая фирма из Европейской России с оборотом 4,5 млн. рублей. (4)

Торговые обороты Кяхты возрастают. Кяхта установила обширнейшие связи со всем Забайкальем, Читой, Иркутском, Ирбитом, Макарьевым, Москвой. В Москву и Нижний Новгород Кяхта отправляла чай, шелковые материи, а отсюда получала сукно, плис, ситец, мишуру, посуду для Китая и Монголии. В конце XIX века несколько московских и владимирских текстильных фабрик работали только на Кяхту. Привоз товаров в Кяхту и отправление из Кяхты (600-700 пудов ежегодно) требовали 20-30 тыс. подвод. Кяхтинцы расходовали на провоз товаров 2,5-3,5 млн. рублей в год (5), эта сумма составляла доход притрактового населения. Таким образом, кяхтинская торговля способствовала развитию не только транспорта, но и городов по тракту. Кяхтинская торговля способствовала развитию водного транспорта, так как одной из основных функций байкальских судовладельцев являлась доставка товаров на русско-китайский рынок, где первую скрипку играла Кяхта. Кяхтинский торг процветал продолжительное время собственно из-за отсутствия чайной культуры вне Китая. На российском рынке кяхтинский торг занял одно из важных мест торгового оборота.

Местное купечество вначале особого значения в торговле с Китаем не имело. Торговлю вели приезжие купцы из городов Сибири и Европейской России, кяхтинцы лишь представляли купеческие фирмы других городов. Но к середине XIX века и в Кяхте создается сильное местное купечество. Все дела по торговле вели немногочис-

ленные крупные купеческие фирмы, обладавшие большим капиталом. Торговые дома-фирмы, такие как «Собенников и братья Молчановы», «Коковин и Басов», «Токмаков и К^о», «Бармот де Марк» делали миллионные обороты по чайному делу, часто занимаясь и пушниной, а иногда и хлопковым делом в Туркестане.

Купцы В.А.Собенников, В.И.Молчанов, Н.А.Молчанов были компаньонами частных фирм и фабрик кирпичного чая в Ханькоу, а И.И.Коковин и И.А.Басов - в Фучжоу.

Чай составлял более 90 процентов импорта через Кяхту. Так в 1861-1870 гг. через Кяхту провозилось по 300 тыс. пудов в год, а в 1881-1890 гг. по 1900 тыс. пудов в год. (6) За 20 лет торговый оборот чая возрос в 6 раз. Это был высокий показатель развития торговли чаем. Но кроме чая через Кяхту шел ввоз в Китай изделий промышленного производства. Так в провинции Китая направлялись сукна отечественного и иностранного производства, кожа - «юфть», железные изделия.

Торговые операции фирм приводили к тому, что капиталы купцов «росли как на дрожжах», Н.А.Молчанов имел капитал в 10 млн. рублей, И.И.Коковин и И.А.Басов - по 12 млн. рублей каждый. А.В.Швецов - 15 млн. рублей, В.А.Собенников - 18 млн. рублей. Ф.М.Немчинов - 32 млн. рублей, Я.А.Немчинов - 48 млн. рублей.(7) Огромный капитал Немчиновых объясняется тем, что они кроме чайного дела занимались золотыми приисками в Сибири и России.

Одновременно с внешним рынком (торговля в Кяхте) развивался и внутренний рынок (торговля в городе). О существовании постоянной торговли в Троицкосавске свидетельствует наличие торговых учреждений: частных лавок, базара, торговых площадей, магазинов. Как форму торговли следует рассматривать питейные дома, винные погреба, склады. Так, в 1861 г. в городе было 72 торговые лавки, 1898г. - 244 лавки и других торговых точек.(8) Торговые лавки были расположены в большом гостином дворе, малом ряду, на рынке. Сумма оборота магазинов в большом гостином дворе за 1897-1898 г. составляла от 30000 до 50000 рублей. Процентная прибыль с рубля оборота составляла от 10 до 25 процентов.(9) Это при том, что количество рабочих не превышало 6 человек, работавших под руководством одного или двух приказчиков. На рынке в указанный период времени сумма оборота составляла от 15000 до 22000 рублей. Процентная прибыль с рубля оборота от 5 до 17 процентов,(10) где число рабочих было от 2 до 4 человек, не считая хозяина и приказчика.

Большой товароборот достигался за счет небольшого ассортимента. Торговали в основном чаем, галантереей, тканями, москательным товаром, хозяйственным инвентарем (хлебом, мясом, рыбой на рынке). Чтобы вести торг чаем необходимо было получить свидетельство на право торговли в Троицкосавской Городской Управе. За торговое свидетельство купцы, мелкие торговцы, мещане, крестьяне обязаны были ежегодно платить пошлину - взнос от 20 до 38 рублей - купцы, остальные категории граждан от 7 до 17 рублей.⁽¹¹⁾ Получаемые Управой взносы шли на благоустройство города.

Торговля магазинов и лавок, а также других учреждений в городе к 60-70 гг. XIX в. приобретает постоянный характер, что говорит о наличии элементов капитализма в экономике города, хотя проявлялись они очень слабо.

Как уже отмечалось выше, торговлю в Кяхте вели как местные, так и иногородние купцы, в городе торговлю вели в основном кяхтинские купцы и их служащие. Некоторые купцы получали крупные партии товаров в европейских городах в кредит, под вексель.

От имени Н.А.Молчанова, В.А.Собенникова, Л.А.Хомзе, М.В.Шишмакова в Москве, Нижнем Новгороде, Макарьеве торговые операции совершали комиссионеры-служащие. Торговля велась оптом и в розницу, широко практиковалось кредитование товаров. В целом торговля развивалась на базе роста товарности, обмена товара с другими городами и частями края и государством, закрепляя тем самым связи с общероссийским рынком.

Купцы были народ предприимчивый, Они искали всевозможные пути, чтобы протолкнуть свои чаи. Они пытались провозить их в Туркестан и Среднюю Азию через Персию.

Пользуясь тем, что на сибирских реках не собирались пошлины на иностранные товары, купцы повезли чай из Китая через Суэц, вокруг Европы, через Северно-Ледовитый океан, в устье Енисея, по Енисею - в Красноярск, далее чай шел через Николаевск по Амуру, через Владивосток и другие места. Благодаря находчивости купцов торг чаем не прекращался круглый год. Большие проценты от торговли чаем шли в распоряжение города. Кроме того, Кяхтинская торговля имела определенное значение для экономики Забайкалья.

Обороты торговли через Кяхту во II половине XIX века были представлены так, что при неуклонном сокращении вывоза товаров из России в Китай наблюдалось постепенное увеличение ввоза китайских товаров в Россию, особенно в 1878-1887 гг.

С 1850-1853 гг. торговля с Китаем через Кяхту велась по положению, унаследованному от I половины XIX в. Ввоз и вывоз товаров здесь были равными. В последующее время в русско-китайской торговле произошли изменения: в 1854 г. был разрешен ввоз в Китай золота и серебра в изделиях, в 1855 г. - в монетах; с 1863 г. был разрешен ввоз кантонского чая. Эти меры сразу оказали влияние на ход кяхтинской торговли. Они привели к падению вывоза русских товаров в Россию. За 50 лет товаров было вывезено в 3,82 раза больше, чем ввезено.(12)

Для покрытия торгового баланса в Китай вывозились, через Кяхту, драгоценные металлы (золото и серебро в монете, ямбовое серебро) и государственные кредитные билеты. Так, с 1854 по 1858 гг. в Китай было вывезено товаров всего на 33,7 млн. рублей, в том числе золота и серебра в монетах и изделиях на 20,4 млн. рублей, что составляло 60,5 процента всего вывоза. В дальнейшем с 1863 по 1892 гг. было ввезено из Китая товаров на 415,5 млн. рублей, а вывезено всего на 83,5 млн. рублей, т.е. меньше суммы ввоза на 332 млн. рублей, для покрытия которой было отпущено через Кяхту 59,4 млн. рублей драгоценных металлов, а остальные 272,6 млн. рублей были переведены в Китай через европейские торговые дома.(13)

Таким образом, торговля с Китаем велась при балансе, требовавшем вывоза металлов и кредитных билетов на сумму свыше 9 млн. рублей ежегодно. Кяхтинская торговля способствовала развитию в крае извозного промысла, принявшего во II половине XIX века предпринимательский характер. Перевозка кяхтинского чая требовала десятки тысяч лошадей, для корма которых жители Юго-Восточной Сибири сбывали возчикам (через постоянные дворы) сотни тысяч пудов овса и огромное количество сена. На обшивку чайных мест в Кяхте закупались у местных жителей и отчасти монголов десятки и сотни тысяч скотских кож ежегодно. Сельское население Забайкальской области сбывало в Китай для жителей пограничного города Маймачен хлеб и другие продукты сельского хозяйства. Все это способствовало углублению процесса товаризации земледелия и скотоводства в крае.

Значение торговли через Кяхту для местного населения заключалось еще и в том, что здесь сбывались бумажные и шелковые изделия, вымениваемые в Кяхте. Сбыт этих изделий усилился после издания в 1862 году закона, разрешавшего беспощинный пропуск всех вообще товаров за исключением чая, подлежащего оплате пошлиной.

Эти беспопылинные товары (тафта, даба, шелковые изделия, сахар-леденец, табак, фарфоровая посуда и др.) находили сбыт у местного населения.

В начале XX века русско-китайская торговля и перевозка товаров осуществлялась по Забайкальской и Китайско-Восточной железной дороге. Для городов Западного Забайкалья, живших и дышавших торговлей с Китаем, это имело громаднейшее значение. А для Троицкосавска это было трагедией, он пострадал больше всего.

С проведением КВЖД Кяхта становится только местом небольшой по объему торговли с Монголией, откуда в обмен на русские промышленные товары и хлеб покупали скот, кожи, шерсть. В Монголию через Кяхту вывозилось русских товаров на 500-600 тысяч рублей в год, а ввозилось монгольских в 10 раз больше.(14) Оставшееся не у дел население переключалось на земледелие, скотоводство и обработку поступающих из Монголии кож и шерсти.

В 90-х гг. XIX века торговые обороты Кяхты начали сокращаться, хотя она все еще оставалась крупным торговым пунктом. В 1890 году вывоз через Кяхту составил 3,6 млн. рублей, ввоз 13,9 млн. рублей (в том числе на 11,8 млн. рублей чая), общий оборот 17,5 млн. рублей.(15) В 90-х годах в Кяхте покупалось только 10 чая, а основная его масса приобреталась непосредственно в Китае и через Кяхту только провозилась.

Если еще в 1897-1899 гг. годовой оборот кяхтинской торговли достигал 17-20 млн. рублей, то к 1903-1904 гг. он упал до 4-6 млн. рублей.(16) Кяхта перестала быть местом менового торга. Но несмотря на это, кяхтинская торговля способствовала расширению торговли со Средней Азией и Западной Европой, в основном благодаря интенсивным перевозкам грузов в Кяхту и из Кяхты.

Торговля «вырастила» купцов, накопивших огромные состояния, позволившие им вкладывать средства в промышленность, формировать финансовую инфраструктуру (банки). Благодаря кяхтинской торговле возник, рос и развивался город Троицкосавск.

Возникновение промышленности в Троицкосавске обусловлено не столько развивающимися капиталистическими отношениями в Забайкальской области, сколько с предприимчивой деятельности купцов. Именно это привилегированное сословие во второй половине XIX в. вкладывало «торговые» средства в местную промышленность, где наиболее успешно развивались те отрасли, которые не испытывали жесткой капиталистической конкуренции со стороны фабрично-

заводской промышленности центральных районов страны, имели прочную сырьевую базу и при незначительных капиталовложениях приносили большие прибыли предпринимателям. Первое место среди них занимало кожевенное производство, второе - мыловарное, третье - свечное, затем кирпичное и др.

Имеющиеся предприятия представляли собой полукустарные мануфактуры, основанные на ручном труде (исключение составляли: стеариновый, Киранский солеваренный заводы, - где использовались машицы, привезенные из Европы). Мощность предприятий была незначительной, мал был и контингент рабочих. Только кожевенные заводы производили отпуск товаров за границу и окрестности, прочие заводы ограничивались поставкой продукции для города и ближних окрестностей. Сумма производительности труда увеличилась только к 1900 году в 1,2-1,5 раза, притом, что количество фабрик - заводов увеличилось от 2 до 4.(17)

Особенностью предприятий было то, что многие из них находились вне Кяхты и Троицкосавска. Так, кожевенные - в слободе Усть-Кяхта, солеваренный завод - в 30 верстах от Кяхты в местности Киран - (по месту добычи сырья), но все заводы принадлежали купцам кяхтинским, работали на город, округ и область. Количество заводов могло бы служить показателем высокой развитости промышленности, если бы соответствовало качеству выпускаемой продукции. В основном это были мелкие фабрики и заводы, выпускавшие незначительное количество продукции. Так даже в конце XIX века на них работало всего около 80 рабочих.(18)

В 50-х гг. в слободе Усть-Кяхте работал сахароварный завод, принадлежавший кяхтинскому купцу Н.И.Игумнову, стеклянная фабрика, принадлежавшая китайскому купцу Се-чень-ю-аню, стеариновый завод купца А.Л.Нерпина, недалеко от Троицкосавска находился в 70-х гг. первый в Забайкалье химический завод. Эти заводы были в единственном числе, но приносили неплохой доход хозяевам, они использовали местное сырье и удовлетворяли местные потребности населения.

В 30 верстах от Кяхты и 4 - от границы с Монголией находилось горько-соленое озеро, на котором в 1885 году был устроен солеваренный завод, названный Киранским (по местности). В 1885 году на заводе было выварено 1500 пудов соли, через 10 лет завод вываривал уже 31000 пудов соли. Завод нужен был для снабжения местного населения солью. Так как привозная соль из Иркутска продавалась по 2

рубля 40 копеек за пуд, Киранский же завод установил цену 1 рубль 40 копеек за пуд в 1885 году, через 10 лет в Троицкосавске за соль платили 80 копеек за пуд.(19)

Киранский солеварный завод существовал один на всю Забайкальскую область с пространством в 575,733 кв. верст. Годовой оборотный капитал завода составлял 22 тыс. рублей. Добываемая соль сбывалась в г. Троицкосавске, где существовала городская лавка для оптовой и розничной торговли солью. Затем заводская соль расходилась по всему Троицкосавскому, часть по Селенгинскому и Верхнеудинскому округам. В 1893 году владельцы Киранского завода Я.П.Смирницким было продано 20 тыс. пудов соли в г. Верхнеудинск и Читу. Рабочих на заводе было 12-15 человек, что свидетельствует о незначительном масштабе этого предприятия. Были попытки в конце XIX века коллективной организации и ведения промышленности. Так в 1898 году кяхтинские 1 гильдии купцы (А.В.Швецов, И.И.Корнаков, В.Н.Молчанов, В.А.Собенников, Н.А.Молчанов) основали товарищество на паях, целью которого было производить обработку всякого рода сырых кож (производство юфтевых кож). Этим было положено открытие торгового дома-фирмы, под названием «Кяхтинское кожевенное производство».

Завод находился при р. Чикой, главная контора - в Кяхте. В Уставе этого общества было зафиксировано «...в случае надобности распорядителю (управляющему) дается право кредитоваться за счет завода у частных лиц, банков и др. учреждений, под векселя до 50 тыс. рублей. Кредитование должно подписываться именем фирмы...».(20) Первые кредиты были оформлены в 1907 году отделением Русско-Китайского банка.

В 1865 году стоимость капитала и разных товаров по книгам была на Чикойском кожевенном заводе на сумму 59227,20 рублей, в том числе недвижимых имуществ - на 17647 рублей, а после того как завод перешел в ведение торгового дома его капиталы возросли и в 1906 году составляли 270327 рублей и 209825 рублей соответственно.(21) «Кяхтинскому кожевенному производству» принадлежал не только Чикойский завод, но и ряд заводов в Усть-Кяхте, те, что являлись собственностью купцов, основавших это товарищество. На Чикойском кожевенном заводе в год вырабатывалось из сырых скотских кож около 5 тыс. штук юфти и дубленок; из скотской шерсти - до 1,5 тыс. войлоков, выдывалось незначительное количество разных звериных шкур (белки, лисы, зайца, рыси, песцов).(22) Производимая

юфть сбывалась в Китай и Монголию.

С 1856 года известен был в Троицкосавском округе мыловаренный завод, принадлежавший М.В.Шишмакову. На этом заводе в конце 80-х гг. вываривалось мыло до 1800 пудов, в то время как на других заводах только 900-1000 пудов. На свечном заводе К.А.Орлова вырабатывалось до 5000 пудов свечей.(23) Мыло и свечи сбывались через лавки и магазины, принадлежавшие этим же купцам, местному населению. Часть продукции сбывалась в Верхнеудинск, на ярмарку.

На стеариновом заводе Г.М.Осокина изготавливали следующие сорта свечей: «Четверик, пятерик, шестерик, восьмерик, десятирик, вагонные и цветные». Кроме того, вырабатывали мыло и глицерин, купоросное масло. Служащих и рабочих было до 30 человек, часть из них была выписана из России, часть - местные. В 1987 году на стеариновый завод Г.М.Осокина прибыл из России на должность главного мастера Н.И.Доленго-Грабовский, Именно он ввел на заводе новую отрасль - выработку купоросного масла, чего на других заводах не было. Осокин приглашал к себе на работу не только специалистов из России, но и из-за границы, так на его крупчатую мельницу на должность крупчатника (мастера) прибыл специалист от фирмы О.Оауено, которая доставила на эту мельницу со своей фабрики в Цюрихе (Швейцария) все новейшие усовершенствования - машины и аппараты.(24)

По примеру Осокина следовали и другие купцы. Также как и мебель для дома, товары и прочее, купцы выписывали все самое лучшее из столицы, не изменили они своих взглядов и в промышленности, специалисты выписывались тоже лучшие, дорогие. Доморощенных специалистов пока еще было мало.

Заводы Н.И.Игумнова, Г.О.Орлова, М.В.Шишмакова, А.О. Нерпина, П.Р.Ремянникова, Н.И.Матренинского и др. приносили небольшую прибыль городу и еще меньшую области, да и хозяева приумножали с их помощью свои капиталы не всегда. Часто их заводы работали себе в убыток, но это не останавливало предприимчивых людей.

Причины медленного развития промышленности заключались не только в отсутствии достаточного сбыта продукции, специалистов, знающих фабричное и заводское производство, но и в слабой государственной поддержке. Та промышленность, что была в Троицкосавске, по большей части, основана на частные средства купцов.

Уже отмечалось, что кроме торговли и промышленности населе-

ние города занималось извозом (перевозкой купеческих товаров). Извозом занимались мешане, служащие, крестьяне, инородцы. Извоз заключался в перевозке китайских товаров, «вымсненных» торгующим купечеством, из слободы Кяхты в Троицкосавск и в перевозке из Кяхты - в Верхнеудинск, Читу, Петровский завод. Извоз не обеспечивал работой на круглый год, в летний период перевозок почти не было, кроме доставки строевых материалов, дров и прочих «по домашнему быту потребностей».

Почти все население города занималось и сельским хозяйством: сенокосением, хлебопашеством, разведением скота, огородничеством, садоводством. «...У каждого рабочего был собственный дом, огород, лошади, коровы, птица; да и цены на продукты невероятно низкие: мясо - 2-3 коп. фунт, пара рябчиков - 7-8 коп., осетрина - 8 коп., хариус (форель) - 4 коп., масло - 15 коп...».(25) Это было важной частью занятости населения, за счет этого оно удовлетворяло свои основные потребности.

Промышленное ремесло в городе было недостаточно развито, существовало в самых ограниченных размерах и не удовлетворяло всех местных потребностей. В 1855 году в городе было цеховых и ремесленников 74 человека и 6 подмастерьев, а в 1876 г. существовало: 6 кузниц в которых работало 45 человек, 9 портняжных мастерских, 4 сапожных, 3 шорных, 2 столярных, 8 часовых дел мастеров, 4 парикмахера. Все эти ремесла находились в зачаточном состоянии, чаще всего портные и сапожники было самоучками...(26)

Золотопромышленности в Троицкосавске не было, но в соседней Монголии находились золотые прииски, принадлежавшие кяхтинскому купцу Ф.М.Немчинову «Кяхтинское золотопромышленное товарищество в Монголии», распорядителем дел товарищества был инженер А.П.Широкий. Еще в 1863 году прииски приносили неплохой доход Немчинову, а с организацией товарищества прибыли увеличились вдвое. Золотые прииски находились в местности Мухор Ирг, Джаргалантуй, Хара Чулуты (Монголия). Ф.М.Немчинову принадлежали акции Олекминского золотопромышленного акционерного общества. Занимаясь золотыми приисками, Ф.М.Немчинов имел большой капитал и вкладывал немалые средства в благоустройство города, занимаясь благотворительностью.

Итак, Троицкосавск и Кяхта длительное время занимали видное место в Забайкалье в системе экономического развития. Основными видами хозяйственной деятельности здесь были: торговля, ремесло, домаш-

нес сельское хозяйство. Правда, к началу XX века сдает свои позиции.

Примечания.

1. Зинченко П. Россия и Китай. – СПб., 1899; Крит Н. Будущность якутинской торговли. – СПб., 1862; Силин Е.П. Кяхта в XVIII в. – Иркутск, 1947; Торговля городов Сибири. Конец XVI – начало XX вв. – Новосибирск, 1987; Карсак Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. – Казань, 1857; Щеглов Н.В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. – Иркутск, 1882; Экономическое состояние городских поселений Сибири. – СПб., 1882; Сладковский К. Внешняя политика России и психологические иностранных держав. – СПб., 1901. НАРБ, ф.261, оп.1, д.210, л.31.
2. НАРБ, ф.92, оп.1, д.808, л.23.
3. Осокин Г.М. На границе Монголии. – СПб., 1906. – С.67.
4. НАРБ, ф.158, оп.1, д.285, л.8.
5. НАРБ, ф.261, оп.1, д.646, л.59.
6. НАРБ, ф.337, оп.5, д.11, л.32.
7. НАРБ, ф.261, оп.1, д.551, л.70.
8. НАРБ, ф.158, оп.1, д.449, л.11.
9. Там же, л.23.
10. НАРБ, ф.158, оп.1, д.706, л.44.
11. Экономическое состояние... – С.129.
12. Щеглов Н.В. Указ.соч. – С.198.
13. Зинченко П. Указ.соч. – С.217.
14. НАРБ, ф.261, оп.1, д.608, л.20.
15. НАРБ, ф.92, оп.1, д.1256, л.38.
16. НАРБ, ф.261, оп.1, д.733, л.113.
17. НАРБ, ф.261, оп.1, д.748, л.11.
18. НАРБ, ф.92, оп.2, д.461, л.29.
19. НАРБ, ф.92, оп.2, д.859, л.42.
20. НАРБ, ф.261, оп.1, д.1076, л.7.
21. Там же, л.21.
22. НАРБ, ф.261, оп.1, д.372, л.14.
23. Осокин Г.М. Указ.соч. – С.173.
24. Гвидоимова С.В. Хозяйственная жизнь и население г.Кяхты в 19 в. //Кяхте – 250 лет. – Улан-Удэ, 1979.
25. Там же.

В.С. Ханхараев

Демография аларских бурят-ламаитов во второй половине XIX века

Изучение демографии отдельных этнических, и в частности этноконфессиональных групп на разных этапах истории, всегда представляло интерес для специалистов, в том числе занимающихся проблемами бурятоведения.¹ Это позволяло выявить как общее в тенденци-

ях развития народонаселения этноса в целом, так и особенное в пределах рассматриваемой группы.

Этноконфессиональная группа бурят-ламаитов Балаганского округа (уезда) сформировалась к рубежу XVIII-XIX вв. из хонгодоровских родов, вошедших после реформы 1822-1923 гг. в состав Аларской степной думы, где они составляли абсолютное большинство населения. Обращение к ее демографии не случайно. Данный период характеризуется невиданным доселе размахом ассимиляции, в особенности не принадлежавшего к многочисленным конфессиям страны автохтонного населения национальных окраин, основным орудием которой выступала, как и ранее в период феодализма, его христианизация, существенно усиленная возможностями бурно развивающегося в России капитализма.²

Вместе с тем, потребности последнего и общий социально-культурный подъем в стране, возросшая после проведения реформы местного управления, самостоятельность органов власти на местах создали в связи с востребованностью более достоверных демографических данных и в целях подготовки к проведению Всеобщей переписи населения Российской империи условия для проведения местных переписей.³ Все это нашло отражение в материалах учета населения Иркутского губернского статистического комитета, опубликованных его членом - секретарем и известным деятелем Прибайкалья Д.Д. Ларионовым.

Напе же обращение к данной этноконфессиональной группе бурят не случайно. Дело в том, что в отношении ее относительно других групп бурят материалы по народонаселению достаточно полны. Это позволяет, применяя некоторые исследовательские методы современной демографии, использовать эту группу в качестве модельной площадки, для проведения научного анализа демографической ситуации и процесса воспроизводства населения, если не в целом по бурятскому этносу, то в отношении его групп в Предбайкалье.

В 1868 г. по проведенному Иркутским губернским статистическим комитетом исчислению инородцев в Аларской степной думе Балаганского округа насчитывалось 12119 душ инородцев обоего пола, из которых 6215 муж. и 5904 жен⁴. Это составило 22,3 % из 54367 чел. обоего пола от всего бурятского населения округа и 10,7% из 113130 тыс. чел. обоего пола от такового же в пределах Иркутской губернии.⁵

Основную часть ее населения, несмотря на активную христиани-

зацию автохтонов края - бурят и тунгусов, по-прежнему составляли ламаиты - 9444 чел., или 77,9 %, в то время как приписанных к православным христианам 2675 чел. об. пола, что составило остальные 22,1 % населения, из которых 1477 муж. и 1198 жен.⁶ Группа ламаитов не была этнически гомогенна вследствие наличия в ее составе приверженцев этого культа из числа тунгусов (малобельских). Из общего числа ламаитов буряты-ламаиты составляли абсолютное большинство - 9413 чел., или 99,67 %, в том числе 4722 муж. и 4691 жен. пола и тунгусы - 31 чел. об. пола (0,33 %), в том числе 16 муж. и 15 жен.⁷ Все ламаиты-буряты и тунгусы относились к разряду кочевых инородцев.

Группа населения, причисленная к православным христианам, была неоднородной как по этническому составу, так и в отношении принадлежности к кочевым и оседлым, на которых разделялись тогда официальными органами учета населения инородцы. Наиболее многочисленной была группа бурят-кочевников в количестве 2070 душ, из которых 1182 муж. и 888 жен. пола. Отдельно была представлена группа оседлых бурят-христиан в количестве 591 чел., из которых 287 муж. и 304 жен. пола.⁸ Кроме того, к представителям этой конфессии была причислена группа кочевых тунгусов в составе 8 мужчин и 6 женщин, всего 14 человек. Итого христиан в составе инородцев - 1477 муж. и 1198 жен. пола, т.е. 2675 об. пола, т.е. 22,1 % от всего населения думы.⁹

К 1880 г. в составе Аларской степной думы бурят-ламаитов насчитывалось 7846 душ об. пола, из них: мужчин - 3946; женщин - 3900¹⁰. При численности бурятского населения Балаганского округа в 53099 душ об. пола это составило 14,8 % и 7,1% от всего бурятского населения Иркутской губернии, численность которого составила 110740 душ об. пола.¹¹

Кроме достоверных сведений по населению обобщающего характера, которые характеризуют и дающую этноконфессиональную группу бурят Иркутской губернии, имеются материалы по его естественному движению, который, как показал проведенный нами специальный анализ, охватил большую часть исчисляемых им демографических событий (браков, рождений и смертей), и достоверно представил и такие специфические, крайне необходимые для научного анализа процесса воспроизводства населения показатели.

В этом году у балаганских ламаитов было заключено 56 браков и рождено 346 детей.¹² В числе зарегистрированных рождений отдель-

но учитывались незаконорожденные. В числе последних 2 рождения. В числе законорожденных - 191 муж. п. и 153 жен. п. У вторых - оба женского пола. Пересчет численности населения и количества рождений показал к рождаемости 44,1 на 1000.¹³ (Для сравнения аналогичный показатель у иркутских (тункинских) ламаитов составил в том же году 15,3). Число умерших составило 231, в том числе 127 муж. и 104 жен. В пересчете на 1000 жителей к смертности составил 29,4; естественный прирост - 115 чел. об. пола, а его к 14,7.

Однако сравнение имеющихся данных губернского учета за 1868-1880 гг. даже без тунгусов-ламаитов показало уменьшение численности бурят-ламаитов на 1567 чел., с 9413 до 7846 чел., т.е. на 16,65%.¹⁴ Последнее никак не согласуется с приведенными выше данными о значительном естественном приросте, приближавшемся в отдельные годы к 1,5 % в год. Не находят своего подтверждения тенденции о естественной депопуляции бурят-ламаитов в материалах губернского учета. Правда, сведения о естественном приросте по группе только аларских бурят-ламаитов за 70-е годы XIX в. мы не имеем. Зато мы располагаем таковыми относительно ко всей группе бурят-ламаитов Иркутской губернии, включая их в составе Тункинской степной думы, где их в 1868 г. было меньшинство - 38,8%.¹⁵ Из 11760 чел. об. пола таковых здесь числилось только 4563 чел. об. пола. Это в 2 с лишним раза меньше, чем в Аларской степной думе как в абсолютном выражении, так и по удельному весу.

За 1870-1877 гг. (без данных за 1876 г.) естественный прирост у них составил 689 чел. Причем он в эти 7 лет был положительным, от 87 чел. в 1875 г. и до 149 чел. в 1874 г. Только в 1877 г. он был отрицательным (43 чел).¹⁶

Анализ состояния воспроизводства населения у аларских бурят-ламаитов в рассматриваемый период будет неполным, если он не будет рассмотрен в общегубернском контексте, данные по которому способны восполнить некоторые пробелы по рассматриваемому вопросу. Имеющиеся сведения показывают сильную зависимость состояния естественного воспроизводства населения от природно-климатических условий и эпидемиологической обстановки, т.е. экзогенных (внешних) факторов, характерных для его традиционного типа. Так, 1870 г. был для Иркутской губернии крайне неблагоприятным по погодным условиям. В ряде районов наблюдался голод. Кроме того, почти повсеместно распространилась эпизотия - чума рогатого скота, пало 101591 головы. Естественный прирост по губернии

составил 732 чел. Отношение родившихся к умершим тогда составило 100 : 96,7¹⁷.

В 1871 г. погодные условия были сравнительно благоприятными и урожай хлебов составил сам 3 1/3. Однако чума рогатого скота продолжалась, пало 45174 головы. Естественный прирост составил 1091 чел. Отношение родившихся к умершим составило 100 : 93.

В 1872 г. погодные условия и урожай близки к прошлогодним (сам 3 1/2). Чума рогатого скота в незначительных размерах сохранялась в Балаганском и Иркутском округах - пало 534 головы. Естественный прирост составил 2431 чел. Отношение числа родившихся к умершим составило 100 : 84,3.

1873 г. Природно-климатические условия и урожай благоприятные (сам 5 1/2). Эпизотия рогатого скота в Нижнеудинском округе и по главному Иркутско-Московскому тракту (пало 2020 головы). Естественный прирост составил 3705 чел. Отношение родившихся к умершим составило 100: 76,8.

1874 г. Урожай благоприятный - озимые сам 6, яровые 4 1/2. Однако в виду распространения массовых эпидемий - натуральной оспы, тифозной горячки, сыпного тифа, кори, скарлатины, коклюша и других - год оказался при хорошем урожае хлебов менее благоприятным, чем предыдущий. Процент смертности от оспы составил 33,33%, от тифа - 15%. Естественный прирост составил 2896 чел. Отношение родившихся к умершим - 100: 82,3.

1875 г. Урожай удовлетворительный. Средний по губернии - сам 3 1/2. Ранними заморозками уничтожено 4050 дес. хлеба и огородных культур. Разливами рек смыто больше 1000 десятин хлебов. В «инородных степях» вновь появилась натуральная оспа. Всего ею по официальным данным переболело 1233, а умерло 263 чел. Естественный прирост - 3923 чел. Отношение родившихся к умершим составило 100 : 78,57.

1876 г. Урожай посевов хороший (в среднем сам 5), хотя от града и заморозко погибло 8272 дес. хлеба. Среди инородцев эпидемии кори, дифтерии и натуральной оспы. Естественный прирост - 5866 чел. Отношение родившихся к умершим составило 100 : 67,2. В целом этот год за период 1870- 1877 гг. для воспроизводства населения Иркутской губернии был наиболее благоприятным.

1877 г. Урожай хлебов удовлетворительный (сам 3 1/2). Уничтожено «кобылкой» 2594 дес. и морозами 408 1/4 дес. хлеба. Вновь распространилась эпизоотия (чума), особенно сильно охватившая ино-

родческие степи Балаганского уезда (округа). В целом по губернии пало 16503 головы, из которых 7202 - у одних балаганских бурят. Весной этого года эпидемия скарлатины, а летом кровавые поносы и корь, в основном среди детей вспыхивали попеременно в разных местах губернии. Смертность от эпидемии 48%. Естественный прирост - 730 чел. Отношение родившихся к умершим составило 100 : 95,7. Не все имело прямое отношение к аларским бурятам. Однако общий фон условий естественного воспроизводства населения был созвучен приведенному ранее материалу.

Общие цифры за исследуемый период естественного прироста по группе аларских ламаитов (без тункинских) ввиду отсутствия таковых, по этим двум группам в отдельности, мы рассчитать пока не можем. Однако они могли бы выглядеть следующим образом. Если рассчитывать весь естественный прирост, исходя из сложившегося соотношения численности обеих групп ламаитов Иркутской губернии, то на аларскую часть должно приходиться 2/3, или примерно 460 чел. В таком случае численность ламаитов в Аларской степной думе должна была увеличиться в сравнении с 1868 г., особенно если иметь в виду естественный прирост в 1880 г., а вероятнее всего, и в 1878-1879 гг. не менее чем на 600 чел. и достигнуть 10 тыс. чел.

Диаметрально противоположные сведения: сокращение численности и наличие естественного прироста у данной этноконфессиональной группы достоверно отражают обе существовавшие тенденции. Первую можно объяснить широко развернувшимися процессами ассимиляции в среде приангарской группы бурят. В ней аларские буряты; в том числе и ламаиты, не только не были исключением, а даже были включены в процесс значительно сильнее, что косвенно подтверждают имеющиеся материалы, по которым в составе Аларской степной думы не было отмечено ни одного бурята-шаманиста, каких было абсолютное большинство во всех других. Обращение в православие, как известно, было основным каналом не только хозяйственно-культурной, но и этнической ассимиляции.

Исторически с момента присоединения к России Аларская долина (Аларь гол) в силу благоприятных природноклиматических и биоресурсных условий стала местом колонизаторских устремлений русских пашенных людей, а со времени отмены крепостного права - объектом активной крестьянской колонизации. К рассматриваемому времени результаты заселения этого района основного исторического расселения бурят инонациональным населением привели к тому, что

они повсеместно и черезполосно живя с ним, утратили статус численного большинства, находясь уже на положении национального меньшинство не только в политическом, а и в демографическом смысле. В этой связи стало возрастать значение ламаизма как барьера на пути ассимиляции и этнического маркера группы аларских бурят.

Вторая тенденция, способная объяснить достаточно высокий естественный прирост, сравнимый с соседним русским населением, стала результатом уже упоминавшегося промежуточного состояния процесса этнической ассимиляции - этапа хозяйственно-культурной ассимиляции. С того времени и до сегодняшнего дня это наиболее обрусевшее из примерно 10 самых крупных этнотерриториальных групп бурятского этноса объединение. Приобщение аларских бурят к земледелию и соответствующего ему образу жизни имело здесь к 70-80-м гг. XIX вв. уже более чем столетнюю историю. Это подтверждают имеющиеся материалы по развитию земледелия. В 1823 г. они показали, что при численности в 3889 душ аларские буряты располагали 57593/4 десятины земли, или 1,48 десятины на 1 душу, в то время, как кудинские - 0,85, верхоленские - 1,05, идинские - 1,06, а балаганские - всего 0,66 дес. К 1838 г. эти показатели составили соответственно 2,09; 1,11; 0,78; 1,47; 1,1. В обоих случаях данный показатель у аларских бурят в среднем в 1,5- 2 раза был выше, чем у их соседних групп.

Таким образом, к рассматриваемому периоду у аларцев сложились устойчивые традиции земледелия, уровень развития которого в комплексе со всеми навыками земледельческой культуры все больше становился их достоянием. Это предопределило достигнутые выше результаты в воспроизводстве населения, характер которого изменился в соответствии с изменением экономического и социального базиса у аларских бурят. Показатели воспроизводства населения у них стали все больше приближаться к аналогичным у окружающего русского крестьянства. Более того, хозяйство бурят продолжало оставаться комплексным, в котором удельный вес скотоводства был выше, чем у их соседей. Следовательно, речь может идти о демографических изменениях принципиального порядка, которые хотя и не выходили по причине сохранения аграрного характера экономики за рамки традиционного типа воспроизводства населения (ГВН), тем не менее обусловили формирование в его рамках вместо вида воспроизводства (ВВН) скотоводов нового ВВИ, функционировавшего в оседло-земледельческих культурах, какой она фактически стала у алар-

ских ламаитов в рассматриваемый период.

Однако положительные результаты хозяйственно-культурного заимствования нивелировались в демографическом, а самое главное в этническом смысле, так как они сопровождались переходом в другой этнос групп оседлых бурят-земледельцев, принявших православие, особенно в Предбайкалье, что обуславливало, если не снижение, то стагнацию численности этноса. Причем последнее выглядело положительным, так как являлось результатом естественного прироста. А ламаизм здесь в виду малочисленности своих сторонников, в отличие от Забайкалья, где их было в десятки раз больше и будучи территориально и административно от него отделенным, в то время как последнее имело тесную связь с буддистами Монголии и других стран Азии, не имел возможности выступать в Предбайкалье как мощный нейтрализатор ассимиляторской политике царизма, который в отношении забайкальских ламаитов всегда был осторожен и терпим. К тому же ламаизм по-видимому все же был лучше приспособлен к функционированию в условиях все еще по преимуществу кочевого хозяйства забайкальских бурят, успехи которых в деле приобщения к земледелию были еще на фоне иркутских, и особенно аларских бурят, довольно скромными.

Проведенная нами работа показала, что учет народонаселения именно в этой группе бурятского этноса во второй половине XIX в. был поставлен лучше всего и его материалы наиболее полно применительно к существовавшим тогда условиям характеризуют этнодемографическую ситуацию в ней. Поэтому с учетом ряда оговорок некоторые из полученных результатов, в том числе аналитические, могут быть распространены если не на все группы бурят, то на большинство их в пределах Предбайкалья.

Примечания.

¹ Машанова Л.В. Некоторые сведения о демографии селенгинских бурят первой половины XIX в. Культура и быт народов Бурятии. Улан-Удэ. 1965. Вып. 4; Сиверцева (Вовк) Т.Ф. Этноконфессиональные аспекты демографических проблем в Африке. / Этноконфессиональные процессы в современном мире. Баку. 1989; Казьмина О.Е. Динамика численности национальных групп Эстонии в XX в. / Расы и народы. М., 1991. вып. 21; Комарова О.Д. Современные миграции населения из русских сел Закавказья. / Духоборцы и молokane в Закавказье. М., 1992. Ханхарав В.С. Верхленские буряты в последней трети XVIII в.: опыт демографического исследования. / Философия и история культуры: национальный аспект. Улан-Удэ. 1992; А.Д. Дикарев. Демографические проблемы национальных меньшинств КНР. М., 1996.

² Ханхарав В.С. Демографические процессы у бурят Иркутской губернии во

второй половине XIX в. Мир Центральной Азии. Археология. Этнология. Т.1. С. 205-211; Нимасв Д.Д. Этнодемографические процессы в Бурятии в XIX- начале XX вв./Бурятия ХУП- начала XX вв. Экономика и социально- культурные процессы. Улан- Удэ. 1989.

³ Киселева Г.П., Кваша А.Я. О чем рассказывают переписи населения. М., 1983. С. 24-27.

⁴ Библиотека РГИА. Записки и труды Иркутского губернского статистического комитета. IV выпуск. Ред. член- секретарь комитета Д.Д. Ларионов. Иркутск. 1868. С. 164- 173. (Иркутский округ).

⁵ Расчитано по указ. соч. С. 164- 173.

⁶ Расчитано по указ. соч. С. 164- 173.

⁷ Расчитано по указ. соч. С. 164- 173.

⁸ Расчитано по указ. соч. С. 164- 173.

⁹ Расчитано по указ. соч. С. 164- 173.

¹⁰ РГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 42а, л. 41. Ведомость о населении Иркутской губернии по сословиям в 1880 г.

¹¹ Расчитано по материалам указ. дела, л.37.

¹² Расчитано по материалам указ. дела, л.37.

¹³ Расчитано по материалам указ. дела, л.37.

¹⁴ Расчитано по: Зап. и тр. Ирк. губ. статком. С.164- 173 и РГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 42а, л. 37. Ведомость о населении Иркутской губернии по сословиям в 1880 г.

¹⁵ Расчитано по указ. материалам.

¹⁶ Д. Ларионов. Естественное движение населения Иркутской губернии в 1877 г. (Из работ статистического комитета). Иркутск. 12 января 1879. Общий свод естественного движения монголо- бурятского населения Иркутской губернии остающегося в буддизме.

¹⁷ Здесь и далее расчеты приведены по указ. Соч. Д.Ларионова. С. 16- 17.

А.В. Козулин

Социально-экономические условия демографических процессов в Забайкальской области в конце XIX – начале XX века

Развитие России в значительной степени отличалось от развития как европейских, так и азиатских стран. Огромные пространства обусловили разноразвитость и разнотипность развития страны. Причем практически на всех этапах существования в России имело место сочетание разных экономических укладов одновременно. Специфичным было также и формирование российской колониальной системы. Резкой границы между колониями и метрополией практически не ощущалось. Тем не менее можно выделить особенности в отношении царского правительства к отдельным регионам страны. В большей

степени ориентируясь на проблемы социально-экономического развития европейской России, царская власть не принимала во внимание особенности окраинных регионов, в первую очередь многонациональный состав населения.

Во второй половине XIX – начале XX века мир захлестнула волна миграций. Основные потоки направлялись в Северную и Южную Америку. Европа таким образом пыталась сбавить накал нарастающих противоречий в общественном развитии. Эти процессы не обошли стороной и Россию. Миграционное движение здесь активизируется и достигает своего пика. Это свидетельствует о схожести путей развития Европы и России и является косвенным доказательством компиляции правительством пути решения проблем. Вне всякого сомнения, специфика механического движения в России и его причинной обусловленности значительна, но, тем не менее, по нашему мнению миграционное движение из Европы в Новый Свет и активное крестьянское переселение из Европейской России на окраины империи имело одну природу происхождения. И в Европе и в России миграции являлись прежде всего попыткой ухода от наступающего капитализма, от его неизбежных социальных кризисов. Наиболее существенным отличием являлись качественные различия мест убытия и водворения переселенцев. Однако царское правительство не учитывало следующего. Если в мононациональной стране эта политическая линия была вполне приемлема, то в условиях многонационального населения вполне закономерно возникал антагонизм между центром и окраинами. Перед правительством вставал вопрос разграничения отношения к русскому и нерусскому населению, естественно в этом случае власти пытались удовлетворить потребности первого, попирая права другого.

Что касается социально-экономического развития Забайкалья, то здесь в рассматриваемый период, как и по стране в целом, сочетались полунатуральное феодальное хозяйство с быстро развивающимися товарно-денежными отношениями. Это отразилось и на сложной социальной структуре, в которой присутствовали различные социальные группы и слои. Многоукладность социально-экономического развития, политика царизма в внутри страны и за ее пределами не могли не сказаться на демографическом развитии.

Вопрос об обусловленности демографического развития политикой правительства и социально-экономическим развитием вполне закономерен. Полемичность его заключается в том, какой фактор иг-

рал определяющую роль. На первый взгляд создается впечатление опосредованного влияния в первую очередь внутренней и внешней политики через социально-экономическое развитие на демографические процессы. Это не совсем так.

В вопросе о первооснове, обуславливающей развитие общества, в том числе и демографическое, необходимо в первую очередь отметить основополагающее влияние социально-экономических процессов. Именно оно во всей своей сложности и противоречивости, что было вполне объективным в условиях российской действительности, диктовало определенные внутривнутриполитические и внешнеполитические линии. Внутренняя и внешняя политика царского правительства проистекали именно из условий социально-экономического развития. Хотя зачастую с учетом этих условий только в европейском регионе страны. Необходимо особо отметить, что социально-экономическое развитие европейской части страны являлось первоосновой этой политической линии.

Мероприятия правительства в Забайкалье являлись попыткой регулирования социально-экономического развития региона для разрешения важнейших проблем развития страны, причем попыткой неудачной. Но, тем не менее, ведущее и основополагающее место в этой причинно-следственной цепочке принадлежало именно социально-экономическому развитию.

Экономическое развитие России в конце XIX - начале XX века характеризовалось переходом к качественно новой стадии развития капиталистических отношений. Для нее были характерны такие черты, как формирование государственно-монополистического капитала и наличие монополий. В России этот этап развития имел специфические особенности: преобладание импорта капитала над экспортом, наличие производственных предприятий различных экономических укладов.

Процесс перехода к капиталистическим отношениям в Российской империи был искусственно затянута, так как аграрная революция* началась после начала промышленного переворота и завершилась лишь в XX в. В итоге становление раннекапиталистических отношений, свободной конкуренции, монополистического капитализма происходило почти одновременно. Несколько стадий развития капиталисти-

* Под началом аграрной революции понимается в виду реформа по отмене крепостного права 1861г.

ческих отношений наложились одна на другую. Такая особенность российского капитализма, как многоукладность экономики на окраинах страны проявлялась более отчетливо. Неспособность отечественного капитала освоить всю территорию страны привела к тому, что в Россию хлынул поток иностранных инвестиций.

В Сибирь капиталистические отношения начинают проникать со строительством железных дорог. Россия, являясь колониальной империей, отличалась от таких стран, как Англия и Франция. В этих империях в силу особенностей географического положения капиталисты ограничивались сбытом готовых изделий и изъятием сырья в колониях, в то время как в Российской империи капиталистические отношения распространялись на колонии, которые достигли наивысшего уровня развития в европейской части страны. В связи с этим капитализм в России распространялся в большей степени вширь.

В.И. Ленин различал два типа развития капиталистических отношений – вглубь и вширь. Для последнего было свойственно «образование новых капиталистических отношений на новой территории».¹ Это вполне применимо к территории Забайкальской области в рассматриваемый период.

Наличие полуфеодалного сельского хозяйства – доминирующей отрасли экономики – подтверждает вывод о неполноценности развития капиталистических отношений. Оно являлось тормозом развития экономики в целом. Такая ситуация закреплялась и удерживалась политикой царского правительства. Хозяйственные отношения в Забайкалье, характеризовавшиеся традиционностью, напрямую зависели от категорий населения области.

Все жители Забайкальской области согласно дореволюционной системе административного управления, состояли в определенных сословиях. Наиболее крупными из них были «иностранцы» (к ним относилось бурятское и тулусское население) и крестьяне, подразделявшиеся на старожилов и новоселов. Среди переселенцев большую группу составляли ссыльные, которые в третьем поколении переходили в разряд крестьян-старожилов. Эту группу пополняли буряты и отчасти эвенки, принявшие крещение и женившиеся на русских женщинах и поселившиеся в русских деревнях и селах. Данное деление было вызвано усилением миграции крестьянства из Европейской России. Третьим крупным сословием являлось казачество из русских казаков и казаков-иностранцев. Такое деление уже не соответствовало уровню развития производственных и общественных отношений в

Забайкалье и искажало истинную картину демографической структуры населения.

Население Забайкальской области в рассматриваемый период подразделялось на две автономные друг от друга и социально дифференцированные группы: коренное и русскоязычное. Основным критерием такого деления является этническая принадлежность. Внутри каждой из групп необходимо выделить подгруппы, поскольку имели место значительные отличия в видах хозяйственной деятельности. Первая, в свою очередь, делилась на крестьян-скотоводов, казаков и охотников. Более того, на наш взгляд, было бы правомерным выделение эвенкийского населения как отдельной, специфичной социальной группы. Хозяйственная деятельность эвенков заметно отличалась от хозяйственной деятельности бурят, что обуславливает невозможность унификации социальной структуры этих двух категорий населения. Вторая категория представляла смешение социальных структур, присущих двум экономическим укладам: феодальному и капиталистическому. Такой подход позволяет раскрыть различия не только в производственных, но и в социальных отношениях. Коренное население в конце XIX в. находилось на докапиталистической стадии развития, в это время появляются зачатки товарно-денежных отношений. К концу рассматриваемого периода эти тенденции преобладали, о чем свидетельствует появление устойчивой социальной группы коренного населения, занимающейся только торговлей, то есть купцов.

Необходимо отметить, что по официальным данным «инородцев», занимающихся торговой деятельностью, не было отмечено. Тем не менее, говорить об отсутствии таковых нельзя. Одновременно с этим русскоязычное население находилось на переходной стадии экономического развития от феодализма к капитализму. Кроме того, в силу чрезвычайной устойчивости приемов хозяйственной деятельности, обусловленной значительной удаленностью от Центральной России, среди русскоязычного населения также имели место элементы докапиталистической стадии развития производственных отношений.

Различный уровень производственных отношений и хозяйственной деятельности явился причиной сложной системы социальных отношений. Наличие сложной социальной структуры, обусловленной наличием трех этнических групп, способствовало неравномерному развитию капитализма в России путем диффузионного распространения производственных отношений. В конце XIX – начале XX века

эти три этнические группы были поставлены в одну плоскость развития, что обусловило начало активного взаимодействия в сфере хозяйственных и культурно-бытовых отношений. Взаимодействие этих трех групп населения, начавшееся на рубеже XIX-XX веков, обусловило особенности социального расслоения в регионе.

Ввиду сложности социальной структуры изучение ее возможно только на основе комплексного исследования. Только такой многосторонний подход позволяет наиболее объективно раскрыть тенденции развития демографических процессов.

Природно-климатические условия обуславливали систему и вид хозяйствования как коренных жителей, так и переселенцев. Основной отраслью экономики являлось сельское хозяйство. Специфика развития сельскохозяйственного производства в Забайкалье состояла в разном сочетании аграрных отраслей у различных категорий населения.

Промышленность находилось в зачаточном состоянии и была представлена сотней предприятий, большая часть которых являлась кустарными и полукустарными. В рассматриваемый период наблюдался значительный рост промышленности, обусловленный строительством и началом функционирования Транссибирской железнодорожной магистрали.

Немаловажную роль в экономической жизни региона играла торговля, в частности, транзитная с Китаем. Транспортная система области была слабо развита. Она состояла из сети грунтовых трактов, нескольких пароходных компаний и забайкальского участка Транссибирской железнодорожной магистрали.

Хозяйственное развитие Забайкальской области шло в русле общероссийских экономических процессов. Своеобразная диффузия развития товарно-денежных отношений объясняется замкнутостью хозяйственной жизни коренных народов Сибири. В таких условиях невозможны устойчивые, взаимопроникающие связи, предусматривающие заимствование и взаимообмен новыми, более совершенными способами и приемами хозяйственной деятельности. Тем не менее это не свидетельствует об отсутствии каких-либо отношений в производственной сфере между коренным и русскоязычным населением. По нашему мнению, переселение из Европейской России явилось одним из факторов проникновения в область капиталистических отношений.

Сущность конфликта в развитии хозяйственных отношений в Забайкалье заключалась в том, что в регионе распространялись производственные отношения, ему не свойственные. Здесь происходила

аграрная революция, предпосылок для которой не существовало не только по тому, что уровень развития капиталистических отношений был невысок, но и по той причине, что для кочевого скотоводческого хозяйства такие пути развития хозяйственных отношений были неприемлемы. На фоне этого в Забайкальской области развивались противоречия в виде сочетания производственных предприятий, характерных как для капиталистического, так и для феодального и дофеодального укладов. Развитие хозяйственных отношений русского населения оказывало стимулирующее влияние на хозяйственную деятельность коренных жителей. Кроме того, подобное положительное влияние было во взаимоотношениях крестьян-старожилов и переселенцев. Последние владели более совершенными приемами и методами хозяйствования. На наш взгляд, такое влияние во взаимоотношениях категорий населения было доминирующим.

Основные тенденции экономических процессов - увеличение доли промышленного производства, заметное усиление значения земледелия в сельском хозяйстве и ускорение перехода коренных жителей к оседлому образу жизни, были ускорены проведением административной и землеустроительной реформ, а также массовым переселением крестьян из Европейской России. Наконец, начинают доминировать процессы вовлечения Забайкалья в единую экономическую систему Российской империи.

Забайкальская область, как и Юго-Восточная Сибирь в целом, отличалась от многих губерний Европейской России относительным земельным простором. В 1897 г. приходилось в среднем удобной земли на душу населения у бурят и эвенков - 57,3 десятины, казаков - 40,9, крестьян - 16,6. По размеру пахотных земель на душу населения преобладали крестьяне, по сенокосным угодьям и пастбищам - казаки. Распределение земель было неравномерным. Так, наиболее значительными земельными наделами обладали хоринские буряты - 94 десятины на душу населения, в то время как в Баргузинском и Кударинском ведомствах эта цифра составляла лишь 9-10, в Селенгинском - 30, в Агинском - 19.²

Вопрос землепользования и землевладения в России всегда был одним из важнейших. Основная часть исследователей ставила задачу определить зависимость сельскохозяйственных занятий и их особенность от размеров земельных наделов и вида землепользования, преобладающего в данном регионе. Как известно, для сельского хозяйства Европейской России было характерным малоземелье и безземе-

лье крестьян, в то время как в Забайкалье земельные наделы составляли от 10 до 90 десятин на душу населения. При этом не учитывалось то, что в данном случае подразумевается земля, удобная и для скотоводства и для земледелия. Этот аспект приобретает большое значение, поскольку особенности землепользования обуславливают степень концентрации населения в сельской местности.

Для пахотных наделов и сенокосных угодий у основных категорий населения характерным было подворно-наследственное землепользование, основанное на захватном праве. Крестьяне и казаки пользовались сенокосными угодьями на уравнительных началах, пастбища и лесные угодья находились в нераздельном пользовании поселений.

В таблице 1 показана доля численности основных категорий населения, а также посевных площадей, принадлежавших этим категориям. Характерным является тот факт, что бурятское население, занимавшее второе место по численности, значительно уступало по размерам посевных площадей остальным категориям населения.

Различия в видах хозяйственной деятельности у основных категорий населения подтверждает наш вывод о том, что хозяйственная деятельность коренного населения была замкнутой.

Таблица 1

Соотношение численности сельского населения
и размеров посевных площадей в Забайкальской области 1897 г.

Категории населения	Крестьяне	Казаки	Иногородцы
Доля в общей численности (%)	36,4	29,0	34,6
Доля посевных площадей	46,9	37,0	16,1

Примечание. Таблица составлена по: Асаяханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XX века. Бурятский комплексный НИИ СО АН СССР. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. - С.89-90.

Несмотря на развитие капиталистических отношений в области, среди сельского населения господствовали патриархально-родовые отношения у коренных жителей и соседская община у казаков и русских крестьян. Это в значительной степени обуславливало статичность населения, консервативность брачно-семейных отношений. Необходимо особо отметить господство традиционного способа производства населения в России и в Забайкалье в частности.

Таким образом, затягивание процесса капитализации экономики имело более глубокие последствия, сказавшиеся на демографическом развитии.

Для промышленного развития Европейской России было характерно наличие индустриально развитых районов, таких как северо-западный, центральный, южно-российский, лодзинский. Количество рабочих на предприятиях, степень машинизации и механизации производства соответствовали там европейскому уровню. Одновременно с этим в Сибири и Забайкалье существовали предприятия с двумя-тремя рабочими, где практически не использовалось машинное производство. Особенностью экономики страны являлось наличие значительного государственного сектора.

По нашему мнению, основополагающим фактором экономического и социального развития Сибири явилось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Железная дорога сыграла решающую роль в процессе товаризации производства и создала благоприятные условия для развития товарно-денежных отношений. Данная тенденция характерна для экономического развития Сибири и Забайкалья. Железная дорога способствовала вовлечению Забайкалья в единую экономическую систему страны.

Таким образом, развитие капиталистических отношений в области заметно отставало от развития капитализма в Европейской России и глубина кризисных явлений была не менее значительна.

Изучение развития транспортной системы имеет важное значение при рассмотрении характера и интенсивности миграционных процессов. Несмотря на низкую пропускную способность железной дороги, с ее постройкой усиливается переселение крестьян в Забайкалье. Знание основных транспортных потоков в регионе позволяет раскрыть причинную обусловленность миграций населения.

Торговля продолжала играть одну из основных ролей в экономической жизни региона. Незначительный размер прибыли от производства, вызванный плохим состоянием путей сообщения и слабой степенью машинизации, вынуждал предпринимателей пускать финансовые средства в торговлю. В Забайкалье происходил процесс первоначального накопления капитала.

Рост городов и городского населения, увеличение числа предприятий и рабочих способствовали повышению спроса на сельскохозяйственную продукцию. Это создавало условия для нарастания процессов товаризации производства.

Торговые города, оказавшиеся в стороне от линии железной дороги, утрачивали свое экономическое значение. Баргузин и Селенгинск являлись скорее торговыми селениями, чем городами. Кяхта, торговая слобода Троицкосавска, утратила роль основного пункта российско-китайской торговли. Одновременно возрастает значение таких городов, как Верхнеудинск и Мысовск. В период I мировой войны, вследствие сокращения производства товаров народного потребления, плохой работы транспорта, снижения покупательной способности населения, мелкие торговцы были вынуждены закрывать свои лавки.

Следует отметить, что в конце XIX - начале XX в. в торговле происходит переход от ярмарочного (эпизодического) к магазинно-лавочному (постоянному) типу. Это явилось закономерным следствием нарастания процессов капитализации производства. Сочетание двух видов торговли подтверждает вывод о нарастании противоречий в экономическом развитии в рассматриваемый период.

Экономическое развитие Забайкалья в значительной степени определяло изменения в демографической структуре населения. В первую очередь это сказалось на территориальном расселении. Высокая концентрация населения вдоль линии железной дороги, увеличение численности предприятий и рабочих способствовали нарастанию процессов капитализации и переходу к магазинно-лавочной торговле. Так как структура общества выражает существующие в нем общественные отношения, а они, в свою очередь, являются проекцией производственных отношений, то сочетание двух экономических укладов - капиталистического и феодального - отразилось на социально-сословной структуре в виде сочетания различных социальных слоев, характерных как для феодальной формации - купцы, мещане, духовенство, так и для капиталистической - рабочие. Имеются в виду не те социальные группы, которые отражены в статистических отчетах и переписях того периода, а те, что имели место де-факто.

Другим фактором, в значительной степени обуславливающим развитие демографических процессов, являются общественные отношения. Господство натурального хозяйства у значительной части населения региона обусловили консервативность общественных отношений не только в сельской, но и в городской местности. Эти особенности общественного развития сказались на господстве традиционного типа воспроизводства населения. Источниковая база не позволяет в достаточной степени осветить этот фактор развития демографиче-

ских процессов.

К сожалению, в исторической литературе не освещена мотивационная сторона демографического поведения коренных народов Сибири, хотя это оказывало значительное влияние на процессы рождаемости, брачности и смертности, влияя на изменения в демографической структуре. Консервативность поведения, сохранение традиций, обрядов, как коренных жителей, так и русского населения области, в значительной степени обуславливала процессы брачности, рождаемости и смертности.

В советский период не придавалось особого значения такому важному фактору как уровень грамотности населения. Этот показатель в значительной степени обусловил специфику естественного воспроизводства населения Забайкальской области в рассматриваемый период.

Основой поведения населения являлось мировоззрение, основой которого выступала определенная сумма знаний и религиозные воззрения. На наш взгляд, влияние фактора грамотности не было значительным, и на количественных показателях он не отразился. Это касается также и системы здравоохранения. В большей степени процесс естественного движения населения был обусловлен совокупностью взглядов на жизнедеятельность человека, и в первую очередь на его возможности и способности. То есть, естественное движение населения не столько зависело от количества школ и больниц, сколько от отношения самого населения к данным заведениям и деятельности, проводимой ими.

Тем не менее, необходимо показать систему образования и здравоохранения, а также виды учебных заведений и медицинских учреждений, действовавших тогда в Забайкалье, дабы иметь полное представление о факторах обусловленности движения населения.

По данным однодневной школьной переписи 1911 г., одна школа в Забайкальской области приходилась на 1379 человек, у коренного населения – на 4000. Если в целом число учебных заведений по отношению к численности населения в Забайкалье был несколько выше, чем в соседней Иркутской губернии (там 1 школа приходилось на 1608 человек), то среди коренного населения уровень образования в Иркутской губернии был значительно выше. В отличие от Забайкалья, здесь на одну школу приходилось 1957 человек, то есть более чем в два раза.³ Современники отмечали низкий уровень образованности учащихся и выпускников школ. Подготовкой преподавательских кадров занималась единственная в области учительская семинария

в Чите. В области действовали начальные и средние учебные заведения.

Большое значение в развитии системы образования сыграла ламаистская церковь, взявшая на себя роль образовательного института. Это, по нашему мнению, тормозило просвещение коренного населения и препятствовало установлению прочных взаимообогащающих связей между коренными жителями и новоселами, носителями более прогрессивной бытовой культуры и образа жизни.

Относительно низкий уровень экономического развития обуславливал слабое развитие системы здравоохранения. На территории области действовало несколько медицинских учреждений стационарного и поликлинического вида: 2 лазарета, амбулатория, больница и 3 аптеки в Кяхте, больницы на 10 коек в Баргузине и Кабанске, переселенческие больницы в сельской местности в Еравне. К 1913 г. для коренного населения Бурятии в ее этнографических границах действовало 8 больниц на 210 коек, а на всей территории работало только 16 врачей.⁴ При проведении столыпинской переселенческой политики планировалось увеличение числа медицинских учреждений, врачей и фельдшеров, но эти усилия не способствовали коренным образом повышению уровня здравоохранения.

Оставляли желать лучшего санитарно-гигиенические условия жизни населения. Частые эпидемии чумы, сибирской язвы и неприятие коренными жителями достижений современной медицины являлись причинами высокого уровня смертности. Губернатор области в отчете за 1912 г. приводит сведения о численности больных инфекционными заболеваниями - 520 308 человек. Если учитывать, что в целом население области по тому же отчету составляла 898 632 человека, то доля больных за год составила 57,9%. Смертность составила 2,3%.⁵ Широко было распространено среди населения, особенно коренного, социальная болезнь - пьянство.⁶

В заключение необходимо констатировать, что на территории Забайкальской области в рассматриваемый период имело место распространение капиталистических отношений. Об этом свидетельствует фактический материал. Существовали значительные отличия в уровне и типе хозяйственной деятельности местного населения. Коренное население втягивалось в них более медленно. Категорией населения, более быстро реагировавшей на изменения в экономической сфере, являлись переселенцы из Европейской России.

Чрезвычайная сложность социально-экономического развития обусловила особенности социальных процессов, что прослеживается

на изменении социально-сословной и социально-демографической структурах населения.

Экономическое развитие Забайкальской области в значительной степени определялось политической линией царского правительства. В совокупности эти факторы обусловили изменения в демографических процессах: территориальное распределение, изменение в социально-сословной и национальной структурах населения как следствие постепенной смены типа производственных отношений. Последнее было ускорено интенсивным миграционным движением в Забайкалье.

Примечания.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. - Издание 5-е. - Т.3. - С.563.

² Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XX века. - Бурятский комплексный НИИ СО АН СССР. - Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1963. - С.89-90.

³ Очерки истории культуры Бурятии. - Т.1. БФ БИОН СО АН СССР. - Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. - С.362.

⁴ Очерки истории культуры Бурятии. - Т.1. БФ БИОН СО АН СССР. - Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. - С.366-367.

⁵ Отчет губернатора о состоянии Забайкальской области за 1912 год. - РГИА, Ф.1276, Оп.17, Д.358, Л.181, 188.

⁶ Очерки истории культуры Бурятии. - Т.1 БФ БИОН СО АН СССР. - Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. - С.367.

Л.Б. Жабаяева

Становление торгово-экономических отношений между Россией и Монголией (первая половина 1920-х годов)

Монгольская революция 1921 г. положила начало развитию тесных политических и экономических связей между Россией и Монголией. Нужно отметить, что до событий 1921 г. на монгольском рынке безраздельно хозяйничал китайский торговый капитал, привыкший за столетия быть здесь и первым продавцом, и первым поставщиком, и первым покупателем. В 1919 г., когда автономия Внешней Монголии была упразднена, и она вновь превратилась в одну из провинций Китая, вместе с китайскими войсками в Монголию вернулись, размахивая старыми долговыми расписками, купцы-ростовщики, которые еще шире раскинули сети экономической кабалы. Араты должны были вернуть им не только долги, но и набежавшие проценты. Богатст-

ва монгольского сырьевого рынка были всегда весьма привлекательными (овечья и верблюжья шерсть, кожевенное сырье, пушнина, овчина и т.п.), и львиная доля этого сырья поступала затем на китайские кожевенные и шубные заводы, щеточные фабрики, шерстокацкие мастерские. Поэтому, как правило, предельно расчетливые китайские купцы предпочитали брать не деньги, а живой скот – так им было гораздо выгоднее. В результате их действий, скот – главное богатство, на котором основывался бюджет, экономика, торговля Внешней Монголии, фактически стал собственностью китайских купцов, а сами монголы были доведены до нищеты.

После перехода власти в Монголии новым общественным силам, народное правительство предпринимает конкретные шаги, направленные против засилья китайского торгового капитала. Правительство приостановило уплату долгов иностранным купцам и фирмам, при этом проводя подготовительные меры к их полному аннулированию. Для экономического положения Монголии того времени было характерно перепроизводство сырья, валютный голод, недостаток продукции фабрично-заводского производства, господство на монгольском рынке китайского торгово-ростовщического капитала с его безудержной спекуляцией и игрой на понижение цен на сырье.

Немаловажное значение в борьбе с китайским торговым капиталом и вытеснением его с монгольского рынка имело образование в декабре 1921 г. Монгольской центральной потребительской кооперации (Монценкооп) с числом пайщиков 60-70 человек и уставным капиталом 14-15 тыс. долларов. В аппарате кооперации работало много феодалов и богатых аратов. Председателем центрального управления был назначен Чагдаржав, в 1922 г. его сменил князь Цэдэв-сурэн, а после его смерти – его заместитель чин-ван-лама Дашдэндэв.¹ Зарождающейся монгольской кооперации российские хозяйственные организации – Центросоюз, Госторг РСФСР и другие, действовавшие на монгольском рынке, оказывали всестороннюю поддержку. Экспортно-импортная деятельность Монценкоопа стала одним из факторов развития российско-монгольской торговли. С целью расширения торговых связей с Россией Монценкооп открыл свои представительства в Москве для коммерческих сделок в европейской России, в Екатеринбурге для Урала, в Новосибирске – для Сибири, в Верхнеудинске – для Бурятии.² Постепенно Монценкооп становится конкурентом китайскому торговому капиталу.

Советских хозяйственников интересует информация о состоянии и

потребностях монгольского рынка. Так, 17 октября 1922г. в правительстве Дальневосточной республики состоялось особое совещание³ по вопросу о торговле с Монголией. Хотя ДВР была формально независимым и самостоятельным образованием, но фактически «буфер» управлялся из Москвы. На этом совещании присутствовали ответственные лица: товарищи (заместители) министра народного хозяйства Л.Л. Непомнящий, М.С. Якум, заместитель председателя правления банка ДВР Агарев, представитель Дальцентросоюза Бурыгин, главный директор Госторга Н.А. Мер, представитель Сибдальвнешторга Левин, министр иностранных дел Я.Д. Япсон, уполномоченный при монгольском правительстве Бутин, с монгольской стороны участвовал уполномоченный правительства Гурусит. Председательствовал Л.Л. Непомнящий.

С докладом о торговле с Монголией выступил Бутин, уполномоченный при монгольском правительстве. Сообщая, что хозяевами монгольского рынка являются китайцы, он отмечал, что этому способствует знание китайцами условий жизни, вкуса и привычек монгольского населения. Он говорил о том, что торговля в Монголии носит меновый характер, местные товары – сырье обмениваются кочевниками на промышленные товары. Отсутствие нормальных и законных мер веса и длины предоставляло торговцам широкую возможность для злоупотреблений. Мерой длины, отмечал Бутин, является «алда» – длина распростертых рук, мерой веса – «лан», действительный вес которого «определяется по своему, чуть ли не каждым торговцем». Поэтому, на его взгляд, ввести в Монголии упорядоченную систему мер крайне трудно, но он отмечал, что «таблица мер уже разработана и попытки в этом направлении делаются».

Бутин отмечал, что иностранцы, действовавшие на монгольском рынке, содействуют китайцам в вытеснении с рынка русских денежных знаков, «в результате чего наше золото расценивается ниже доллара и даже банковского рубля». В своем сообщении он констатировал, что монгольский рынок переполнен сырьем, и это привело к тому, что прежняя стоимость быка в 30 кирпичей чая упала до 6-7 кирпичей. Бутин предлагает для удовлетворения монгольского рынка ввозить следующие товары: 1. зеленый чай; 2. мануфактуру, исключительных рисунков и цветов; 3. кожу; 4. предметы религиозного культа (медные и бронзовые); 5. чугунные изделия; 6. крупчатку; 7. сахар; 8. свечи; 9. керосин; 10. мыло. По его мнению, «наша торговля в Монголии должна осуществляться не через посредство Госторга, а

при помощи кооперативных объединений, причем Монгольское правительство пойдет нам навстречу в этом отношении».

Во время совещания Бутину были заданы вопросы о влиянии на монгольский рынок иностранцев (Непомнящий), о финансовых средствах монгольского кооператива (Янсон), о конъюнктуре рынка (Левин) и др. Затем участники совещания приступили к прениям и активно обсудили вопросы о перспективах торговли с Монголией.

Совещание постановило образовать Комиссию из представителей Миннархоза, Центросоюза, Госторга, Сибдальвнешторга, Дальбанка, для участия в ней был приглашен представитель Наркомфина РСФСР тов. Шлейфер, уполномоченный при монгольском правительстве тов. Бутин, также в состав комиссии вошел представитель монгольского правительства.

В апреле 1923 г. монгольское правительство, заслушав доклад председателя Военного совета Э.-Д. Ринчино о положении в армии, командирует его во главе военно-экономической делегации в Москву. В ходе визита на высоком уровне обсуждались и экономические проблемы Монголии, укрепление торговых связей между СССР и Монголией. Как пишет в записке И. Сталину (копия членам коллегии НКВД) Г.В. Чичерин от 27 июля 1923 г., «монгольский представитель тов. Рынчино (главный организатор и инспиратор народно-революционной партии) вел в Москве переговоры отчасти торгового и финансового характера». ⁴ На заседании Политбюро ЦК РКП(б) от 12 июля 1923 г. был рассмотрен вопрос об организации русско-монгольского банка. В принятом постановлении было отмечено «Признать необходимым срочную организацию русско-монгольского банка и поручить Финкомитету в недельный срок внести на утверждение СНК соответствующий проект устава Банка, а также определить уставной капитал и срок его оплаты с тем, чтобы русский взнос не превышал первое время ста тысяч золотых рублей».

В 1923 г. между правительствами СССР и Монголии было подписано взаимовыгодное и равноправное торговое соглашение. С этого времени удельный вес торгового оборота СССР во внешнем торговом обороте Монголии постоянно возрастал. Согласно соглашению были отменены лицензии на ввоз в РСФСР, СССР товаров монгольского происхождения и на ввоз советских товаров в Монголию, были понижены железнодорожные тарифы, установлены таможенные льготы.

На монгольском рынке стали активнее функционировать совет-

ские торговые и заготовительные организации: «Сибгосторг», «Центросоюз» и др. В октябре 1923 г. открылось Ургинское отделение Госторга СССР с капиталом в 100 тыс. долларов, целью которого было оказание содействия российско-монгольской торговли. За шесть месяцев Госторг продал в Монголии российских товаров на сумму 147 тыс. мексиканских долларов и вывез сырьё на сумму 128 тыс. долларов. В 1924 г. при содействии СССР был создан торгово-промышленный банк, действовавший на акционерных началах, который способствовал выпуску и укреплению национальной валюты, улучшению финансового положения и экономическому развитию.

Таким образом, процесс укрепления и развитие новых торгово-экономических взаимоотношений, основанный на принципах уважения суверенитета и взаимной выгоды, сыграл существенную роль в формировании межгосударственных отношений между обоими странами, в становлении экономики независимой Монголии.

Примечания.

¹ Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. - М., 1971. - С.318.

² Борисова И.Д. Россия и Монголия: очерки истории российско-монгольских и советско-монгольских отношений (1911-1940). - Владимир, 1997. - С.46.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф.372, оп.1, д.151, лл.28-32об. Материалы протокола Особого Совещания по вопросу о торговле с Монголией от 17 октября 1922г. и копия протокола заседания Комиссии по вопросу о торговле с Монголией от 22 октября 1922 г. вскоре были отправлены в Дальбюро ЦК РКП (б).

⁴ Жабаяева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. - Улан-Удэ, 2001. - С.240.

В.В. Номогова, А.В. Митанова

Репрессии в отношении эмчи-лам в 1920-30-х гг.

В силу многих известных обстоятельств, ламство в общественно-политической структуре бурятского общества в рассматриваемый период занимало ведущее место, являясь той группой, которая создавала и формировала его мнение. Поэтому с ламством, как с одним из влиятельных факторов, вынуждены были считаться и, считались все те силы, которые соприкасались с ним, признавая его интересы и права.

С приходом советской власти, политика в отношении религии начала осуществляться с позиции силы. Функция контроля за деятельностью религиозных сил была возложена на Наркомат внутренних дел (НКВД).

В 1925 г. на территории Бурятии был распространен ленинский декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Во всех аймаках были созданы специальные комиссии по ламскому вопросу. В связи с этим встал вопрос о тибетской медицине и ее представителях. В частности, об эмчи-ламах, кем же их считать: народными целителями или служителями культа, у которых следует реквизи́ровать имущество, приобретенное на нетрудовые доходы?

Большинство местного населения имело на этот счет вполне определенную точку зрения, о которой достаточно красноречиво говорит следующий архивный документ: «1924 года, марта 24 дня, мы, проживающие в Ацагатском дацане, люди, свидетельствуем, что лекарь Дондок Ендонов помогает нам своим лечением в особенности больным беднякам и неимущим. Он ездит на собственной лошади на дальние расстояния и возит с собой в сумках, как аптеку, лечебные принадлежности из необходимых корней, трав цветов, оберегая их от порчи: сырости, дождя, жары и прочее. Посему ему необходимо иметь одну лошадь, одни сани и телегу. В чем и удостоверяем свои-ручные подписи. 76 лиц. Действительность настоящего удостоверения свидетельствуется. За председателя Совета Жигжитов, члены Балсанов, Цыденов, секретарь Цыренжапов».¹

В 1928-1929 гг. в результате экономического и политического влияния советских и партийных органов давление на тибетскую медицину усиливается. Анализируя состояние медицинского обслуживания в Бурятии, Агван Доржиев писал в Президиум ВЦИК: «Ламы – тибетские врачи, которые занимаются практической медициной, преследуются местными властями. Лекарства, которые добываются с большим трудом из Тибета и Китая отбираются и беспощадно уничтожаются, а лам-докторов сажают в тюрьму, штрафуют большими налогами. Русские врачи и фельдшера из-за малой численности не могут обслуживать все население, тибетские преследуются».²

В ответ на это письмо, Президиум ВЦИК в лице ее члена П. Смидовича отправляет в Президиум ВЦМК БМАССР прошение от 16.06.1930 г. за № 298 с/к выслать в возможно короткий срок:

1. Дела о закрытии пяти дацанов: Баргузинского, Тарбагатайского, Цолгинского, Ольхонского и Осинского с докладом о политике

закрытия дацанов и о причинах отступления от действующего законодательства при их закрытии.

2. Доклад о действиях, связанных с борьбой с тибетской медициной и о причинах отклонения в этом деле от директив, данных ранее из центра.

3. Сведения о том, соблюдается ли ранее действовавшая директива о представлении несовершеннолетним хувааракам права остаться в прежнем положении, если они были таковыми до 1927 года, если нет, то вышлите постановление, на основании которого отклонение к хувааракам изменено.

4. Сведения о том, сохранили ли в БМАССР ламы право на трудовое пользование землей, а если нет, то, на основании какого постановления они этого лишены.

В ответ на это предложение ЦИК БМАССР от 15.02.1931 г. сообщает: «...Никакого отклонения в борьбе с тибетской медициной и нарушения приложенной по этому вопросу директивы центральных органов власти не было. Этому свидетельствует существующая по настоящее время школа тибетской медицины и недавно построенная больница при Адагатском дацане в Хоринском аймаке, руководимая тибетскими медиками. Тибетская медицина в Бурреспублике существует совершенно свободно и никаких репрессивных мер по борьбе с ней не ведется. Метод борьбы с тибетской медициной – это противопоставление научной медицины, путем открытия новых больниц, и врачебных пунктов. Тибетская медицина в условиях Бурятии изучена очень слабо и этим вопросом предполагает заняться, созданный в г.Верхнеудинске - Институт социальной гигиены».

Чуть раньше, по требованию СНК БМАССР Бурнаркомздрав от 8.08.1930 г., сообщал следующее: По делу о закрытии Цолгинского дацана сохранился протокол общего собрания Усть-Алтачинского и Нэгдэйского участков Цолгинского сомона Мухоршибирского аймака от 16.02.1930 г.

В собрании принимало участие 67 граждан, председателем был избран гражданин Цыренов, секретарем – Хандажапов. В протоколе говорится: «Выслушав доклад по проведению весенне-летней компании и месячник безбожников, собрание одобряет мероприятия правительства и партии по вопросу об индустриализации страны, коллективизации единоличных хозяйств и ликвидации кулачества как класса и отмечает, что поднятие хозяйственного и культурного уровня батрацкой, бедняцкой и середняцкой массы осуществимо лишь под

руководством компартии.

Вместе с тем, собрание считает необходимым, вести с ламством и кулачеством решительную борьбу, ибо со стороны которых имеет место явное сопротивление против социалистического строительства и проведения сплошной коллективизации и воспрепятствование к проведению борьбы с пережитками угнетения трудящихся капиталистическими элементами, в частности исполнителями буддийского культа и ноенатством.

Собрание постановляет:

1. В виду того, что все ламы Цолгинского дацана ныне уходили из дацана, оставив здание и предметы культа без караулов и, что Управление дацана и представители группы верующих никаких мер к охране данного имущества не принимают, несмотря на то, что таковое является государственным достоянием, назначение органами личной власти специального караула для охранения данного имущества – признать правильным.

2. Возбудить перед правительством ходатайство о закрытии этого дацана и использовании зданий дацана для удовлетворения культурно-просветительных нужд сомона, за выбытием всех лам данного дацана из состава ламства и оставлением зданий без караула.

И/П Председатель Собрания (Цыренов)

Секретарь (Хандажапов)

Перевел: Переводчик БурЦИКа (Очиржапов)».³

В архиве УФСБ, в одном из дел отмечается, что 1930 г. является годом подъема контрреволюционной деятельности ламства. Фиксируются восстания в Осинском районе Тункинского аймака, возглавлявшиеся Осинским дацаном. Подобное происходило в районе Цугольского дацана, Агинского аймака, после в Мухоршибирском аймаке, под руководством ширетуя Амоголонтуевского дацана; в Ноехонском сомоне, Селенгинского аймака, протекавшее с активным участием видных лам Цонгольского, Балтомурского и Цолгинского дацанов, расположенных на территории Селенгинского, Мухор-Шибирского и Кяхтинского аймаков; в Хоринском аймаке с участием лам Кижингинского и Чисанского дацанов; Дырестуйское восстание, под руководством лам Дырестуйского дацана.

В марте 1930 г. в Санагинском дацане ликвидирована «контрреволюционная» повстанческая организация лам, возглавляемая ширету-

ем дацана Цыремпиловым Балданом. Также в Мыло-Бортойском дугане во главе с ширетуем дугана Гунзеном Доржиевым. В августе была ликвидирована «контрреволюционная» группировка лам в Цеже-Бургалтаевском дацане, во главе которого стоял ширетуи дацана Данзан Ирнчинов. В сентябре ликвидирована вторая «контрреволюционная» повстанческая организация лам в Санагинском дацане во главе с ширетуем дацана Лубсаном Аюровым (он же Ошоров Дамба). В ноябре ликвидирована вторая организация во главе с руководителем Зайсановым-Шагдуровым Чойдоном и Бальжинимаевым Жамьяном. В апреле 1931 г. была ликвидирована «контрреволюционная» повстанческая организация в Ноехонском сомоне, Селенгинского аймака».⁴

Большой интерес представляет протокол допроса (см. вышеуказанное дело) Галсанова Хайдапа от 14.02.1931 г., члена Центрального Духовного Совета. Согласно показаниям Галсанова, Пленум ЦДС в течение 1930 г. не созывался, только изредка созывалось заседание Президиума ЦДС с участием Хамбы Мункожапова, Цырена Сосорова, Рампила Ирдынесва, Жалсана Люшеева, Хайдапа Галсанова, присутствовал и секретарь ЦДС Бадмажапов»

На допросе 18 августа 1931 г. он упоминает, что осенью 1930 г. в Гусиноозерский дацан приезжали хамбо лама Агван Доржиев и Мункожапов Данжа Гучик, где проводили беседы с ламами по вопросам успешного внедрения нового обновленческого устава. На стр. 326 имеются показания Мункожапова Данжи, который был арестован 16 декабря 1930 г., имеет степень «габжи», образование высшее тибетское медицинское, занимает должность хамбо ламы (Бандидо-хамбо), является председателем ЦДС. На допросе он сообщает, что «30 марта 1930 г. он получил письмо от Садаева Нимбо, в котором сообщал, что наступило время, когда бурятский народ, как истинный последователь учения Будды, должен стать под высокое покровительство Банчен-богдо-шаби, который совершит государственно-политическое отторжение бурятского народа от Советского Союза»

В деле № 6387/с (начато в апреле 1932 г. — закончено в июне 1932 г.) имеется Постановление от 3 апреля 1932 года, относительно лам Ацагатского аршана во главе с Цыбиковым Бизия, Абудуевым Цырендаци, Будаевым Дамбой и др. В нем сообщается, что «начиная с 1931 года в связи с ущемлением их экономического положения, они стали систематически вести антисоветскую агитацию, направленную против хозяйственно-политических мероприятий Советской власти,

свою агитацию подкрепляя распространением различного рода провокационных слухов о появлении бандитов, о восстании и т.д.»

Уже 15 апреля 1932 г. выходят постановления о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения относительно вышеперечисленных лам. Их привлекают по статье 58-10 (стр. 64-73) – контрреволюционная деятельность. Все они реабилитированы в 1986 г. По этой же статье были арестованы ламы Ацагат-Челутаевского дацана Хоринского аймака; Эгитуйского дацана, Еравнинского аймака и других дацанов. Среди арестованных приведены и имена лам-лекарей (габжи):

По делу № 4714 привлечены ламы из Ацагат-Челутаевского дацана:

- Абидуев Цырен-Даши – крупный лекарь
- Арсаланов Ендон – лама-аранжимба
- Аюшеев Шойнжур – лама-доромбо
- Мункуев Дондок – лама-габжа
- Мухуцаев Содбо – лама-габжа (1872 г.р.)
- Пунцуков Домчик – лама-доромбо
- Раднаев Ендон – лама-доромбо
- Цыренов Цырен-Доржи.⁵

По делу № 4714 привлечены ламы из Анинского дацана:

- Ванданов Жамьян-лама-габжа
- Данжа-Лобан-лама-габжа
- Тагар-Жалсан-лама-габжа
- Цыбикжапов Базаржап-лама-габжа
- Ямадаев Дамчи-лама-габжа.⁶

По делу № 4714 привлечены ламы из Эгитуйского дацана:

- Базаров Цырен-Доржи
- Намсараев Шойдор
- Цыренов Жалсан.⁷

По делу № 4714 привлечены ламы из других дацанов:

- Эрдынеев Рампил – лама-габжа Гусиноозерского дацана
- Галсанов Хайдап – лама-габжа Гусиноозерского дацана
- Бадмаев Дабацырен – лама-габжа Янгажинского дацана и др.

По ст. 58-10 и 58-11 осужден Цыденов Баянда (1892 г.р.), уроженец Додо-Илькинського сомона БМАССР, крупный лама-лекарь Ацагатского аршана. Первично сослан в Баргузинский аймак в 1933 г., освобожден на основании отношения УСО УГБ НКВД по ВЦИК за № 59174 от 10 декабря 1935 г. Всем ламам предъявлено обвинение в

шпионаже в пользу Японии.

С конца 1920-х гг. расширение площадей, ускоренное строительство и благоустройство территории Ацагатского аршана не пользовалось особой благосклонностью со стороны властей. Об этом свидетельствует заявление А. Доржиева, направленное в 1931 г. в Наркомфин СССР, где сообщается об обложении школы земельной рентой в сумме 3240 руб. 19 коп., налогом со строений 2811 руб. и страховой премией 92 руб. 30 коп. за 1930-1931 гг.⁸

Несмотря на громадные усилия А. Доржиева и лам-медиков, не удалось сохранить школу и лечебницу. Одно из последних обращений А. Доржиева в 1937 году к Ербанову свидетельствует о том, что шло фактическое разрушение лечебницы.

Закономерным итогом всей политики советского правительства в области религии стало дело о закрытии Ацагатского аршана. Такая политика приводила к тому, что многие ламы были вынуждены снимать сан и уходить из дацанов. В апреле 1936 г. выходит постановление ЦИК и СНК БМАССР «О воспреещении лечения населения методом тибетской медицины», в котором отмечены следующие пункты:

1. Воспретить всем лицам применять лечение методом тибетской медицины на все территории БМАССР.
2. Лиц виновных в нарушении настоящего постановления привлекать по соответствующей статье уголовного кодекса.
3. Закрыть ламский аршан в Ацагатах как очаг распространения заразных болезней.
4. Настоящее постановление опубликовать в печати.

Председатель ЦИК БМАССР (Дампилон)
Председатель СНК БМАССР (Доржиев)
Секретарь ЦИКа БМАССР (Кузьмин)⁹

Дело №4030 (начато 13 ноября 1937 г., окончено 29 января 1938 г.)

В результате этих мер произошло значительное уменьшение действующих лам. Как это происходило наглядно показано в таблице.

Сокращение дацанского ламства¹⁰

Районы	Составило: количество	На 1/1 33 г., %	Составило: количество	На 1/1 34 г., %
В режимных районах	1794	100	943	52,6
В остальных районах	940	100	572	60,9
Всего	2731	100	1515	55,4

В 1933 году из общего числа лам (2734), сокращение составило 1219 (55,7 %), в 1931 году из 1515 – 244 (16,1%)

К началу 1934 года в республике насчитывалось 28 действующих дацанов, которые по аймакам распределялись следующим образом: Агинский – 3, Селенгинский – 9, Хоринский – 5, Мухоршибирский – 2, Тункинский – 2, Баргузинский – 1, Еравнинский – 1, Кяхтинский – 3, Закаменский – 2.

Сокращение ламства происходило в основном за счет репрессивных мероприятий НКВД и судебно-следственных органов. Из общего числа сокращенных лам – 1219: репрессировано – 627, эмигрировало – 150-180, перешло в степное состояние – 120-130, осталось в городе и на промыслах – 120-320 человек.

В связи с таким положением в районах республики резко увеличилось число фактически бездействующих дацанов. В 1933 году прекратили деятельность 5 дацанов: в Агинском аймаке – 4, в Селенгинском – 1. Из-за малочисленности лам, неспособными к отправлению религиозных служб оказались 8 дацанов: Агинский аймак – 1, Селенгинский – 1, Мухор-Шибирский – 2, Тункинский – 2, Кяхтинский – 2. К 1934 году в режимных районах было 7 дацанов и 3 дугана, в остальных – 4 дацана, 1 дуган.¹¹

Новая волна репрессий начинается в 1937 году. В социалистическом государстве все шло по плану. 30 июня 1937 года царком внутренних дел Ежов подписал оперативный приказ с грифом «Совершенно секретно» – «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».¹² «Контингент» будущих жертв приказа делил на две категории:

1. Наиболее враждебные подлежат немедленному аресту и по рассмотрении их дел «тройками» – расстрелу.

2. Все остальные подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет. Были даны плановые цифры. Для Бурят-Монгольской республики он составлял 350 человек первой категории и 1500 – второй.

«Бурят-Монгольская правда» почти в каждом номере публиковала все новые и новые разоблачения. Один за другим закрывались дацаны. Практически все специалисты по тибетской медицине были репрессированы как представители контрреволюционного духовенства и шпионы.

Дело № 4714 /с 1937 г.

Арестован Арсаланов Ендон, 1882 г.р., заведующий хозяйством Агвана Доржиева. На допросе признал, что его вовлек в контррево-

люционную организацию в 1929 г. в Ацагатском аршане хамбо-лама Агван Доржиев. Призывами данной организации являлись: борьба с Советской властью, движение против колхозов и т.д.

13 ноября из НКВД прокурору Бурят-Монголии направляется справка на арест Доржиева. Доржиев Агван проходит по архивно-следственному делу № 124 1852 г.р., уроженец улуса Хара-Шибирь Хоринского аймака БМАССР, бурят, гражданин СССР, беспартийный, образование высшее духовное, хамбо-лама, культовый служитель буддийского храма в Ленинграде, до ареста проживал в Ацагатском аршане, Заиграевского района. В обвинении предъявлены статьи 58-1^а, 58-2, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

На первом (и вероятно последнем допросе) 28 ноября 1937 г. признал, что он является одним из руководителей контрреволюционной, панмонгольской, террористической, повстанческой организации, конечной целью которой было свержение Советской власти. 29 января 1938 г. Агван Доржиев умер в тюрьме № 1 г. Улан-Удэ от паралича сердца. Дело было прекращено 10 апреля 1938 г.¹³

Время все расставляет по своим местам. Расследование и изучение архивных материалов установили, что многие из так называемых контрреволюционных организаций вообще не существовали. Следствие по этим делам проводилось с нарушением законности и фальсификацией материалов. В 1955-1957 гг. в результате проведенного органами прокуратуры и комитета госбезопасности дополнительного расследования доказано, что никакая контрреволюционная, панмонгольская, националистическая организация на территории БМАССР не существовала.

Таким образом, репрессии по отношению к эмчи-ламам нанесли невосполнимый ущерб как развитию тибетской медицины, так и духовной культуре бурятского народа в целом.

Примечания.

¹ Музей истории Бурятии. Рукописный фонд. Материалы Ацагатского аршана.

² НАРБ, ф. 248, оп. 3, д. 103, л. 28.

³ НАРБ, ф. 248, оп. 3, д. 98, л. 83.

⁴ Архив УФСБ РФ по РБ, д. № 7561, стр. 344-345.

⁵ Архив УФСБ РФ по РБ, д. № 4714, л. 17, 20, 21.

⁶ Там же, л. 22, 23.

⁷ Там же, л. 24.

⁸ НАРБ, ф. 643, оп. 1, д. 7, л. 6.

⁹ НАРБ, ф. 475, оп. 7, д. 17, л. 8.

¹⁰ Архив УФСБ РФ по РБ, ф. 3, оп. 1, д. 6, л. 3.

¹¹ Архив УФСБ РФ по РБ, ф. 3, оп. 1, д. 5, л. 26.

¹² Архив УФСБ РФ по РБ, д. № 4030, л. 185.

¹³ Базаров Б., Шагауров Ю. Агван Доржиев. Последние страницы жизни // Бай-кал. - 1991. - № 3. - С. 121-128.

М.Н. Балдано

Особенности социалистической индустриализации в СССР (1930-1950-е гг.)

Индустриализация – объективная закономерность исторического развития, имеющая свои особенности и специфику в разных странах. Процесс индустриализации в России состоял из двух основных этапов, между которыми были и преемственность, и глубокие качественные различия. Между ними – напряжение первой мировой войны и революции, когда экономика страны была поставлена на грань национальной катастрофы, затем послереволюционное экономическое восстановление и переход к решению задачи социалистической индустриализации.

В СССР индустриализация имела свои характерные черты: а) в целях – достижение экономической независимости, превращение СССР из страны, ввозящей машины, в страну, их производящую; б) в методах – упор на развитие группы отраслей тяжелой промышленности, обеспечение развития промышленности на основе пятилетних планов; в) в сроках и темпах осуществления – стремительный промышленный рост, высочайшие темпы довоенных пятилеток; г) в цене – высокие темпы обеспечивались за счет перескачки средств из аграрного сектора в промышленный, а также за счет средств населения.

Экономическая база советской страны сформировалась именно в годы форсированной индустриализации. Само индустриальное развитие осуществлялось на основе государственного сектора с планово-централизованными механизмами экономики, общественной собственностью, при помощи методов внеэкономического (в том числе и идеологического) принуждения, стимулировавшего широкие народные массы на трудовые подвиги. Причислять значение и скорость этих процессов не следует, так как, например, в СССР всего за 13 лет, с 1929 по 1941 гг., был сделан существенный прорыв в экономическом развитии и создании громадной военно-индустриальной, интеллектуальной, научно-технической и технологической структуры. В этой связи история индустриального подъема и дальнейшего разви-

тия экономики в советский период представляет большой интерес.

Особого внимания заслуживает региональный аспект проблемы: индустриализация как важный фактор выравнивания уровней экономического развития различных регионов страны. Такие субъекты Российской Федерации, как Республика Бурятия, обладают уникальным опытом ускоренного индустриального развития, реализованного в рамках нескольких типов общественно-политических и экономических систем. В национальных районах страны, каким является Бурятия, процессы создания и развития промышленности, других отраслей народного хозяйства, а также формирования рабочего класса в период индустриализации и последующего развития в силу исторических, географических, экономических, национальных причин имели свою специфику.

Индустриальное развитие представляет собой важнейшую характеристику общества в целом. Однако и в исторической, и в экономической науке (как отечественной, так и зарубежной), на наш взгляд, пока не сложилось единого подхода к означенной проблеме. Часть исследователей под индустриализацией понимает развитие промышленности и структурные сдвиги в экономике.³ Характерными являются следующие определения. «Индустриализация – это фаза экономического развития, когда происходит относительное и абсолютное перемещение капитала и трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность, особенно обрабатывающую. Показателями ее могут служить развитие фабричной системы и урбанизация».² Индустриализация – это «развитие промышленности как главное направление стратегии развития».³ «Индустриализация – социальный процесс, в ходе которого производственные усилия направлены на оптимизацию выпуска посредством использования все более эффективного оборудования и специализированной рабочей силы. Промышленная революция – коренные изменения в системе производства, возникающие в результате применения механических двигателей. Существенными чертами промышленной революции являются: фабричная система, использование промышленной технологии в сельском хозяйстве, ускорение и облегчение транспортных перевозок и связи, а также изобилие потребительских товаров».⁴ Самое распространенное понимание индустриализации сводит ее к развитию обрабатывающей промышленности. Такова была позиция, выработанная в свое время ЮНИДО.⁵

В советской экономической литературе долгие годы господство-

вала точка зрения, согласно которой индустриализация - это развитие преимущественно тяжелой промышленности.⁶ Некоторые авторы объявляют индустриализацию процессом экономического развития в целом.⁷ Н.С. Бабинцева, М.М. Литвяков, О.С. Савкевич считают, что индустриализацию можно охарактеризовать как становление, переход к машинной технике и организации производства.⁸ К этому стоит добавить, что переходность является отличительной чертой индустриализации.

Заслуживает также внимания точка зрения А.Г. Вишневого на российскую модернизацию. С одной стороны, он убежден в том, что Россия «не выпала из истории» в XX в. и «тридцатые годы были временем промышленного рывка, который невозможно отрицать и который создал основу для превращения СССР в мощную индустриальную державу», а с другой – называет советскую модернизацию консервативной и незавершенной. «Создать более или менее совершенный материально-технический аппарат современной индустриальной экономики, - заключает Вишневский, - это полдела. Вторая же половина – вдохнуть в него жизнь, «встроить» механизмы саморазвития. На Западе такие механизмы складывались постепенно, вместе с самой промышленностью, тогда как в СССР индустриализация была «искусственной», основанной на заимствовании готовых технологий и некоторых организационных форм. Мобилизационная модель ранней советской экономики сделала возможным такое заимствование в очень короткие сроки, но она же привела к подавлению рыночных механизмов, порождающих стимулы к развитию. В логике ее функционирования воспроизводились, разумеется, в измененном виде, средневековые принципы вертикальной иерархии, натурального хозяйства, личной зависимости и т.п. Поэтому она довольно быстро исчерпала свои возможности».⁹

Как видим, в современной науке существуют разные мнения по поводу того, что считать индустриализацией вообще, была ли социалистическая индустриализация в России ускоренной или, наоборот, замедленной, что делает спорным вопрос о ее завершенности сегодня. В отечественной историографии длительное время считался непоколебимым тезис о превращении СССР в ходе довоенных пятилеток в индустриальную державу. Однако в связи с проведенными исследованиями и существенными доводами экономистов он был подвергнут сомнению и пересмотру. Анализ имеющихся материалов позволяет заключить, что индустриализация в таком национальном

районе, каким является Бурятия, прошла в два этапа: первый - до 1941 г., второй - в послевоенный период - до конца 1950-х гг.

Индустриализация Бурятии началась в конце 1920-х гг. на базе уже созданной крупной промышленности в центральных районах страны, на основе государственного сектора с планово-централизованными механизмами экономики. Темпы роста капиталовложений в промышленность республики в годы первых пятилеток были гораздо выше, чем в целом по стране. С одной стороны, это свидетельствовало о форсированном развитии промышленности Бурятии в соответствии с политикой ликвидации экономического неравенства, а с другой, – о низкой стартовой базе республики.

Индустриализация СССР была оплачена высокой ценой. Иначе и не могло быть, принимая во внимание, что выбор был сделан в пользу скорейшего достижения экономической независимости, создания комплекса отраслей тяжелой и оборонной промышленности, с упором на собственные материальные и людские ресурсы и вынужденным отказом от помощи извне.

Любой вариант перехода к индустриальной экономике в каждой стране осуществляется болезненно, поскольку сопровождается значительным перераспределением национального дохода в пользу фонда накопления. В СССР в условиях индустриализации доля фонда накопления была очень высока. Отношение валовых капиталовложений к национальному доходу, составлявшее в других странах 5-10%, в нашей стране в годы первой пятилетки поднялось до 38 % и до начала второй мировой войны оставалось на уровне 30-35 %.

Оглядываясь в прошлое, надо признать, что вариант развития, выбранный в конце 1920-х гг. руководством СССР, не был неправильным. При этом, безусловно, имели место серьезные тактические ошибки. Самой главной из них была недооценка материальных стимулов не только на уровне отдельного работника, но и в целом для экономики, всех ее субъектов. Следующая ошибка состояла в порочном развитии планирования. Увеличение номенклатуры выпускаемой продукции, количества предприятий требовали перехода от планирования конкретных изделий по конкретным предприятиям к планированию отраслевых и региональных пропорций, нахождению оптимальных соотношений затрат и доходов. Однако советское планирование оказалось к этому не готово.

К особенностям индустриализации республики следует отнести то, что промышленность создавалась практически с нуля и проходила

форсированными темпами в соответствии с политикой выравнивания уровней экономического развития национальных окраин и регионов. В ее ходе сложился республиканский отряд рабочего класса, появилась местная инженерно-техническая интеллигенция. Рабочие коллективы комплектовались из вчерашних крестьян. Это в не меньшей степени, чем завышенные планы и перебои в снабжении, отсутствие нормальных бытовых условий усугубляло трудности строительства и работы промышленных предприятий. Одновременно в республику прибывали рабочие, инженеры и техники из центральных областей страны, что, в свою очередь, явилось важным фактором подготовки квалифицированных рабочих из числа местных кадров, в том числе из бурят. Рабочий класс республики формировался не как национальный, а как многонациональный, при сравнительно небольшой доле бурят в его составе.

Источниками формирования рабочего класса Бурятии в период реконструкции были крестьяне-единоличники, батраки, безработные; в годы индустриализации и последующий период – колхозное крестьянство республики, квалифицированные рабочие из центральных районов страны, молодежь и незанятое в народном хозяйстве население. Пути формирования были организованный набор по договорам, плановое перемещение рабочей силы из других регионов страны, вольный наем, или самостоятельный набор рабочей силы предприятиями.

В соответствии с планом индустриализации в годы первых пятилеток были построены крупные промышленные предприятия – механизированный стекольный завод, Верхнеудинская электростанция, паровозовагоноремонтный завод, мясохладокombинат, Джидинский вольфрамомолибденовый комбинат, всего 118 предприятий. Возникли металлообрабатывающая, машиностроительная, горнорудная, угольная, строительных материалов, лесная и другие отрасли промышленности.

Капитальное строительство Бурятии прошло путь от Верхнеудинской строительной конторы и ОКСов до единых территориальных строительных организаций с достаточно развитой внутренней специализацией.

Самые крупные ассигнования шли в промышленность, в первую очередь, в отрасли общесоюзной специализации. Капитальное строительство в Бурятии требовало повышенных затрат в связи с необходимостью создания общих условий развития промышленности,

транспорта, электроснабжения, вспомогательных и обслуживающих производств, жилищного и коммунального хозяйства, доставки материалов и оборудования на значительные расстояния.

Послевоенное восстановление народного хозяйства в короткие сроки еще более укрепило авторитет отраслевой структуры управления и усилило уверенность руководства страны в правильности выбранной модели. В период хозяйственного строительства в экономике страны произошли глубокие качественные изменения. Была продолжена индустриализация промышленности и других отраслей народного хозяйства.

К 1950 гг. сложилась централизованная, командная, административно-директивная экономика. Именно такая общественная модель, сформированная в ходе ускоренной индустриализации, позволила стране преодолеть стадийное отставание от государств Западной Европы в развитии производительных сил и пройти главные этапы индустриализации. Однако СССР всегда был догоняющим в технико-экономическом развитии, которое было связано с модернизацией, но, несмотря на все усилия, ему не удалось обеспечить перехода к стратегии «опережающего» развития.

Однако в любом случае можно констатировать, что рост производства как по стране, так и по Бурятии, был весьма значительным. При этом индустриализация проводилась экстенсивными методами, с огромными издержками, сопровождаемая высокой степенью инфляции. Прирост промышленной продукции достигался в основном за счет ввода в строй новых объектов.

В конце 1950-х гг., как уже отмечалось, была в целом завершена индустриализация экономики республики. Природно-сырьевые возможности, исторически сложившаяся экономическая база определяли специализацию Бурятии в едином народнохозяйственном комплексе СССР и России.

В 1960-1980-е гг. в экономическом и социальном развитии республики произошли крупные изменения. Осуществлялись значительные сдвиги в индустриальных преобразованиях, охвативших все сферы экономики – промышленность, строительство, транспорт, связь и другие отрасли. Дальнейшая индустриализация для них означала принципиально новый этап роста. В каждой отрасли она имела свою специфику, определяемую прежде всего особенностями производства, в то же время выявились и общие тенденции, влиявшие на экономическую ситуацию в целом.

Индустриальное развитие происходило на основе централизованного планово-директивного, лимитно-распределительного механизма, директивного ценообразования; экономического механизма, обуславливающего экстенсивный рост; слабых экономических стимулов; преобладающего технократизма в мышлении руководителей различных рангов.

Динамика социальной структуры населения Бурятии в 1960-1980 гг. свидетельствовала о значительном индустриальном развитии общества, одним из последствий которого был рост численности и удельного веса служащих, прежде всего, инженерно-технической интеллигенции, специалистов различных отраслей экономики. Отмеченные изменения социально-классовой структуры во многом были результатом волевого регулирования со стороны административно-командной системы.

Рабочий класс стал преобладать в социальной структуре населения республики, выросли национальные кадры рабочих. Повысился общеобразовательный и квалификационный уровень рабочих. Однако система подготовки квалифицированных кадров для промышленности имела ряд существенных недостатков. Разрядность рабочих была ниже разрядности выполняемых работ.

Перечисленные процессы были противоречивы: продолжали сохраняться значительные экономические и социально-психологические проблемы труда (сложности в вовлечении и закреплении на производстве молодежи, женщин, неудовлетворенность трудом, текучесть кадров и др.).

Увеличение числа предприятий индустрии привело к усилению антропогенной нагрузки на естественные экосистемы. Несмотря на то, что осуществлялись мероприятия по совершенствованию системы природопользования (прекращение бессистемной вырубке лесов, запрещение молевого сплава леса по Байкалу и всем рекам, создание заповедников и госзаказников, строительство очистных сооружений и т.д.), по-прежнему развитие производительных сил продолжалось за счет неуклонного разрушения природного потенциала.

Отказ от решения структурных проблем в промышленности сыграл решающую роль в кризисе советской индустрии, начавшемся с середины 1970-х гг. в системе, в которой, казалось бы, присутствовала вся совокупность черт промышленно развитой экономики. О кризисе свидетельствовал ряд симптомов: падение темпов промышленного роста, производительности труда (на фоне ухудшающейся демо-

графической ситуации), снижение отдачи от капиталовложений, инвестиционный бум и рост незавершенного строительства, уменьшение потребления. Сложившееся положение было результатом различных долгосрочных тенденций и специфической экономической политики.

«Перестройка», определявшаяся как «реконструкция» всего здания советского общества в целом, на деле привела к разрушению и распаду системы. Показатели прироста промышленного производства не переставали снижаться, достигнув нулевого уровня в 1989 г. и отметив десятипроцентное сокращение в первом полугодии 1991 г. Ни одна из начатых в экономике реформ практически не дала положительных результатов. Социалистическая система хозяйствования давала нарастающие сбои в центральном звене – планировании. Частые корректировки планов, несоответствие годовых планов пятилетним заданиям были лишь частью кризиса планомерности развития экономики. Причины кризиса плановой системы крылись в том, что в новых условиях бюджетное распределение (до 75 % национального дохода), попытка охватить материальными балансами до 80-90 % всей продукции сами порождали торможение. Результаты хозяйствования свидетельствовали о запаздывании резервов второго эшелона, связанных со структурной перестройкой, экономической реформой.

Реформы не затронули экстенсивной сущности экономического механизма. Руководство страны не могло отказаться по идеологическим и политическим соображениям от валового подхода, хотя ученые предупреждали о его скрытых опасностях еще в 1920-е гг. Бюрократическая система управления экономикой пыталась решать возникавшие проблемы административными мерами: укрупнением экономических образований, сведением отраслей в более крупные комплексы, созданием новых комитетов и министерств, ужесточением контроля, санкций и т.д. Система, на ранних этапах продемонстрировавшая высокий динамизм, обнаружила тенденции к саморазрушению. Падала не просто эффективность управления - неэффективное управление материализовалось в структуре и направлении огромных ресурсов.

Были осуществлены мероприятия в направлении повышения самостоятельности предприятий, большего использования материальных стимулов. Но экономические тенденции в условиях НТР, необходимость интеграционных процессов становились все более настоящими: технический и технологический уровень, конкурентоспо-

способность продукции, динамизм индустриальной системы, место в мировом разделении труда. А проводимая экономическая политика не могла обеспечить положительных результатов реформирования народного хозяйства.

В 1980-е гг. в экономике республики более четко определились тенденции, намечившиеся еще в первые послевоенные десятилетия: многие процессы вступили в завершающую фазу развития; современный этап индустриализации обострил противоречия в существовавшей экономической и общественно-политической системе.

Примечания.

1. Дахин В. Политические аспекты экономической глобализации // Свободная мысль – XXI. – 2000. – № 6. – С. 6.
2. The Social Science Encyclopedia / Ed. by A. Kuper, J. Kuper. - London, 1985. P.386.
3. The Mit Dictionary of Modern Economics / Fourth Edition / Ed. by D.W. Pearce. - Cambridge (Mass.), 1992. - P. 204.
4. The Encyclopedia of Sociology. New and Updated. - Guilford, 1981. - P. 135-136.
5. Nations Unies. ONUDI. Etude de developpement industriel. – New York, 1969.
6. БСЭ, 2-ое изд. Т. 40. – С. 168.
7. Шмелев Н.П. Проблемы экономического роста развивающихся стран. – М., 1970. – С. 67.
8. Бабинцева Н.С., Литвяков М.М., Савкевич О.С. Индустриализация: содержание и основные черты // Индустриализация: исторический опыт и современность. – СПб, 1998. – С. 20.
9. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М., 1998. – С. 56-57.

А.М. Алексеева, К.Б.-М. Митупов

Создание городского рабочего класса Бурятии в условиях НЭПа

Формирование советского общества было таково, что развитие всей совокупности социальных отношений осуществлялось при определяющей роли рабочего класса. В рассматриваемый период формировались формы и способы воздействия рабочего класса на социальную жизнь общества. Чтобы получить более полное представление о характере развития рабочего класса в этих условиях, необходимо рассмотреть механизм его создания. Такой анализ позволит показать рабочий класс в движении и взаимодействии с другими фор-

мирующимися социальными группами общества.

Формирование и развитие каждого элемента новой социальной структуры советского общества являлось условием развития других элементов и структуры в целом. Это одна из существенных закономерностей трансформации социально-классовой структуры России в 1920-1930 годы. Действие этого механизма определялось переходом из одних социальных групп в другие, т.е. социальными перемещениями. По мере проведения модернизационных мероприятий, связанных с социалистическими преобразованиями, повышалась их интенсивность. Поэтому создание рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции и служащих нельзя представить как простое формирование каждой из социальных групп в отдельности. В первую очередь это связано с социальными перемещениями из крестьянства в формирующиеся новые группы. Именно поэтому Советское государство отводило особое место социальному управлению в деле формирования элементов социальной структуры нового общества.

Тенденция увеличения численности городского промышленного ядра рабочего класса была обусловлена объективной общественной потребностью, которая менялась с развитием производительных сил. На каждом историческом этапе этот процесс определялся особенностями количественного и качественного роста рабочих, что находилось в диалектическом единстве и обеспечивало непрерывную связь количественного увеличения и качественного совершенствования рабочего класса.

Структура рабочих кадров в Бурятии накануне НЭПа, как и в целом в стране, являлась неоднородной и состояла из рабочих государственного, кооперативного и частного секторов. Рабочие государственной промышленности являлись той частью населения, на которую, в первую очередь, опиралась правящая партия, поэтому их количественный рост имел первостепенное значение для формирующегося Советского государства. Именно из среды рабочего класса, по мнению руководителей партии, необходимо было воспитывать административно-хозяйственные и технические кадры.

В связи со свертыванием производства в годы войны и интервенции, а также закрытием нерентабельных фабрик и заводов на начальном этапе осуществления НЭПа, в Бурятии резко сократилось число рабочих. В 1923 году, в расположенных на территории Бурят-Монгольской АССР мелких, полукустарного типа промышленных предприятиях было занято всего 854 рабочих (по сравнению с 1912 г.

численность рабочих сократилась на 48 %).¹

Восстановление промышленности в крае сопровождалось пусть медленным, но все-таки увеличением числа рабочих. В 1927/28 г. в государственной ценовой промышленности было занято 1215 рабочих, из них бурят было всего 48 человек (3,95 %), женщин - 185 (15,2%).²

Пополнение рабочих в республике происходило за счет избытка рабочей силы в улусе и деревне, естественного прироста населения, а также за счет лиц, прибывших из крупных промышленных центров страны. На промышленные предприятия возвращались рабочие, ушедшие в годы гражданской войны и иностранной интервенции на фронт, а в голодные годы – в улусы и села в поисках хлеба и заработка. В основном же потребность в рабочей силе на протяжении 20-х годов покрывалась за счет батрачества.

Следует заметить, что значительная часть бедноты и батрачества шла на работу по найму, в первую очередь, в сельское хозяйство. Так, количество учтенных годовых, срочных и месячных сельскохозяйственных рабочих, занятых в индивидуальных крестьянских хозяйствах и в сельских обществах (без промыслов) составляло в 1926 г. 6176 человек (100%), в 1927 г. – 8797 (142,4%), 1928 г. – 8562 (138,6%), в 1929 – 7300 (118,2%).³

Часть батрачества, не найдя постоянной работы в сельском хозяйстве и достаточного заработка, уходила в города. Так, только по официальным данным Верхнеудинской биржи труда за 1926/27 год было зарегистрировано 550 безработных, прибывших из деревень и улусов, а с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. – 950.⁴ Руководство республики констатировало, что «основной наплыв безработных идет за счет прибывающих из деревни и других городов».⁵

Характерной чертой рассматриваемого периода является существование разнообразных форм безработицы, а именно: сезонная (например, в рыбной, строительной отраслях), временная – связана с закрытием и открытием промышленных предприятий.

В стране в 1928 г. безработица при численности рабочих в 10,8 млн. человек составила огромную цифру – 1,5 млн. (139%).⁶ Наличие резервной армии труда, ее уменьшение свидетельствовало об успехах развития планово-директивной экономики. В Советском Союзе, строившем социализм, ликвидация безработицы и устранение ее причин были задачей политической и должно было послужить доказательством преимуществ нового строя. Поэтому ликвидация безра-

ботицы и ее последствий несло огромный социальный заряд и было возможно только путем индустриализации. Форсированные ее темпы должны были позволить достичь необходимого результата в ликвидации незанятой армии труда.

Проведение НЭПа и связанные с этим структурные изменения в промышленности привело к резкому сокращению спроса на рабочую силу. Первыми подвергались сокращению, при закрытии нерентабельных предприятий – рабочие, большей частью малоквалифицированные и неквалифицированные, затем служащие – работники учреждений и государственного аппарата. Количество безработных увеличивалось на всем протяжении периода НОП, что свидетельствует о противоречивости развития экономики в 1920-е годы. Так, в 1923/24 гг. в Бурятии было зарегистрировано 1394 безработных (100%), в 1926/27 гг. – 1861 (133,5 %), в 1927/28 гг. – 2200 (157,8 %).⁷ Весной 1927 г. БурЦИК, отметив этот факт, издал циркуляр о порядке приема на работу только через органы Бурнаркомтруда (биржу труда).⁸ Чтобы не допустить распыления квалифицированных рабочих, государственные органы создавали различного рода артели, объединения, привлекали безработных на общественные работы.

Не менее остро в 1920-е годы в стране стояла проблема дефицита квалифицированных рабочих. Это особенно болезненно проявлялось в аграрных регионах, к каковым относилась и Бурятия. Крайний недостаток квалифицированных кадров существовал практически во всех отраслях народного хозяйства. Подготовка рабочих кадров велась в школах типа ФЗУ, на курсах подготовки специалистов и рабочего образования, профтехшколах. Если в 1923/24 гг. во всех видах учреждений Бурятии по подготовке кадров обучалось 363 человека, из них 158 бурят (43,5%), то в 1927/28 гг. – 670, из них 325 бурят (48,5%).⁹

Вместе с тем, следует отметить, что в связи с увеличением численности рабочих за счет крестьян, планомерная подготовка квалифицированных кадров отходила на второй план, что, естественно, сказывалось в конечном итоге на уровне промышленного развития.

Помимо объективных причин, оказавших влияние на численность и состав рабочих, необходимо отметить и факты волевых решений по поводу занятости в отдельных отраслях производства. Местные большевистские организации нередко в угоду политике решали производственные задачи за хозяйственных руководителей, в том числе и по кадровым проблемам. Подтверждением данного тезиса является

политика государственных органов по отношению к кустарной промышленности.

Для России 1920-х годов существование «смешанной» экономики означало успешное решение многих задач хозяйственного развития. Так, в Бурятии удельный вес продукции, выпущенной мелкой кустарной промышленностью, составлял в 1928 г. 40 % всей продукции промышленного хозяйства республики, а 75 % всех работавших были заняты в кустарных промыслах.¹⁰ Этот показатель весьма существен, так как позволяет определить уровень экономического развития республики. Мелкие предприятия играли заметную роль в подъеме экономики Бурятии, хотя им и не предоставлялись льготы, распространяемые на государственные предприятия. Поскольку крупная промышленность еще находилась в зачаточном состоянии, то партийные организации поддерживали мелкую и кустарную промышленность. Кожевенные, мукомольные, швейные предприятия не только производили необходимые для населения предметы потребления, но и способствовали накоплению средств для становления крупной промышленности в Бурятии. Кустарные промыслы были аналогом малых предприятий и создавали рабочие места, снижая безработицу и сохраняя рабочие кадры. Большинство рабочих 1920-х годов были тесно связаны с сельским хозяйством. Тем не менее, они не уезжали из городов в связи с закрытием фабрик и заводов, а занимались побочными работами в кустарных мастерских.

Рост численности рабочих в аграрной Бурятии сопровождался и негативными явлениями. Форсированный рост в первую очередь, тяжело отражался на экономическом положении пополнения из деревенской бедноты. Тезис об улучшении материального положения рабочих касался не всех их категорий, так как «чистых» пролетариев было очень мало, большинство рабочих было «полукрестьянами».¹¹ Тем не менее улучшение материального положения наблюдалось.

Одним из главных показателей материального благосостояния рабочих является заработная плата, которая на протяжении осуществления НЭПа в Бурятии характеризовалась стабильным ростом. Так, средний размер зарплаты рабочих по всем отраслям в 1913 г. составлял 44 руб. 64 коп., в 1923 г. – 38 руб. 17 коп., в 1924 г. – 41 руб. 91 коп., в 1925 г. – 48 руб. 60 коп., в 1926 г. – 51 руб. 97 коп., в 1927 г. – 54 руб. 37 коп., в 1929 г. – 64 руб. 4 коп.¹² К 1925 г. зарплата рабочих достигла довоенного уровня. Более высокими темпами, увеличивался размер заработной платы служащих: в 1925 г. зарплата служащих

достигла уровня 1913 г., составляя 91 руб., в 1927 г. – 103 руб., в 1929 г. – 121 руб.¹³

Необходимо учитывать снижение покупательной способности рубля, она к концу 1920-х годов была значительно ниже довоенного уровня. В 1927 году коэффициент для перевода зарплаты в реальное исчисление был равен 1,63.¹⁴ Таким образом, зарплата рабочих фабрично-заводской промышленности в перерасчете на реальную в 1927 г. составляла 33 руб. 3 коп., служащих – 63 руб.

Устойчивое социально-экономическое положение большинству рабочих обеспечивала, складывающаяся в годы НЭПа, система социальных гарантий: предоставление продовольственных пайков, обеспечение бесплатной медицинской помощью, жилищная политика.

В основу государственной социальной политики было положено обеспечение дешевым жильем в первую очередь рабочих семей за счет гражданского строительства. Однако темпы жилищного строительства катастрофически отставали от потребностей. В 1920-е годы, «в связи с острой нехваткой средств» жилищное строительство служило лишь способом удовлетворения элементарных нужд «в крыше над головой». В многочисленных информационных сводках, характеризующих настроение рабочих, говорится, что «... наиболее важным вопросом для рабочих является жилищный. Около него сосредотачивается центр внимания рабочих и на него почти всегда сбиваются все рабочие, выступающие на различных собраниях и заседаниях. Затем частично наблюдается недовольство низкой оплатой труда».¹⁵

Что касается обеспечения рабочих медицинской помощью, то здесь, несмотря на выделяемые государством средства, сказывался недостаток медицинских работников, малое количество больниц, поликлиник и амбулаторий, нехватка медикаментов. Так, в 1926 г. «Верхнеудинский стекольный завод, где количество рабочих превышало 500 человек, где по роду производства различных ранений от стекла бывает значительное количество, обслуживал только один фельдшер».¹⁶

С защитой интересов рабочих была связана деятельность профессиональных организаций. Помимо улучшений условий быта, борьбы с несвоевременной выплатой заработной платы, трудоустройства безработных при республиканском Совете профсоюзов существовал отдел социального страхования, плативший пенсии и пособия инвалидам труда, семьям умерших кормильцев, безработным. В 1920-е годы профсоюзы через производственные совещания и комиссии

привлекали рабочих к участию в управлении производством. Активизация деятельности профсоюзов отражалась на росте численности Бурпрофсовета. Если в 1923 г. в Бурятии насчитывалось 5278 членов союза, то в 1928 г. – 18192, т.е. рост составлял 344,7%.¹⁷ Производственные совещания, производственные комиссии, выдвижение рабочих на административную работу – арсенал средств, при помощи которых декларировалась возможность реализации перспектив на пути передачи рабочим всей государственной власти в стране. При наличии официальной и единственно верной идеологии в обществе при активной политизации рабочих со стороны коммунистов, на практике сложилась ситуация, когда власть, осуществляемая от имени рабочих, в действительности была у партийной номенклатуры.

* * *

Изменения в методах государственного регулирования экономики отражались на составе населения Бурятии и его психологической ориентации. Форсирование новой социально-классовой структуры республики в годы НЭПа характеризовалось следующими специфическими тенденциями:

- незначительный удельный вес рабочих в составе населения региона;
- высокий уровень безработицы за счет выходцев из сельской местности;
- отсутствие крупной нэпманской буржуазии;
- доминирование середняков среди крестьянства.

Развивая функционирующие отрасли промышленности и создавая новые, государственные органы обеспечивали занятость населения, определенный рост материального благосостояния, уменьшали размеры безработицы и, тем самым, устраняли или смягчали социальную напряженность, представлявшую реальную угрозу политическому режиму.

Личная предприимчивость и социальная политика, где заметную роль играли профессиональные союзы, способствовали тому, что, с одной стороны, часть населения улучшила свое благосостояние, с другой, даже небольшие изменения материального уровня вызывали негативную реакцию в психологии бедняцких слоев, что усложняло социальные отношения.

Расслоение среди рабочих по квалификации и по месту работы до революции не вызывало сомнений: «Пролетариат продолжает исче-

зять и деклассироваться».¹⁸ Однако в 1920-е годы слово «рабочий» стало приобретать классовый характер, теряя профессиональное значение.

Особую остроту приобрел вопрос в сфере занятости населения.

Безработица в 1920-е годы являлась важнейшей проблемой, которую решало государство. Хранящиеся в государственных архивах статистические данные, отчеты, протоколы заседаний обкома партии – яркое тому свидетельство. Наличие безработных позволяло регулировать возростающий спрос на рабочую силу, обеспечивать трудовыми ресурсами развитие промышленности. По мере форсирования темпов экономического развития страны, строительства многочисленных объектов народного хозяйства на рубеже 1920-1930-х годов исчезают последние биржи труда, и безработица становится явлением, «присущим капитализму».

Примечания.

¹ Социалистическое строительство в Бурятии за 10 лет - Верхнеудинск - С. 12.

² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 546, л. 69.

³ Митулов Б.М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923 – 1937 гг.). – Улан-Удэ, 1958. – С. 73.

⁴ Тармаханов Е.Е. Развитие промышленности Бурятской АССР за годы строительства социализма (1917 – 1941 гг.). – Улан-Удэ, 1968. – С. 48.

⁵ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 14.

⁶ Бакунин А.В. НЭП и проблема развития производительных сил (теоретический аспект) // Россия непознанная: политика, экономика, культура. – Новосибирск, 1991. – С. 136.

⁷ Там же, ф. 248, оп. 20, д. 13, л. 53.

⁸ Там же, оп. 1, д. 307, л. 78.

⁹ Тармаханов Е.Е. Создание социально-экономических и политических предпосылок формирования отряда рабочего класса в Бурятии (1917 – 1928 гг.) // Рабочий класс Бурятской АССР. – Иркутск, 1985. – С. 24.

¹⁰ НАРБ, ф. 753, оп. 1, д. 481, л. 11 (об.)

¹¹ Аксенов Ю.С. «Сталинская модель социализма»: становление, развитие, крах (20-80-е годы) // Вопр. истории КПСС. – 1990. – № 12. – С. 44, 45.

¹² НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 906, л. 87 об; ф. 196, оп. 1, д. 942, л. 2; ф. 475, оп. 1, д. 9, л. 5; Кулагин Г. Наемный труд и его условия в Бурят-Монгольской АССР // Жизнь Бурятии. – 1928. – № 4-6. – С. 15.

¹³ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 988, л. 89; ф. 753, оп. 1, д. 346, л. 23; Бурятия в цифрах: статистико-экономический справочник. 1927 – 1930. – Верхнеудинск, 1931. – С. 90.

¹⁴ Кулагин Г. Заработная плата сезонных рабочих в 1913 и 1927 годах по г. Верхнеудинску // Жизнь Бурятии. – 1928. – № 7-9. – С. 24.

¹⁵ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 833, л. 1.

¹⁶ Там же, д. 906, л. 19.

¹⁷ Социалистическое строительство в Бурятии за десять лет. – Верхнеудинск, 1933. – С. 88

¹⁸ Сорокин П.А. Указ. Соч. – С. 136

Социальная психология крестьянства Бурят-Монголии в условиях НЭПа

Исследования последних лет свидетельствуют о возросшем интересе к изучению психологии населения, его социальной активности, в частности, в условиях новой экономической политики. Наибольший объем работ посвящен крестьянству как основной движущей силе поднятия экономики в 20-е годы. Между тем, на региональном уровне данная проблема остается малоизученной.

В период НЭПа развитие социальной психологии крестьянства Бурят-Монголии определялось сложным комплексом противоречивых, неоднозначных факторов. С одной стороны, на социально-психологический облик крестьянства продолжали воздействовать стабильные, долговременные императивы, определявшиеся особенностями традиционного сельского образа жизни, а также в значительной мере сохранившаяся в то время хозяйственная и культурная отсталость деревни. С другой стороны, на психологию крестьян с возрастающей силой воздействовали новые социально-политические реалии, возникшие после революции. После введения НЭПа действие этих факторов опосредуется рядом других импульсов – также весьма неоднозначных. Все эти противоречивые воздействия придавали социальной психологии крестьянства в период НЭПа особенно сложный облик.

Новая экономическая политика привела к размежеванию политических настроений крестьянства. Для укрепления позиций Советской власти центр внимания руководства был перенесен на места. Там, где местные органы власти действовали активно, соблюдая советское законодательство, отношение к ним было положительным, но там, где имела место пассивность, позиции и авторитет местной власти были непрочными. Для поддержки своих позиций власть пользовалась не только репрессивными мерами. Большое влияние имела и политико-идеологическая работа, сопровождавшаяся изучением политического настроения населения. Эта традиция была заложена в послеоктябрьское время военными условиями, но в годы НЭПа не утратила своего значения. Донесения о политическом положении составлялись каждые две недели и направлялись в обком партии.

Настроение крестьян по регулярным сводкам ОГПУ было противоречивым: с одной стороны, большинство поддерживало экономические реформы, о чем свидетельствуют имевшиеся факты досрочной сдачи продналога; с другой – критиковали за высокие цены: «...все внимание Советское правительство сосредоточило на улучшении быта рабочих города, хорошо оплачивает их труд, у них 8-часовой рабочий день. Крестьянин же работает 20 часов в сутки, а его работа совершенно бесценна, цены на продукты сельского хозяйства слишком низки, а на товары дороги», «раньше мука стоила 80 коп. за пуд, мануфактура 15-20 коп., сахар – 18 коп, а теперь все втридорога»; за несовершенство налогов: «раньше платили налоги не более 3-5 руб., а теперь при Советской власти по 30-40 руб., в общем дерут за все, только не берут за куриц»; за злоупотребления властью со стороны коммунистов: «рабочие в городе все коммунисты, у власти тоже стоят коммунисты, а поэтому крестьянству неоткуда ждать улучшений, ибо коммунисты стараются только для себя».¹ В первом случае возможная причина горячей поддержки НЭПа – психологическая легитимность Советов, которую обеспечила победа в гражданской войне.² Сила второго – в живучести принципов «военного коммунизма» в сознании крестьян.

Несомненно, в эти годы прослеживаются определенные позитивные тенденции в социально-психологической эволюции основных масс крестьянства. Существенные перемены намечаются в структуре общественных интересов и потребностей сельского населения. В той или иной мере ослабевает традиционная крестьянская ограниченность, усиливается восприимчивость к новому, расширяется общественный кругозор крестьянства, растет его стремление к активному участию в общественной жизни.

Выделяя положительные тенденции социально-психологической эволюции, неправомерно в то же время абсолютизировать и упрощать их. Следует, прежде всего, иметь в виду относительно медленные темпы прогрессивных перемен и их нередко противоречивый характер. Одним из наиболее заметных и чреватых последствиями сдвигов было определенное усиление в сознании сельского населения уравнилельных тенденций.

Можно сказать, что после революции, в 20-е годы массовому крестьянскому сознанию были присущи заметные эгалитарные тенденции, имевшие преимущественно оттенок умеренного уравнилельства. При этом эгалитарные устремления были ориентированы главным

образом на городское население. Причиной данного обстоятельства было, прежде всего, резкое расхождение между налогообложением городского и сельского населения. Так, например, в 1926 г. Очень резким было расхождение между обложением городского и сельского населения. В то время как в городе самым низким необлагаемым минимумом был установлен доход в 500 руб., в деревне хозяйство, имеющее такой доход, облагалось как зажиточное. Так, например, в Нельхайском хошуне Аларского аймака среднее хозяйство имело 370 руб. облагаемого дохода, уплачивая при этом 34 руб. 20 коп. налога (9,24 %). В г. Верхнеудинске хозяйство с доходом в 370 руб. освобождалось от подоходного налога по необлагаемому минимуму, а налог в 34 руб. платило хозяйство, имеющее 1240 руб. дохода.³

Сельское население на вопрос о «поддержке НЭПа» в конце 20-х годов ответило бы, наверное, по-разному. 35% крестьян, освобожденных от уплаты сельхозналога, пользовавшихся льготами и классовыми гарантиями, обеспеченные государственным вмешательством, естественно поддерживали власть, которая пошла на свертывание рыночных отношений. Казалось, что крестьяне были привязаны к НЭПу через кооперативы, но за «массовым развитием этих форм в 1925-1927 годах руководители кооперации видели ее «огосударствление».⁴ Опору НЭПу могли дать только те, кто был связан со стихией частного рынка. Но их число было невелико. НЭП для крестьянина означал налоги, известные заранее, привилегии, но никак не кооперацию, не возрождение сельского хозяйства в целом. Ему общее развитие было безразлично. Он был заинтересован в возрождении и укреплении своего собственного хозяйства, что означало возможность поставки на рынок продуктов своего труда и приобретения товаров, необходимых для семьи и хозяйства.⁵ Крестьяне действительно стали социальной базой НЭПа, однако эта поддержка особенно активной была лишь в первое время. Энтузиазм первых революционных лет сменился всеобщей усталостью и апатией.

Последующие 30-е годы характеризуются предельной политизацией, огосударствлением общественной жизни. Под влиянием массового террора, унесшего значительную часть наиболее активного и грамотного населения, в условиях беззакония и страха была значительно подорвана инициатива крестьянства. Как показывают исследования последних лет, в утверждении сталинизма немалую роль сыграла и психология масс, где авторитаризм нашел благодатную почву.

Примечания.

¹ НАРБ, ф. 1, оп. 1, д. 1194, л. 30, 31.

² Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. – С. 143.

³ НАРБ, ф. 753, оп. 1, д. 378, л. 17, 18.

⁴ Бордюгов Г., Козлов В. История 20 – 30-х годов и современная общественная мысль // Правда. - 1988. - 30 сентября.

⁵ Льюис Э. Введение новых форм экономических отношений в Саратовской губернии (1921 – 1923 гг.) // История России: диалог российских и американских историков. – Саратов, 1994. – С. 117.

М.М. Боронова

Проблемы развития транспортной системы Бурятии в 1960-1990 гг.

Важнейшей частью народнохозяйственного комплекса является транспортная система. Транспорт не только обеспечивает условия для нормального функционирования экономики, но оказывает активное воздействие на размещение производства, влияет на миграционные процессы, определяет степень комфортности проживания населения на территории.

Транспортная система Бурятии включает в себя железнодорожный, автомобильный, водный и воздушный виды транспорта. В ходе исторического развития транспортная сеть республики претерпела значительные изменения.

До начала XX в. основную роль в обслуживании хозяйства и населения края играл гужевой и водный виды транспорта. Особенности географического положения региона, находящегося на границе между Сибирью и Дальним Востоком, Россией и странами Центральной и Восточной Азии, определили транзитный характер формирования транспортной системы. Через территорию Забайкалья проходили основные магистральные пути, соединявшие центр России с Дальним Востоком, а также с Монголией и Китаем. Именно на этих путях стали появляться торгово-ремесленные, а позднее и промышленные поселения.

Основными торгово-транзитными путями, по которым осуществлялись грузоперевозки, были Московский, Кяхтинский, Тункинский гужевые тракты, а также путь по р. Селенге, оз. Байкал, р. Ангаре, р.Енисею - в европейскую часть России.

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали стало новым этапом в экономическом освоении региона. Железная

дорога, протяженностью около 7 тыс. км., связала европейскую часть России с ее отдаленными и практически неосвоенными в тот период восточными районами. Это позволило не только значительно сократить время передвижения из Москвы до Владивостока, но и создать предпосылки для дальнейшего хозяйственного развития прилегающих к железной дороге территорий.

Однако крайне слабое хозяйственное развитие Забайкалья являлось причиной того, что довольно длительное время Транссибирская магистраль была убыточной и по интенсивности движения занимала последнее место среди железных дорог России.

Ситуация коренным образом изменилась в советский период. Ускоренные темпы индустриализации края вызвали быстрый рост грузоперевозок по железной дороге. В довоенный период в республике также возникли новые виды транспорта - автомобильный и воздушный.

После окончания Великой Отечественной войны и восстановления народного хозяйства начинается новый этап в развитии транспортной системы Бурятии. Дальнейшее развитие получила производственная база транспортного хозяйства, расширилась сеть транспортных путей по территории, значительно повысился технический уровень всех видов транспорта. В результате улучшились условия транспортного обслуживания населения и народного хозяйства Бурятии, возросла обеспеченность наземными путями сообщения круглогодичного действия (табл. 1). Анализ данных таблицы свидетельствует о том, что наиболее быстрыми темпами развивался автомобильный транспорт. Протяженность дорог с твердым покрытием за 1960-1990 гг. возросла в 3,8 раза. Почти в 2 раза увеличилась эксплуатационная длина железнодорожного полотна, при этом 77,5% железнодорожных путей в республике были переведены на электрическую тягу. Значительный рост протяженности железных дорог в 1970-1980-х годах был обусловлен строительством Байкало-Амурской магистрали.

Таблица 1*

Протяженность транспортных путей (на начало года, километров)

Показатели	1960г.	1970г.	1980г.	1990г.
Эксплуатационная длина железных дорог МПС в т.ч.	646	646	646	1200
Электрифицированных	-	164	386	930

Протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием	1518	2838	4960	5760
Внутренние водные судоходные пути	2150	2209	2390	1684

* Таблица составлена по данным: Народное хозяйство Бурятской АССР в девятой пятилетке - Улан-Удэ, 1976 -С.129; Республика Бурятия. 75 лет. Статсборник. Юбилейный выпуск - Улан-Удэ, 1998. -С 253.

Развитие автомобильного и железнодорожного транспорта привело к снижению удельного веса водного транспорта в общем объеме перевозок. Протяженность эксплуатировавшихся водных путей, как видно из таблицы 1, за 1960-1990 гг. сократилась на 22%. Однако несмотря на значительные позитивные сдвиги, в работе транспортной системы региона сохранялось немало «узких» мест, что в целом негативно отражалось на деятельности народного хозяйства.

Известно, что в силу исторически сложившихся обстоятельств плотность путей сообщения в восточных районах значительно ниже, чем в европейской части страны. По уровню обеспеченности дорожной сетью Бурятия, как и другие районы Сибири, отстает от среднероссийских показателей. На 1000 км территории Бурятии приходилось в 1990 г. 3,33 км железнодорожного полотна, 16,2 км автомобильных дорог. По Российской Федерации эти показатели были в среднем равны 5,1 км² и 23,1 км.² Слабая транспортная освоенность территории сдерживала экономическое развитие региона. Однако среди областей и республик Восточной Сибири Бурятия относилась к территориям со средним уровнем развития транспортной сети. По обеспеченности железнодорожными путями на 1000 км² республика близка к уровню Иркутской области, опережая Красноярский край, а по плотности автомобильных дорог она уступала лишь Читинской области.¹

Следует отметить, что в условиях Сибири транспорт является ключевым фактором развития экономики, особенно в районах пионерного освоения. Обширность территории, экстремальность природно-климатических условий, очаговый характер промышленного производства, интенсивное освоение природных ресурсов существенно повышали роль транспорта в развитии производительных сил. Объем затрат на транспортировку грузов здесь значительно выше, чем по стране в целом.

Характерной чертой транспортно-экономических связей Бурятии, как и всего Забайкалья, являлось превышение ввоза над вывозом. Это было обусловлено спецификой развития промышленного производства в регионе, ориентированного в основном на внешнего потребителя, а также высокой степенью участия республики в межрайонном разделении труда.

Из Бурятии вывозились лес и лесоматериалы, цемент, стекло листовое, продукция машиностроения, легкой и пищевой промышленности, в производстве которых республика занимала видное место в Восточной Сибири. Из ввозившихся грузов следует отметить каменный уголь, нефтепродукты, черные металлы, строительные материалы, одежду, трикотаж, разное оборудование, станки, технику, т.е. те товары, производство которых либо отсутствовало на территории самой республики, либо не могло удовлетворить всех потребностей народного хозяйства и населения.

Особенностью транспортной системы Бурятии являлась ее неравномерная рассредоточенность по территории. Наибольшей плотностью путей сообщения отличались центральные и южные районы республики, где располагалась промышленность и проживала большая часть населения.

Важными грузообразующими и грузопоглощающими центрами, вокруг которых наблюдалась концентрация производительных сил, являлись г. Улан-Удэ, Гусиноозерск, Кяхта и Закаменск. Среди них ключевые позиции занимал г. Улан-Удэ, где выпускалось почти 80% промышленной продукции и проживала треть населения республики. Столица Бурятии являлась также крупной транзитной базой для товаров, ввозившихся из других регионов страны. Поступавшие грузы сосредотачивались в основном на товарных базах г. Улан-Удэ, откуда затем переправлялись в районы республики.

Для Бурятии, как и для других регионов Сибири и Дальнего Востока, развитие транспортных коммуникаций - это решение проблемы хозяйственного освоения территории. Стержнем транспортной системы республики, к которому сходились все пути, служила Транссибирская железнодорожная магистраль. Районы, прилегавшие к Транссибу, являлись экономически наиболее развитыми территориями республики. По мере удаления от этой главной железнодорожной магистрали степень хозяйственного освоения территории снижалась.

Наименее развитыми в транспортном отношении являлись север Бурятии и район Восточных Саян. Длительное время Баунтовский,

Северобайкальский и Окинский районы не имели наземных путей сообщения круглогодичного действия.

Строительство БАМа коренным образом изменило транспортную ситуацию в северных районах Бурятии. Однако их возросший транспортный потенциал используется пока крайне слабо. В 1960-1990 гг. в развитии транспортной системы Бурятии наблюдались определенные структурные изменения (табл. 2).

Таблица 2*

Транспорт Бурятии

Показатели	1960 г.	1990 г.
Перевезено грузов транспортом общего пользования (тыс. тонн) всего	39253	161624
в том числе:		
железнодорожным	6873	12873
автомобильным (включая все отрасли экономики)	31588	145722
внутренним водным	792	2917
воздушным	7563	12000
Перевезено пассажиров транспортом общего пользования (тыс. чел) всего	27680	180549
в том числе:		
железнодорожным	1173	5450
автобусным	26463	132232
трамвайным	-	41983
внутренним водным	44	42
воздушным	69,4	860

* Таблица составлена по данным: Бурятская АССР в цифрах. 1923-1973 гг. - Улан-Удэ, 1973. -С.128; Республика Бурятия. 75 лет. Статсборник. Юбилейный выпуск - Улан-Удэ, 1998. -С.253.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что объем перевозок грузов в республике за 30 лет увеличился примерно в 4 раза, а пассажироперевозок - в 6,5 раз. При этом наиболее быстрыми темпами увеличивалась транспортировка грузов автомобилями. Если в 1960 г. 80% грузов в Бурятии перевозилось автотранспортными предприятиями, то в 1990 г. этот показатель достиг 90%. Одновременно наметилась тенденция сокращения удельного веса других видов транспорта в грузоперевозках по республике.

Иная картина наблюдалась в перевозке пассажиров. Здесь наиболее быстро возрастала роль воздушного транспорта. В 1990 г. по сравнению с 1960 г. перевозка пассажиров на воздушных судах увеличилась в 12,5 раз. Вместе с тем проявилась тенденция сокращения

доли других видов транспорта в осуществлении пассажироперевозок, хотя основная масса пассажиров по-прежнему перевозилась наземными видами транспорта.

Несмотря на вышеуказанные тенденции, ведущая роль в обслуживании народного хозяйства Бурятии сохранялась за железнодорожным транспортом. Его роль в грузообороте особенно высока вследствие отсутствия в республике трубопроводного и морского транспорта. По железной дороге осуществлялись почти все внешние и часть внутренних перевозок. Особенности географического положения Бурятии, как уже отмечалось, обуславливали большой объем транзитных перевозок.

Наряду с железной дорогой ведущее место в обслуживании народного хозяйства Бурятии занимал автомобильный транспорт. В отличие от железнодорожного, обеспечивавшего, главным образом, внешние экономические связи, автотранспорт осуществлял основной объем внутриреспубликанских перевозок. Доля грузоперевозок, выполнявшихся автотранспортными предприятиями, постоянно увеличивалась. В 1990 г. ими было перевезено 90% всех грузов и 73,2% пассажиров в республике.²

Высокий удельный вес автомобильного транспорта в обслуживании народного хозяйства и населения Бурятии был обусловлен недостаточной развитостью по территории республики сети железных дорог, в связи с чем перевозки даже на дальние расстояния осуществлялись на автомашинах. Так, в отдаленные районы Бурятии народнохозяйственные грузы приходилось доставлять на расстояние 300-500 км, что, безусловно, повышало транспортные издержки.

По уровню обеспеченности автомобильными дорогами с твердым покрытием Бурятия в Восточной Сибири занимала второе место, уступая лишь Читинской области. Вместе с тем нужно отметить, что достигнутый уровень существенно уступал среднефедеративному показателю. Так, если на конец 1989 г. в среднем по России на каждую 1000 км² приходилось 23,1 км автодорог с твердым покрытием, то в Бурятии данный показатель составлял лишь 16,2 км.³

Отставание в развитии автодорожной сети, особенно в сельской местности, негативным образом отражалось на работе не только автотранспортных предприятий, но и всего народного хозяйства республики. Так, в районах с низким удельным весом качественных дорог (Баунтовском, Северобайкальском) транспортные издержки при перевозке народнохозяйственных грузов и пассажиров были в два

раза выше, чем в районах с более благоприятными транспортными условиями.

Наряду с железнодорожным и автомобильным транспортом все возрастающую роль в обслуживании народного хозяйства и населения Бурятии играла авиация. Воздушный транспорт становится наиболее динамично развивающимся видом транспорта в республике. За 1960-1990 гг. его грузооборот увеличился в 3,2 раза.⁴

Обширность территории, отсутствие во многих районах Бурятии железнодорожных путей, недостаточная развитость сети автомобильных дорог определяли важную роль воздушного транспорта. Для отдаленных, труднодоступных районов он был единственным надежным видом транспорта круглогодичного действия.

Территорию Бурятии обслуживало Улан-Удэнское объединенное авиапредприятие Восточно-Сибирского управления гражданской авиации. В 1960-1980-х гг. коллектив авиапредприятия провел большую работу по укреплению производственно-технической базы, развитию местных воздушных линий, повышению культуры обслуживания пассажиров и грузоклиентуры. Были подготовлены высококвалифицированные кадры авиаторов.

Стремительное развитие авиационной техники, открытие прямых воздушных линий со многими городами страны способствовали росту удельного веса воздушного транспорта в перевозке пассажиров на дальние расстояния. Если в 1960-х гг. значительная часть пассажиров дальнего следования выезжала из г. Улан-Удэ по железной дороге, то в 1970-х гг. большая часть таких пассажиров предпочитала воздушный транспорт.⁵

Одновременно с дальними перевозками развивались местные воздушные линии. Были построены аэропорты в Нижнеангарске, Багдарине, Северомуйске, Сосновоозерске, Закаменске, Кырене. В г. Улан-Удэ в начале 1980-х гг. появился современный аэровокзал с пропускной способностью 400 пассажиров в час. Однако дальнейшее развитие воздушного транспорта в Бурятии сдерживалось отставанием служб наземного обеспечения. Уровень развития аэродромной сети, комплексов навигационных сооружений, качество взлетно-посадочных полос не отвечали современным требованиям. Только в г. Улан-Удэ и в пос. Нижнеангарск аэропорты имели искусственное покрытие взлетно-посадочной полосы, что позволяло принимать большегрузные самолеты. Грунтовые взлетно-посадочные полосы на местных воздушных линиях из-за дождей и распутицы в осенне-весенний

период размокали. вследствие чего нарушалась регулярность полетов.

Дальнейшее совершенствование работы воздушного транспорта, переход на эксплуатацию более комфортабельных и технически совершенных летательных машин настоятельно требуют опережающего развития системы наземного обслуживания аэродромов. Это позволило бы значительно повысить ресурсы авиационного транспорта, расширить его участие в развитии производительных сил региона.

Транспортную сеть республики дополняли водные пути. Основными водными магистралями являлись р. Селенга, Чикой, Баргузин, Верхняя Ангара и оз. Байкал. Однако в отличие от других видов транспорта степень их народнохозяйственного использования в послевоенный период уменьшилась. Будучи в свое время пионерным видом транспорта, они постепенно стали терять свою ведущую роль в обслуживании народного хозяйства. Этому способствовало не только развитие других, более мобильных видов транспорта, но и факторы экономического и экологического характера, особенно в бассейне оз. Байкал.

Несмотря на то, что густота водных путей в Бурятии значительно выше, чем в среднем по России и по Восточной Сибири, условия судоходства на них затруднены. Реки Бурятии относятся к категории малых рек, они мелководны и имеют быстрое течение. В связи с этим требовались дополнительные затраты на обеспечение условий судоходства по ним. Поэтому себестоимость перевозок на речном транспорте в республике была выше, чем в среднем по Российской Федерации. К этому следует добавить, что проведение дноуглубительных работ, расширение узких мест для прохода судов и другие мероприятия нередко были чреваты негативными экологическими последствиями, т.к. нарушали сложившееся равновесие в природе.

Навигационные условия оз. Байкал приближаются к морским. Из-за сильных ветров и высоких волн речные суда не пригодны для судоходства на Байкале. В связи с этим сквозное плавание река-озеро затруднено. В целом объем перевозок по оз. Байкал, несмотря на некоторый рост в годы строительства БАМа, оставался незначительным. Это было обусловлено не только сложными навигационными условиями судоходства, но и низким уровнем хозяйственного освоения северных территорий республики, прилегающих к оз. Байкал. Южное же побережье оз. Байкал довольно хорошо обеспечено наземными видами транспорта.

Таким образом, в рассматриваемый период водный транспорт за-

нимал скромное место в обслуживании народного хозяйства Бурятии. В общем объеме грузоперевозок в конце 1980-х гг. он составлял лишь 1,2%.⁶ Речники Бурятии обеспечивали перевозку пассажиров и грузов в глубинные районы республики, где не было железной дороги и не получили широкого развития другие виды транспорта.

Основным видом грузовых перевозок по водным путям республики в 1960-1970-х гг. являлась транспортировка леса. Однако после прекращения сплава леса в плотках и в «сигарах» по оз. Байкал главное место в структуре перевозок заняли строительные материалы, в основном песчано-гравийная смесь, добывавшаяся из русловых месторождений.

Благодаря качественному улучшению и пополнению флота, реконструкции берегового хозяйства речники Бурятии добивались последовательного роста грузоперевозок. Так, если в 1960 г. по водным путям было переправлено 792,3 тыс. тонн народнохозяйственных грузов, то в 1990 г. - 2917,4 тыс. тонн, т.е. в 3,6 раза больше.⁷

Однако уровень мобильности и эффективности водного транспорта в республике оставался невысоким. Речные суда использовались в основном в одностороннем порядке, что приводило к росту себестоимости перевозок. Эта проблема была актуальна не только для водного, но и для автомобильного транспорта. Несмотря на то, что себестоимость перевозок по водным путям ниже, чем по автомобильным дорогам, водный транспорт не мог конкурировать с автомобильным в обслуживании народного хозяйства. Его низкая конкурентоспособность была обусловлена естественно-географическими, экономическими и экологическими факторами.

Таким образом, анализ развития транспортной системы Бурятии в 1960-1990 гг. позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего следует отметить, что в эти годы произошли количественные и качественные перемены в системе транспортного хозяйства республики. Транспортный потенциал Бурятии значительно возрос. Расширилась сеть автомобильных дорог, быстрыми темпами развивалась авиация, несколько улучшилось использование водных путей, большие изменения претерпел железнодорожный транспорт.

Наиболее важным событием транспортного строительства стало сооружение Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, которая создавала предпосылки для хозяйственного освоения Севера Бурятии.

В целом транспортная система республики обеспечивала потребности народного хозяйства и населения в перевозках. Однако уровень транспортных услуг отставал от современных требований и не отве-

чал задачам ускоренного роста производительных сил региона. Ведущей тенденцией в развитии транспорта Бурятии в рассматриваемые годы был количественный рост подвижного состава, за счет чего в основном и обеспечивалось увеличение объема перевозок.

Отставание инфраструктуры транспортного хозяйства приводило к серьезным противоречиям в работе транспортных организаций и негативно отражалось на функционировании всей транспортной системы региона. В результате наметилась тенденция роста транспортных издержек в народном хозяйстве республики.

Одной из основных причин недостаточно эффективной работы транспортных организаций являлась слабая координация деятельности различных видов транспорта. Отсутствие единого органа управления транспортными перевозками в пределах республики приводило к недостаточно полному использованию подвижного состава и сохранению нерациональных перевозок. В итоге это негативно отражалось на эффективности общественного производства в регионе.

Особенностью транспортной системы Бурятии являлся ее высокий потенциал при обеспечении транзитных перевозок. Однако транспортная ситуация в самой республике была иной. Наибольшей плотностью транспортных путей отличались экономически развитые и густонаселенные южные и центральные районы Бурятии, тяготевшие к Транссибирской магистрали.

Вместе с тем отсутствие удобных транспортных путей сдерживало рост производительных сил отдаленных районов республики, приводило к их хозяйственной изоляции. Поэтому перспективы экономического подъема этих отдаленных территорий обуславливают необходимость опережающего строительства транспортных коммуникаций, которые должны соединить их с базовыми районами республики.

Таким образом, существующая транспортная сеть пока еще не отвечает требованиям эффективного развития производства, не обеспечивает комплексного освоения территории и не способствует усилению внутренних экономических связей.

Дальнейшее развитие производительных сил Бурятии требует не только опережающего строительства коммуникаций на неосвоенных территориях, но и в значительной степени совершенствования транспортной сети в промежутке между Транссибом и БАМом. Транспортное освоение обширных территорий между этими двумя широтными магистралями должно обеспечить условия для дальнейшего подъема производительных сил в регионе.

Примечания.

1. Раднаев Б.Л. Транспорт Востока России в новой социально-экономической и геополитической ситуации – Н., 1996 – С.40.
2. Рассчитано по данным: Республика Бурятия. 75 лет. Статсборник. – Улан-Удэ, 1998 – С.253.
3. Сибирь и Дальний Восток: социальное развитие. – М., 2000 – С.163.
4. Рассчитано по данным: Бурятская АССР. Краткий статсборник... С.63; Народное хозяйство Бурятской АССР в XII пятилетке. – Ч.2. - С.223.
5. Раднаев Б.Л. Транспорт Бурятии. Проблемы развития и размещения. Н., 1979. – С.26.
6. Он же. Мобильность транспортной системы региона. – Н., 1991 – С.115.
7. Республика Бурятия. 75 лет. Статсборник... - С.255.

Т.Е. Санжиева

Завершение строительства Бурятского участка БАМа

Строительство Байкало-Амурской магистрали становится историей. Грандиозная стройка, действительно ставшая стройкой века по своим масштабам: вложенным средствам, количеству вовлеченных людей, использованию техники, материалов и конструкций и т.д. С укладкой «золотого звена» в 1985 г. Байкало-Амурская магистраль стала единым целым на всем протяжении. Но с укладкой рельсов работа на БАМе не прекратилась, необходимо было сдать ее в постоянную эксплуатацию. Основной задачей двенадцатой пятилетки (1985-1990) стала сдача пускового комплекса. В частности тресту Нижнеангарсктрансстрой (НАТС) предстояло ввести в 1987 г. пусковой комплекс до ст. Уоян (179 км), в 1988 г. – до Ангаракана (101 км), в 1989 г. – до Витима (188 км).

В 1986 г. строителями были введены в эксплуатацию железнодорожная линия Байкальский тоннель – Северобайкальск с электрификацией, автоблокировкой, электрической централизацией, с Байкальским тоннелем, общей протяженностью железнодорожного пути в 56,8 км, локомотивное депо на 250 ремонтов в год, 5 км станционных путей, уложен второй путь обхода Северомуйского хребта с 40-процентным уклоном в 26 км и другие объекты. Однако не все из запланированного на пусковом участке строители выполнили. Так, коллективы строительно-монтажного поезда (СМП) – 607,597,651 в течение года не приступили к работе на разъездах Дзелинда, Кирон, Огдында, Анамакит. На строительстве противообвальных галерей в

районе мысовых тоннелей не выполнили целевые задачи СМП-708, 581, Мостоотряд (МО)-52. Подразделения треста НАТС допустили удорожание стоимости строительно-монтажных работ (СМР) на 7,12%.¹ Все это стало причиной неритмичной работы в начале 1987 г. Коллективы, занятые на открытой трассе Северо-Муйского хребта, должны были освоить 16 млн. рублей, к началу 1987 г. они недоосвоили 4,5 млн. руб. Летом 1986 г. на объекте работала всего одна мехколонна (МК) % 161, затем сюда прибыли еще шесть коллективов.²

Пусковой комплекс 1987 г. Северобайкальск-Уоян содержал около 740 больших и малых объектов, в него входили четыре мысовых тоннеля, электрификация пути, станции Нижнеангарск-2, Кичера, Ангоя и Уоян, три школы, три детских сада, 99 мостов, в том числе один из самых крупных на БАМе через реку Верхняя Ангара, тяговые подстанции, природоохранные и другие объекты.

В начале года на сдаточном участке темпы работы были замедлены: Нижнеангарская группа заказчика Дирекции строительства БАМ и генподрядчик трест НАТС не открыли финансирование строительства объектов. Низкий уровень организации производства работ, особенно по электрификации, наблюдался в коллективах СМП-608, 572. Многие объекты не были укомплектованы трудовыми, материальными и техническими ресурсами. В результате план двух кварталов не был выполнен: не были сданы под монтаж оборудования посты электрической централизации на разъездах Агней, Дзелинда, Кирон, Анамакит, Ангоя и т. д.³ В этой связи 12 июля 1987 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по дальнейшему строительству Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и обеспечения ввода в постоянную эксплуатацию участка Нижнеангарск-1-Уоян в 1987 г.», в котором были даны рекомендации по ускорению строительства.⁴

В начале второго полугодия 1987 г. положение на пусковом комплексе стало исправляться. На сдаточных объектах стали проводиться конкурсы профессионального мастерства. Первый конкурс был проведен в Кичере, в нем участвовало 28 человек. В ходе конкурса были произведены отделочные работы на стенах площадью в 1860 кв. м, оштукатурено свыше 500 кв. м потолков. В итоге пожарное дело в Кичере, отделочные работы которого могли занять месяц-полтора, было сдано за четыре дня. Первое место в конкурсе штукатуров-маляров заняло звено из СМП-669 в составе Л.Н.Сардановой и

Е.Н.Брижановой.⁴ Второй конкурс был проведен на разъезде Анамакит. Одиннадцать участников объединились в пять звеньев и за три дня покрасили 967 кв. м внутренней поверхности здания, 300 кв. м фасада, 238 кв м потолков, 62 кв м оконных и дверных проемов. Средняя производительность труда составила 150-160%. Победителями конкурса стали М.М.Антонова (СМП-575), М.В.Билукова, Л.Ф.Копылова (ЖКО), второе место заняли сразу два звена: В.И. Перебигаило и Т.А.Романенко (СМП-581) и Л.Н.Себровская и Л.Н.Пансва (СМП-608).⁵

Станцию Кичера строили шефы из Эстонии, а Уоян – из Литвы. На помощь строителям СМП «Таллинстрой» прибыли специалисты из Нарвы, Тарту, Пярну и Кохтла-Ярве. В летние каникулы в Кичере работал студенческий отряд «Эстстудбамдизайн» из Таллинского художественного института. Будущие дизайнеры оформили внутренний интерьер школы на 192 учащихся и вокзала.

Шефы из Литвы возводили поселок железнодорожников и ряд производственных объектов станции Новый Уоян. Детский сад на 280 мест, общеобразовательная школа на 64 учащихся, общежитие железнодорожников на 120 мест, очистные сооружения, инженерные сети, две трансформаторные станции, пост электрической централизации при железнодорожном вокзале вошли в состав пускового комплекса. Большая часть строительного материала в Уоян поступало из Литвы. За семь лет участия в строительстве БАМа коллектив СМП «Литвабамстрой» создал свою строительную базу, в составе которой имелся бетонный узел, арматурный и столярный цехи и другие объекты. В октябре 1987 г. станция Новый Уоян начала работать в режиме постоянной эксплуатации.⁶

На сдаточный комплекс были переведены новые коллективы строителей. Так, из п. Магистральный передислоцировалась МК-131, со вторых путей Тайшет-Лена – МК-162. На открытой трассе Северомуйского хребта в 1987 г. работали 14 мехколонн, 7 мостоотрядов, 3 спецупрвления взрывников.

Неплохо трудились механизаторы. Коллектив МК-138 завершил все работы на пусковом комплексе. Так, комплексная бригада В.С.Кретнева сдала 32 км отделанного земполотна. Кроме этого коллектив завершил устройство конусов на 15 мостах. Особенно отличился здесь электросварщик Н.Е. Зайцев. А участок №4 МК-135 завершил программу двух лет пятилетки в канун Дня строителя. Успех выполнения программы определил коллектив комплексной бри-

гады А.Д. Гусельникова.

К 15 октября весь коллектив МК-137 выполнил план двух лет пятилетки. При плане 8095 тыс. ими освоено 8202 тыс. руб. Победитель районного социалистического соревнования коллектив СПМ-581 соорудил четыре противообвальные галереи, уложил и забалластировал путь в четырех мысовых тоннелях, установил 1,5 тыс. опор контактной сети и энергоснабжения. Выполненный объем работ составил 30 млн. руб. Более одного миллиона рублей прибыли получил строительно-монтажный поезд. Средняя производительность труда составила 132,5 %. Передовой коллектив выполнил план 1987 г. к 1 ноября, а задание двух лет к 70 – летию Октябрьской революции.

С опережением графика шла электрификация главного пути. На разъезде Ангоя была установлена тысячная опора контактной сети. Бригада, устанавливающая опоры, посвятила свою победу XX съезду ВЛКСМ. На митинге по случаю установки тысячной опоры комсомольско-молодежная бригада Н. Старкова из СМП-651 выступила с инициативой сдать перегон Ангоя – Анамакит в день открытия съезда, а двухтысячную опору установить к 70-летию Октябрьской революции. Опережения графика бригада добилась за счет того, что вместо 15 опор по норме они устанавливали 27 опор в смену.⁷ Свою первую опору бригада поставила в 1984 г. на Даване. Всего к июню 1987 г. бригада Н. Старкова установила 4 тыс. опор, и ей предстоит поставить еще 8 тыс. Мастерство бригады росло, если в первую тысячу опор коллектив ставил одиннадцать месяцев, то вторую тысячу – три с половиной месяца.⁸ К концу первого полугодия в 1987 г. все опоры необходимые для электрификации пускового участка Северобайкальск–Уоян были установлены.

Бригада Н. Старкова стала специализированной по установке опор и жестких поперечин. Коллектив заключил с администрацией треста договор на электрификацию всего Бурятского участка БАМа. На митинге, посвященном установке двухтысячной опоры группкомсорг бригады Н. Дубко от имени коллектива СМП-561 дал обещание установить трехтысячную опору к 70-летию Октябрьской революции.

На пусковом комплексе за месяц до сдачи участка в постоянную эксплуатацию были созданы рабочие комиссии по приемке объектов. Их цель – дать оценку сделанному и выявить недостатки, а главное – сконцентрировать на них внимание исполнителей.

Для оперативного руководства строительством пускового комплекса был организован хозяйственный совет при тресте НАТС. В

него вошли передовые рабочие, бригадиры, руководители подразделений и отделов, представители общественных организации. За период сдачи пускового комплекса Северобайкальск – Уоян, хозяйственный совет провел пять заседаний. Последнее заседание было посвящено определению победителей соревнования; на котором первое место присуждено коллективу СМП-581, второе – СМП-708, третье – СМП-572.

Согласно графику работ на пусковом комплексе 29 сентября было подано напряжение в контактную сеть. А 30 сентября со станции Северобайкальск в сторону Уояна отправился первый электровоз. Поезд с шестью пассажирскими вагонами вели машинист электровоза В.Филиппов и помощник машиниста Н.Лазоренко. Первый поезд прибыл на ст. Уоян без обычных торжественных встреч. На борту поезда были только члены государственной комиссии.

Пусковой комплекс был сдан в срок 30 сентября 1987 г. Успешно справился со своей задачей СМП-656, обеспечив установку опор контактной сети на всем участке железнодорожного перегона Нижнеангарск–Уоян. СМП-581 выполнил укладку 10 км участка мысовых тоннелей и с отличным качеством подготовил к сдаче два перегона и разъезд Холодный. Коллектив СМП-608 сдал перегон Кичера-Дзелинда и объекты ст. Кичера. Коллектив СМП-607 ввел в эксплуатацию 5 постов ЭЦ и водозабор на станции Уоян. СМП-572 обеспечил ввод котельной и ряд других крупных объектов на станции Уоян, коллектив СМП-708 - дом отдыха локомотивных бригад, пункт контрольно-технического осмотра вагонов, гараж на четыре дрезины на станции Уоян. Обеспечил сдачу двух разъездов и два сложных перегона Кирон, Анамакит коллектив СМП-670. ЭМП-705 треста «Трансэлектромонтаж» в короткий срок смонтировал две тяговые подстанции, два поста санкционирования. Водрем-82 выполнил сантехнические работы на объектах Уояна, Кичеры.

Строители сумели за короткий срок наверстать упущенное и выполнить целевую задачу. Так, за последние 22 рабочих дня на строительстве пускового комплекса было освоено 29 млн. руб., т.е. более чем по одному миллиону в день.⁹ Таких темпов на БАМе не было даже в дни самого высокого трудового энтузиазма. Теперь трудовой энтузиазм был подкреплен прочным экономическим фундаментом. Благодаря коллективному подряду, полному хозяйственному расчету, когда строители почувствовали прямую заинтересованность в безусловном достижении конечного результата, стало возможным преодо-

ление отставания.

Целевая задача 1987 года – сдать пусковой комплекс Северобайкальск–Уоян в третьем квартале была выполнена. Государственная комиссия приняла перегон, при этом было отмечено, что впервые в тресте НАТС и второй раз в Главбамстрое электровоз прошел без помощи тепловоза весь сдаваемый участок пути. Многие объекты пускового комплекса были сданы на два-три месяца раньше начала работы комиссии. Не было традиционных гарантийных писем об устранении недоделок. На пусковом участке еще до начала сентября были сданы школы, детские сады, жилье. Учитывая опыт прошлых лет, впервые в тресте НАТС при сдаче участка раздел «В» (объекты жилья, соцкультбыта) определил раздел «А» (промышленные объекты).

Впервые в истории треста НАТС планирование работ на будущий год началось не в декабре, а в начале сентября. Учитывая допущенные ошибки, связанные с неравномерным распределением объектов и по стоимости, и по сложности, на заседании совета были распределены объемы работ между подразделениями, а перед трудовыми коллективами была поставлена задача: сохранить темпы строительства на новых объектах.

13 февраля 1988 г. в Новом Уояне на собрании партийно- хозяйственного актива Северо-Байкальского района обсуждался ход выполнения Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему строительству Байкало-Амурской железнодорожной магистрали». Собрание определило задачи по обеспечению ввода в постоянную эксплуатацию участка Уоян-Ангаракан стоимостью более 10 млн. руб. на первое полугодие 1988 г. Для контроля за ходом выполнения целевой задачи года и координации действий всех организации был утвержден штаб по строительству пускового комплекса, председателем штаба был избран заместитель начальника Главбамстроя А.М. Солошин.¹⁰

Строители пускового комплекса обязались сдать участок к 28 июня, к открытию XIX Всесоюзной партконференции. Здесь предстоит построить четыре поста электроцентрализации и железнодорожный вокзал. К сооружению одного из них на станции Янчукан уже приступили шефы из Армении. Строителям СМП-708 предстоит построить пост ЭЦ на разъезде Чуро. Производственные постройки разъезда Гонкули будет возводить СМП-572, ст. Ангаракан – СМП-581.

Для наращивания мощностей СМП в четвертом квартале 1985 г. были введены в эксплуатацию механические мастерские мощностью

300 капитальных ремонтов в год. С вводом в эксплуатацию в третьем квартале 1986 г. цеха ЖБИ в СМП-575 трест НАТС получил свою строительную индустрию, что снизило зависимость от внешних поставщиков строительных конструкций, ускорило темпы строительства. В Уояне пущен комбинат промышленных предприятий /КПП/ мощностью 22 тыс. кубометров сборного железобетона в год. Предприятие полностью обеспечило потребность в железобетоне, пиломатериале и столярных изделиях. В 1987 г. собственные предприятия выдали строителям 40 тыс. кубометров железобетона, 600 тыс. кубометров щебня и 300 тыс. кубометров песка. Тогда как в 1986 г. заводы Главбамстроя и Главстройпрома поставили на Бурятский участок всего 20 тыс. кубометров железобетона.

В апреле 1986 г. на базе Управления механизации был создан участок малой механизации. В подразделениях треста НАТС имелись 1880 единиц различных средств малой механизации. Образование участка позволило наладить учет, обеспечить сохранность, повысить оплату средств малой механизации.

Основные строительные профессии были достаточно оснащены мехинструментами. На 138 бетонщиков приходилось 294 вибратора, на 483 рабочих пути – 1334 единиц мехинструментов. Однако доля ручного труда оставалась высокой. Например, при копке котлованов под опоры контактной сети доля ручного труда составляла 40%, хотя на рытье котлованов использовались котловано-копатели ВК-3, была разработана технология работ по рытью котлованов экскаваторами, получены две установки со специальным оборудованием. Особенно велика доля ручного труда в СМП-581, где вручную выполнены 7 тысяч кубометров работ, в СМП-651 – 1,2 тыс. кубометров. Низким был коэффициент сменности механизмов: в 1986 г. он составлял у экскаваторов 1,32, в 1987 г. – 1,35, бульдозеров соответственно 1,37 и 1,24, кранов гусеничных 1,52 и 1,31 и т. д.¹¹

В подразделениях, участвующих в строительстве пускового комплекса, внедрялись различные формы и методы труда. Бригадный подряд в транспортном строительстве был основным. В 1986 г. методом бригадного подряда в тресте НАТС работали 908 человек или 38 бригад. За год этим методом было выполнено 38,2% объема СМР при плане 50%.¹² Несмотря на невыполнение плана, качественные показатели работ были не плохие. Так, за выполнение работ в срок и с хорошим качеством коллектив СМП-572 был премирован 7,9 тыс. руб., СМП-575 – 7,9 тыс. руб., СМП-581 – 4,5 тыс. руб., СМП-597 –

6,3 тыс. руб. и т.д. За снижение плановых затрат была выплачена премия в размере 9,4 тыс. руб. Во всех бригадах, работающих методом бригадного подряда, премия распределялась по коэффициенту трудового участия (КТУ). В каждой из них работал совет бригады. Все объекты треста (локомотивное дело, контактная сеть до Уояна, автодорога Северобайкальск–Байкальское) были построены методом бригадного подряда.

В организации подрядного подряда были свои трудности. Так, например, бригады выполняли все производственные показатели, но затраты превышали плановые. Так, бригада А.П. Старкова выполнив обязательства подряда, премию не получила из-за затрат на ВК-3 для рытья котлованов под опоры контактной сети. Механизм не использовался из-за повышенной плотности грунта, но продолжал находиться в бригаде. Бригады А.Ф. Рапопорт, В.И. Фомина, Я.П. Трускалева, электрифицирующие перегон Северобайкальск– Нижнеангарск не выполнили план из-за несвоевременной поставки опор. Перебой в снабжении материалов, механизмов и т. д. затрудняли работу бригад. Для того, чтобы выполнить план подряда, иногда бригады переходили с одного объекта на другой.

Бригадный подряд имел ряд недостатков: показатели работы бригады мало влияли на работу подразделения в целом, специалисты не были заинтересованы во внедрении бригадного подряда, поскольку их зарплата не связана с результатами работы бригад. Кроме того, они дополнительно работали по инженерной подготовке объектов для подряда и учета, что делалось не всегда вовремя и качественно. Учитывая это, подразделения треста стали переводиться на коллективный подряд. Его основные цели – усилить экономическую заинтересованность всего персонала и каждого работника в отдельности в своевременном вводе мощностей и объектов, ускорить темпы роста производительности труда, повысить качество, снизить себестоимость, работать на конечный результат.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 августа 1986 г. «О мерах по совершенствованию хозяйственного механизма в строительстве» говорится: «...Обеспечить последовательный перевод строительно-монтажных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование. Положить в основу хозяйственной деятельности прибыль, как важнейший обобщающий экономический показатель, главный источник, обеспечивающий развитие строительных организаций и социальное развитие трудовых коллек-

тивов».¹³ Коренные изменения условий и методов хозяйствования должны были сочетать в деятельности предприятий плановые начала и полный хозрасчет, самостоятельность и ответственность.

В связи с переходом на коллективный подряд в тресте НАТС в июле 1986 г. был создан подотдел. Подотдел занимался организацией социальноразрешения между бригадами и подразделениями треста, а также вопросами повышения квалификации руководящих кадров, ИТР, контроля за внедрением подряда.

Строительные организации БАМА с 1 января 1987 г. начали постепенный переход на коллективный подряд. В трудовых коллективах была проведена углубленная подготовка к работе на полном хозрасчете. Первыми на полный хозрасчет перешли коллективы СМИ-708, 694 как наиболее подготовленные, со стабильными экономическими показателями и удовлетворительным финансовым положением подразделения.

К 1 апреля на хозрасчет перешли еще пять подразделений треста НАТС, остальные строительные организации были переведены с 1 мая, и с 1 июля на коллективный подряд перешли остальные девять, в основном вспомогательные подразделения.

Основательная подготовка к переходу на хозрасчет уже в первом полугодии 1987 г. дала положительные результаты. Впервые за много лет трест НАТС ликвидировал убыточность. Прибыль за первое полугодие 1987 г. получена в сумме 5,5 млн. руб., а за девять месяцев – более 10 млн. руб.¹⁴ Снизилось число подразделений, не выполняющих плановые задания.

На ударном перегоне Нижнеангарск-I – Уоян за 5 месяцев план СМР по объемам сдаточного комплекса был выполнен на 93,9 %, в том числе собственными силами на 106,0 %. По-прежнему не выполнили план ряд субподрядных организаций, например, СМП-Литбамстрой, трест Мостострой-9 и др.

В мае 1987 г. на ударный перегон прибыл начальник Главбамстроя Е.В. Басин. Совещание хозяйственных руководителей показало, что строители ориентированы в первую очередь на выполнение плановых объемов строймонтажа, а не на сдачу объектов.

На ударном перегоне Северобайкальск–Уоян были заняты 8 подразделений треста НАТС, 9 субподрядных организаций, 3 шефских. Всего около 790 чел. На ударном перегоне работали пять комсомольско-молодежных коллективов треста, состоящие из 228 чел. Из них молодежь до 30 лет составляла 197 человек.¹⁵

Социалистическое соревнование на пусковом комплексе проходило под девизом «От золотого звена – к золотой опоре». Согласно его условиям строители соревновались за досрочный ввод важнейших объектов пускового комплекса. Итоги соревнования подводились ежемесячно среди подразделений, участков, бригад, инженерно-технических работников и рабочих. Для комсомольско-молодежных коллективов комитет ВЛКСМ треста разработал условия соцсоревнования на переходящий Кубок объединенного комитета ВЛКСМ треста «Лучшему коллективу». Комсомольцы, показавшие наивысшую производительность труда, награждались бесплатными путевками в международные молодежные лагеря.

В целом для всех участников соревнования на объектах пускового комплекса предусматривались разнообразные формы материального и морального поощрения, в том числе два автомобиля «ГАЗ-24, Волга», три мотоцикла «Урал», денежные премии, памятные Красное Знамя, вымпела, бесплатные туристические путевки. Для работающих на трассе были созданы неплохие бытовые условия, в частности организована торговля автолавками, работали котлопункты, в некоторых бригадах имелись телевизоры, во всех бригадах были радиоприемники, поступали газеты и журналы.

По итогам соревнования на пусковом комплексе Северобайкальск-Уоян первое место с вручением Памятного Красного Знамени, Памятной грамоты треста и автомашины ГАЗ-24 «Волга» занял коллектив СМП-708. Второго места с вручением памятного вымпела, почетной грамоты треста и двух тяжелых мотоциклов был удостоен коллектив СМП-581. Третье место с вручением Почетной грамоты и мотоцикла «Урал» занял коллектив Управления механизации треста НАТС.

Опыт строительства БАМа показал, что в сложных физико-геологических условиях необходимо тщательное инженерное изучение и проектирование. В зоне БАМа только около 20% объектов были обеспечены научными и проектными разработками. Поэтому в ходе строительства возникали технические сложности, кроме того, ускоренные сроки строительства отчасти снижали его качество.

«Мы строим БАМ, БАМ строит нас» - один из основных лозунгов, который определял настроение строителей. Стройка по праву называлась Всесоюзной ударной комсомольской. Этот крупномасштабный проект был осуществлен главным образом силами молодежи. Свыше 70 тыс. человек участвовало в строительстве Бурятского

участка БАМА.

Строительство БАМа шло в нелегких условиях. На условиях труда строителей сказывались низкая температура, вечная мерзлота, осыпи, обвалы, оползни, мари, наледи и т.д. Энтузиазм молодежи, возможность заработать, причастность к большому нужному делу делали труд на БАМЕ привлекательным для них.

Примечания.

¹ Гекуший архив (ГА) треста Нижнеангарсктрансстрой (НАТС). Отчет по производственной деятельности за 1986 г., л.8.

² Там же, л. 10.

³ Северный Байкал. 1987. 18 июля.

⁴ Правда, 1987, 12 июля.

⁵ Северный Байкал. 1987, 15 сентября.

⁶ Северный Байкал. 1987, 26 сентября.

⁷ Правда Бурятии, 1987, 10 декабря.

⁸ Северный Байкал. 1987, 7 марта.

⁹ Северный Байкал. 1987, 13 июня.

¹⁰ Правда Бурятии. 1987. 25 ноября.

¹¹ Северный Байкал. 1988, 16 февраля.

¹² ГА треста Запбамстроймеханизация. Отчет по производственной деятельности за 1986, л.12. 1987 г., л.9.

¹³ ГА треста НАТС. Отчет.. за 1986, л.25.

¹⁴ Правда, 1986, 14 августа.

¹⁵ ГА треста НАТС. Отчет ... за 1987 г., л. 27.

Б.И. Крянев

Политическое лидерство в советской Бурятии

Для российской истории и особенно ее регионов одной из важных проблем общественного развития, особое место занимает тема политического лидерства. В современных условиях политическое лидерство является существенным элементом общественной жизни. Рассматривая его как феномен власти, необходимо исследовать его природу, механизмы функционирования и влияния на общество. Изучая и познавая проблему политического лидерства крайне важен ретроспективный взгляд в наше историческое прошлое. Наше недавнее прошлое, советский период требует особенно пристального внимания со стороны историков изучающих политическую историю общества.

Каждый период истории требует и нуждается в своих политических лидерах. В 20-30-е годы, когда устанавливается режим едино-

личной власти, наступает расцвет авторитарного лидерства, основанного на применении силы. С этого момента начинается новый этап развития политического лидерства. Центр не доверяет регионам, полоса массовых репрессий прокатилась по стране. Для укрепления своего влияния, ужесточения централистских тенденций в регионы направляются кадры прошедшие подготовку под контролем партийно-организационного отдела ЦК ВКП(б). После широкой полосы политических репрессий, получивших название «большой террор», в подборе, воспитании, расстановке политических кадров установились определенные критерии, которые предъявлялись руководителям политической элиты регионов. В Бурятии выдвигаются на руководящие посты новые политические лидеры, так называемые «ставленники Москвы».

От кандидатов на высокие посты номенклатура требовала опыта работы в разных регионах страны, приоритетными были определены такие признаки, как «политическая благонадежность», «классовое происхождение», «уровень революционного сознания», «верность вождю и партии», «непримиримость к буржуазному образу жизни». При оценке компетентности работников определяющим оказалось знание общих положений и установок, догматизировалось мышление, формировалось одностороннее единогласие. Особую значимость приобрели приспособленчество, безукоризненное подчинение вышестоящим органам и прямому начальнику, безумная исполнительность.

Находящиеся в Бурятии у власти политические лидеры соответствовали вышперечисленным требованиям. Наиболее яркими представителями политического лидерства административно-номенклатурной системы второй половины 30-х годов, являлись первые секретари Бурят-монгольского обкома ВКП(б) С.Д. Игнатьев и А.В. Кудрявцев. Эти представители центра соответствовали требованиям и нормам предъявляемые центральными партийно-правительственными органами страны. Однако, даже при таком жестком отборе, мы можем наблюдать что исполнение властных функций, употребление власти на местах можно исполнять по разному. Представленных два политических портрета, образно подтверждают мысль, как бы мы не определяли и не обобщали картину политического лидерства этого периода, на первый план выходят личностные качества, внутренняя интеллигентность, человеческий фактор.

Игнатьев Семен Денисович находился у кормила высшей власти в Бурятии более семи лет. Он родился 14 сентября 1904 года в дересв-

не Карловка Кировского района Одесской области Украинской ССР. В национальном архиве Республики Бурятия хранится личное дело С.Д. Игнатьева, заполненное им 1 октября 1938 года.¹ В разделе: Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу) дан послужной список С.Д. Игнатьева с октября 1914 года по октябрь 1938 года.

С марта 1918 года по январь 1920 года являлся учеником и подручным мастерских Бухарской железной дороги. В 1919 году вступил в ряды Коммунистического союза молодежи. С января 1920 года по август 1922 года являлся членом Амударьинского, а затем Бухарского обкомов Коммунистического союза молодежи. С декабря 1920 года по сентябрь 1921 года он работает помощником начальника милиции в городе Каган, а с сентября 1921 года по март 1922 года уже уполномоченным военного отдела Всебухарской Чрезвычайной Комиссии в городе Бухара. Далее его служебный путь пошел по общественной, комсомольской и профсоюзной линии. С июня 1923 года по май 1925 года С.Д. Игнатьев является представителем ЦК КСМ Туркестана в Среднеазиатском бюро ВЦСПС и Крайкомах Союзов металлистов и Горнорабочих. С мая 1925 года С.Д. Игнатьев на руководящей профсоюзной работе в Узбекистане и Киргизской ССР.

В июле 1927 года вступил в члены ВКП(б). С декабря 1929 года по август 1931 года С.Д. Игнатьев работает заведующим массовым отделом Среде азиатского бюро ВЦСПС в городе Ташкенте. В августе 1931 года Семен Денисович поступил на учебу во Всероссийскую промышленную Академию им. Сталина в городе Москве. В ноябре 1935 года окончил авиационный факультет Академии и получил специальность инженера-технолога организатора по самолетостроению.

Окончание Академии совпало с широкой чисткой в рядах правящей политической элиты страны и позволило молодому специалисту начать довольно успешно, свой должностной путь по служебной лестнице сталинской номенклатуры. По окончании Академии, с октября 1935 года по октябрь 1937 года он работает помощником заведующего промышленным отделом ЦК ВКП(б). В личном деле С.Д.Игнатьева хранится Удостоверение №11031 от 7 октября 1937 года. В Удостоверении указано, что Центральный Комитет ВКП(б) командировал Игнатьева Семена Денисовича в распоряжение Бурят-монгольского Обкома ВКП(б) для использования в должности первого секретаря обкома.

Таким образом, человек из центра становится во главе Бурятской

партийной организации. В январе 1938 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), который обсудил вопрос «Об ошибках парторганизации при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к определениям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков» и принял соответствующее постановление.

Выполняя указания ЦК ВКП(б), областная партийная организация принимает меры к росту своих рядов, и перестройке работы в соответствии с новыми условиями. Партийная организация усилила массово-политическую работу в связи с подготовкой и проведением выборов в Верховные Советы РСФСР и БМ АССР, состоявшихся 26 июня 1938 года. На выборах С.Д. Игнатъев был избран депутатом Верховного Совета БМ АССР от Кяхтинского городского избирательного округа.

В январе 1939 года ЦК ВКП(б) принял решение о созыве XVIII съезда партии и опубликовал тезисы докладов «О третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР» и «Об изменениях в Уставе ВКП(б)».

На состоявшейся 25-27 февраля 1939 года XIII областной партийной конференции С.Д. Игнатъев избирается делегатом XVIII съезда ВКП(б) с решающим голосом. Кроме него делегатами с решающим голосом были избраны С.Н. Мартемьянов, секретарь парткома Улан-Удэнского ПВРЗ, М.В. Сергеев, военнослужащий Улан-Удэнского гарнизона, С.М. Иванов, Председатель Совнаркома БМ АССР. На конференции обсуждались тезисы докладов о третьем пятилетнем плане. Конференция признавала необходимым дальнейшее развитие местной промышленности.² В предвоенные годы перед партийными лидерами Бурятии встают такие насущные тогда задачи: подъем всех отраслей народного хозяйства, повышение материального благосостояния и культурного уровня народа, всемерное укрепление обороноспособности страны.

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. В сложный военный период проявились такие необходимые личные качества руководителя, партийного лидера, как умение правильно и четко организовывать деятельность своих подчиненных, направлять эту деятельность на достижение поставленных целей и задач.

В октябре 1941 года состоялся первый в условиях войны пленум

Бурят-монгольского обкома ВКП(б), обсудивший вопрос «О задачах партийно-политической и агитационной работы в военное время». Пленум заслушав и обсудив доклад первого секретаря обкома ВКП(б) С. Д. Игнатьева, разработал мероприятия по перестройке всей партийно-политической работы в соответствии с требованиями военного времени.

23-24 января 1943 года пленум обкома партии обсудил вопросы:

1. Об итогах 1942 хозяйственного года и очередных задачах парт-организации (докладчик С.Д. Игнатьев);
2. О культурно-бытовом обслуживании и политическом воспитании трудящихся (докладчики С.М. Иванов и Б.С. Санжиев).

Семен Денисович сделал все, что от него требовал центр. Под его руководством проходила чистка рядов партии и была осуществлена огромная работа по преобразованию края. Стала быстро развиваться промышленность, велось переустройство сельского хозяйства, было много сделано по развитию искусства и литературы. В годы войны возглавил работу по переводу промышленности и экономики на военные рельсы. Хозяйственные вопросы не засломили в работе первого секретаря заботы о культуре, искусстве, театре. На этом нонрише он оставил о себе добрую память, как заботливый, отзывчивый на нужды простых людей, руководитель республики. Его деятельность в нашей республике была замечена в центре и в скором времени он был отозван в распоряжение ЦК ВКП(б) с использованием его опыта в другом национальном субъекте.

6-7 марта 1943 года состоялся XIII пленум Бурят-монгольского обкома ВКП(б). На пленуме был рассмотрен организационный вопрос. В связи с переходом С.Д. Игнатьева на другую работу пленум освободил его от обязанностей первого секретаря Бурят-Монгольского областного комитета ВКП(б).

С.Д. Игнатьев как политический деятель, профессионал, сформировался на работе в национальных регионах страны: его успешная деятельность в Башкирии, Татарстане, в Белоруссии вывели его в разряд представителей союзной элиты формирующейся в советской стране.

Кудрявцев Александр Васильевич - трудовая биография, общественно-политическая деятельность, а также опыт работы в национальных регионах страны, позволял центру, в лице ЦК ВКП(б), использовать его на работе в Бурят-Монгольской автономной респуб-

лике. На смену, отозванного на другую работу С.Д. Игнатьева, первым секретарем обкома центром был рекомендован А.В. Кудрявцев. Его биография, жизненный и трудовой путь, деятельность в общественных организациях позволяли делать такой оптимистический вывод.

Александр Васильевич Кудрявцев родился в 1906 году в селе Поконь Смоленской области. Трудовую деятельность начал в январе 1921 года курьером «Заготконторы» Губпродкома на станции Суджанка Тюменской железной дороги. В 1920 году вступил в ряды комсомола. Член ВКП(б) с ноября 1930 года. С вступлением его в ряды ВЛКСМ начинается деятельность профессионального партийного работника. Восемнадцать лет на поприще партийно-политической работы, оторванной фактически от деятельности в трудовом коллективе сформировали особые качества А. В. Кудрявцева, как политического лидера наложившие отпечаток на его деятельность в нашей республике. Возможно это отличие в его трудовой биографии отличало деятельность нового политического лидера республики от его предшественника. В 1924 году он был выдвинут на руководящую комсомольскую работу в районный комитет комсомола, а затем работал в Томском губкоме и Западно-Сибирском краевом комитете ВЛКСМ инструктором методистом в городе Новосибирске.³ В сентябре 1928 года поступил на учебу в Академию коммунистического воспитания им. Крупской в городе Москве. После окончания академии с декабря 1931 года по сентябрь 1932 года работал научным сотрудником института коммунистического воспитания в городе Новосибирске. С октября 1932 года по март 1933 года учился в институте Марксизма-ленинизма в городе Новосибирске. С 1933 года по 1934 год находился на партийно-политической работе в Красной Армии. С сентября 1934 года по сентябрь 1936 года работал заведующим парткабинетом Черноморского пароходства, а затем инструктором по печати в политотделе Черноморского пароходства. В 1936 году ЦК ВКП(б) направил А.В. Кудрявцева в институт Красной профессуры. После окончания двух курсов института был взят на работу ответственным организатором ЦК КП(б).

С ноября 1938 года по декабрь 1939 года А.В. Кудрявцев работал первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), а с января 1940 года по декабрь 1941 года – вторым секретарем ЦК КП(б) Узбекистана. В январе 1942 года А.В. Кудрявцев был назначен начальником политуправления Наркомзема СССР. Такое перемещение людей было связано со сложной ситуацией с кадрами, вызванных

тяжелыми, массовыми репрессиями, где основной удар пришелся на самостоятельно мыслящие кадры, которые никак не вписывались в номенклатурную схему создаваемую по всей стране. С 1943 по 1951 г. Александр Васильевич возглавляет партийную организацию Бурят Монголии. Последние два года войны А.В. Кудрявцеву пришлось работать по старой программе наработанной его предшественником, да и авторитарные методы периода военного времени не позволяли никому расслабляться. Его руководство в послевоенные годы, направленное на перевод народного хозяйства в мирное русло совпало с очень тяжелым положением, особенно в сельском хозяйстве. Эти трудности и замедленный ход выполнения народнохозяйственных задач вызывали повышенный контроль за деятельностью партийной организации республики и ее секретаря со стороны ЦК ВКП (б).

13 октября 1945 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О неудовлетворительном выполнении Бурят-монгольским обкомом ВКП(б) постановление ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1945 года» о работе Бурят-монгольского обкома ВКП(б). Задачи областного комитета по выполнению постановления Центрального Комитета ВКП(б) от 13 октября 1945 года были обсуждены на пленуме обкома, который состоялся 27-29 октября 1949 года.

5-7 сентября 1946 года XXIV пленум обкома партии обсудил постановление ЦК ВКП(б) от 17 августа 1946 года «В связи со статьей, опубликованной в газете «Правда» и выводами бригады ЦК ВКП(б) о недостатках работы Бурят-монгольского ОК ВКП(б)». Пленум потребовал изменения стиля и методов руководства в первую очередь со стороны бюро, первого секретаря А.В. Кудрявцева, Совета Министров республики, его председателя С.М. Иванова.

8-9 апреля 1948 года проходила XV областная партийная конференция ВКП(б). Конференция обсудила отчет обкома за 8 лет. На организационном пленуме первым секретарем обкома ВКП (б) вновь был избран А.В. Кудрявцев, вторым секретарем – Б.Л. Лобсанов, секретарями – В.М. Кучеров, Д.П. Сальников, А.Я Казаков.

Не извлекая уроков из предшествующих материалов партийной критики А. В. Кудрявцев, будучи первым руководящим лицом, лидером республики инициировал идеологическую кампанию осуждения литературного источника, народного эпоса «ГЭСЭР». 20-21 мая 1948 года в обкоме партии состоялось совещание, на котором прошло осуждение бурятского героического эпоса «ГЭСЭР». Под нажимом первого секретаря обкома ВКП(б) А.В. Кудрявцева «ГЭСЭР» был

объявлен феодально-ханским, националистическим, антирусским произведением. Составители сводного варианта эпоса ученые, писатели, поэты занимавшиеся изучением и популяризацией улигера, подверглись гонениям, а их деятельность была классифицирована как националистическая. Эта компания продолжалась до 1952 года и явилась прямым продолжением развернувшейся в стране критике эпосов устного творчества народов Средней Азии, инспирированной идеологическими службами ЦК ВКП(б). 2 марта 1951 года ЦК ВКП(б) в очередной раз, заслушивает отчет Бурят-монгольского обкома партии и принимает постановление «О недостатках и ошибках в работе Бурят-монгольского обкома ВКП(б)».⁴

15-16 марта 1951 года Пленум Бурят-монгольского обкома партии обсудил доклад о работе обкома и содоклад о постановлении ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в работе Бурят-монгольского обкома ВКП(б)». Пленум освобождает от обязанностей первого секретаря обкома ВКП(б) А.В. Кудрявцева⁵. Вместе с ним были освобождены от занимаемой должности Председатель Совета Министров Республики С.М. Иванов. Первым секретарем обкома ВКП(б) был избирается А.У. Хахалов, работавший до этого в аппарате ЦК ВКП(б).

Александр Васильевич, будучи первым секретарем Бурят-Монгольского обкома ВКП (б), по сути не выполнил предназначавшуюся ему роль политического лидера. Действительно, он не знал многих особенностей, исторических традиций, культуры Бурятии. На фоне интеллигентного, энциклопедически образованного, автора большой литературной монографии С.Д. Игнатьева, новый политический лидер в лице А.В. Кудрявцева, проигрывал по многим критериям, которые определяют политического лидера в обществе, дающим популярность и авторитет, качеств без которых политический лидер не может состояться. Если говорить о том, что лидерство – это социальная позиция, связанная с принятием властных решений, это руководящая должность, то А.В. Кудрявцев являлся лидером, но лишь только по формальным признакам лидера, как руководителя. Мы знаем, что лидер должен осуществлять интересы народных масс, должен являться идеалом, необходима вера, доверие к лидеру. К сожалению, А.В. Кудрявцев не смог стать настоящим лидером республики, не разобравшись в сложном экономическом и культурном положении Бурятии в первые послевоенные годы, допустив ряд ошибочных действий, дискредитировал себя и свой высокий пост.

Культ политических руководителей явился несомненной сакрализацией власти. В государстве, где на практике и исполнении функций власти преобладали методы тоталитарного и авторитарного руководства гносеологические корни и идейные истоки этого явления лежали в идеологии, ее претензиях на монопольное обладание истиной, на всеобщность и значимость.

Анализ политического лидерства в республике Бурятия конца 30-х и начала 50-х годов демонстрирует ужесточение норм административного, авторитарного руководства. Принцип демократического подбора лидеров был подменен жесткой расстановкой кадров центра на периферии. Политическое руководство С. Д. Игнатьева, совпало с полосой массовых государственных репрессий и дошедших до государственного самодурства при А.В. Кудрявцеве, что привело, к отъезду его и отстранению.

Первая половина XX века в нашей стране характеризуется становлением политического лидерства авторитарного типа, методов отбора и расстановки кадров по-сталински. Этот тип лидерства соответствовал состоянию политического режима, однопартийной политической системы, конституционного строя провозглашенного в нашей стране.

Время требовало новых подходов, более гибкой политики, которая считалась бы с национальными интересами и это новое время наступало. Со смертью И. В. Сталина менялись приоритеты власти, менялись оценочные подходы к лидерству.

Наступает время новой политики, новых политических лидеров.

Хахалов Александр Уладаевич - Республика Бурятия представляла собой один из первых предвестников «оттепели» в национальных регионах. В 1951 году первым секретарем Бурятского обкома КПСС становится Александр Уладаевич Хахалов, он родился 27 мая 1909 года в улусе Хандаала Хандалинского сельсовета Кудара-Бурятской волости (Кабанский аймак) в семье крестьянина-бедняка, окончил четырехлетнюю сельскую школу, а в 1928 г. – школу крестьянской молодежи. В двадцати летнем возрасте он вступает в партию большевиков, после чего находится на комсомольской работе, был заведующим избой-читальней. С октября 1930 года по май 1932 года работал заведующим агитмассовым отделом Кабанского райкома ВКП (б).

В мае 1932 года А.У. Хахалов был выдвинут на работу в аппарат Бурят-монгольского обкома ВКП (б), инструктором организационно-

го отдела, с октября 1932 года по январь 1938 года назначается заведующим сельскохозяйственным отделом областного комитета партии, а затем направляется на работу заместителем редактора газеты «Бурят-монгольская правда».⁶

Не обошли его и события 1937 года. Поступившие в Обком партии компрометирующие материалы, «доносы» отразились на судьбе А.У. Хахалова, в январе 1938 года он был освобожден от работы в редакции областной газеты и направлен на низовую работу - директором Итанцинской МТС. Он писал в автобиографии 23 августа 1938 года, что был обвинен в развале коммуны, что он сын кулака, который сбежал из Кабанского района из-под суда и следствия, защищал «троцкистского последыша» в редакции и являлся махровым националистом. Его обвиняли даже в том, что родственница его жены является чуждым, враждебным советскому строю элементом. Однако проверка Обкома эти обвинения не подтвердила и А.У. Хахалов избежал печальной участи многих коммунистов того периода. В августе 1938 года он избирается вторым секретарем Кабанского района, а в декабре того же года первым секретарем Закаменского райкома партии. Весной 1939 года он был избран делегатом 18-го съезда партии и с тех пор был постоянным делегатом всех последующих партийных съездов, проходивших при его жизни.

2 марта 1940 года А.У. Хахалов избирается вторым секретарем Бурят-Монгольского Обкома партии и в последние годы занимал высокие руководящие должности в республике (1945-1947 годах он был слушателем высшей школы парторганизаторов при ЦК ВКП (б), в 1947-1951 годах работал инспектором управления и инструктором отдела ЦК партии). Состоявшийся 15-16 марта 1951 года пленум обкома ВКП(б), по выше названным причинам, освободил от обязанностей первого секретаря обкома А.В. Кудрявцева и избрал первым секретарем обкома ВКП (б) А. У. Хахалова. Секретарями обкома были избраны Ф. И. Кашников, П. М. Петухов, В. М. Кучеров.⁷

28-29 января 1960 года работала XXII областная партийная конференция. На организационном пленуме обкома КПСС первым секретарем обкома КПСС вновь был избран А.У. Хахалов, вторым - В.И. Дубровский, секретарями обкома - А.У. Модогоев, П.Е. Ножкин.

Александр Уладаевич Хахалов занимал видное место в истории республики. В период культа личности он выступал за возвращение в республику разогнанных по стране бывшим руководством Обкома, республиканских кадров и интеллигенции, ложно обвиненных в на-

ционализме. По его инициативе и непосредственном участии в республику вернулись известные деятели культуры и науки республики: М. Хабаев, А. Уланов, С. Балдаев, А. Дуринов, И. Манжигеев, С. Мстелица, А. Бальбуров, Л. Элиасов и др. По его инициативе, в апреле 1951 года состоялось обсуждение вопроса о характере эпоса «Гэсэр» в институте востоковедения АН СССР, а затем на объединенной научной сессии института востоковедения АН СССР и Бурят-Монгольского НИИК в Улан-Удэ. Во время этих обсуждений была опровергнута оценка эпоса как феодально-ханского произведения. Эпос признан ценным культурным наследием бурятского народа.

На внеочередной XXI областной партийной конференции, которая состоялась 8-9 декабря 1958 года А.У. Хахалов был избран делегатом внеочередного XXI съезда КПСС.⁸

В должности первого секретаря Бурятского обкома КПСС А.У.Хахалов работал до ноября 1960 года.⁹ 24 ноября 1961 года состоялся пленум обкома КПСС, обсудивший организационные вопросы. Пленум удовлетворил просьбу А.У. Хахалова и по состоянию здоровья освободил его от обязанностей первого секретаря обкома КПСС.¹⁰ 24 ноября 1960 года на пятой сессии Верховного Совета Бурятской АССР пятого созыва А.У.Хахалов был избран Председателем Президиума Верховного Совета Бурятской АССР. В этой должности он работал до мая 1970 года.

Александр Уладаевич Хахалов был делегатом пяти съездов партии: XIX, XX, XXI, XXII и XVIII Всесоюзной партийной конференции. На XIX и XX съездах КПСС избирался кандидатом в члены ЦК партии. Был депутатом Верховного Совета Союза ССР IV и V созывов, депутатом Верховного Совета РСФСР VI и VII созывов, избирался депутатом Верховного Совета Бурятской АССР IV, V, VI, VII созывов, на протяжении многих лет являлся членом обкома и бюро обкома КПСС. Десять лет он стоял у руководства республики занимая пост Председателя Верховного Совета республики, равный ныне президентскому. Он был ярким представителем эпохи «оттепели», его действия и дела на политическом поприще подтвердили эту оценку, тем более на государственном уровне его деятельности была дана заслуженная оценка.

За заслуги перед советским государством и достигнутые успехи в деле развития промышленности, сельского хозяйства и культуры республики Бурятии А.У. Хахалов был награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного знамени, орденом «Знак Почте-

та», медалями «За трудовую доблесть», «За освоение целинных и залежных земель» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», многими Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Бурятской АССР.

А.У. Хахалов был политическим лидером в период когда страна, в том числе и Республика Бурятия переходили на новые принципы и методы политического руководства. Наступало время широких демократических преобразований, после длительного периода управления страной авторитарно-тоталитарными методами, имевшими неадекватную оценку в истории нашего общества. Наступала пора коллективных методов руководства партией и страной. Утверждалась хрущевская «оттепель» с присущими ей методами внутрипартийной демократии. В 1958 году Бурят-Монгольская АССР была переименована в Бурятскую АССР, впоследствии этот факт был назван отдельными учеными и политиками как поспешным и недостаточно обоснованным.

Руководящая партия советского общества объявила на очередном съезде своей партии об усложнении задач социалистического строительства. К руководству должны были придти новые люди, ставка делалась на специалистов, ученых, профессионалов. К такой категории новых лидеров относился **Филиппов Василий Родионович** и на состоявшемся 24 ноября 1960 года пленуме обкома КПСС Василий Родионович Филиппов был избран первым секретарем Бурятского обкома КПСС и в связи с этим на пятой сессии Верховного Совета Бурятской АССР пятого созыва 1960 года он был освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров Бурятской АССР.¹¹

На посту первого секретаря Бурятского обкома КПСС В.Р. Филиппов проработал недолго – до июня 1962 года. Был освобожден от занимаемой должности по состоянию здоровья и направлен ректором Бурятского сельскохозяйственного института. С марта 1969 года по март 1975 года Василий Родионович работал председателем Президиума Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР.

В рассматриваемый период – период обновления. новое партийное и советское руководство, политические лидеры республики (А.У. Хахалов, В.Р. Филиппов, Г.И. Климов, В.И. Дубровский, Н.С. Бирюков) стремились устранить прежние ошибки и негативные стороны в политической, хозяйственной и идеологической работе, решать задачи развития республики с учетом реальной обстановки и ее практиче-

ских возможностей. Благодаря чему удалось значительно изменить положение дел в лучшую сторону в таких отраслях экономики, как промышленность, строительство и транспорт. Публикуемые в разделе документы и материалы, статистические данные свидетельствуют о большом росте производства промышленной продукции, широком развитии строительных работ и сдачи в эксплуатацию новых предприятий.

Большое внимание в республике уделялось подъему сельского хозяйства и улучшению положения колхозного крестьянства. Документы и материалы раздела показывают, что на основе освоения новых земель были значительно расширены посевные площади и увеличено производство зерна. Большие усилия прилагались к тому, чтобы добиться подъема животноводства. Заметно пополнилась материально-техническая база сельского хозяйства.

На основе организационно-хозяйственного укрепления колхозов, внедрения новой системы заготовок сельскохозяйственных продуктов и распределения доходов повышалась жизнь колхозного крестьянства. В эти годы после долгого перерыва в селах и улусах развернулось строительство новых жилых домов и других объектов.

В области народного образования и культуры осуществлялись крупные мероприятия, принесшие положительные результаты. В Бурятии были созданы Бурятский комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения АН СССР, Восточно-Сибирский технологический институт и Восточно-Сибирский Институт культуры. Выросли ряды творческих союзов писателей, художников, композиторов, театральных деятелей. Деятели литературы и искусства создали новые крупные произведения. Состоявшаяся в 1959 году вторая декада литературы и искусства в Москве ярко продемонстрировала большой рост профессиональной бурятской культуры.

Как большой праздник дружбы народов было отмечено 300-летие вхождения Бурятии в состав Российского Государства. Однако усилия по перестройке управления народным хозяйством в стране, в том числе и в республике не давали желаемых результатов, которые ожидали от нее и вызывали негативную реакцию со стороны правящей элиты, почувствовавшей вкус власти и как мы отмечали выше вкусившей воздух демократических преобразований. Предстояли новые преобразования во многих областях жизни.¹²

Попытки Н.С. Хрущева реформировать партийно-номенклатурную систему не привели к желаемым результатам. Проявлением не-

стандартного поведения Хрущева было выдвижение необычной по тем временам цели – 1980 году построить в основном коммунистическое общество. Неоднозначно отнеслась страна к такой цели, но ожидание перемен к лучшему она все же вызвала. Правда, ненадолго. И трудно, пожалуй, сказать, чего было больше в этой поспешности: вины или беды Н. Хрущева. Не отличавшийся теоретической подготовленностью, он мог руководить лишь тем, что можно охватить взглядом как единое целое. Но понимать все, выходящее за пределы обозримого, ему было не под силу. В этом и заключалось главная причина выдвижения цели, далеко оторвавшейся от действительности. А вот в нее-то он успел к тому времени заложить первопричину нашего теперешнего кризисного состояния. Не поняв сущности начавшейся в середине 50-х годов научно-технической революции, обрек производительные силы страны на отставание. В то время как развитые капиталистические страны, успешно внедряя ее достижения, встали на путь интенсификации экономики, наша страна продолжала развивать ее экстенсивными методами. Уже к середине 60-х тенденция отставания проявилась довольно-таки четко. Но все причины свели к недостаткам управления. Спихватившись, заговорили о необходимости соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Однако момент был упущен. Тем более, что больше говорили, чем делали. Вначале медленно, затем все быстрее страна теряла позиции второй державы мира.

В этих условиях не нужен был Н. Хрущев со своей активностью, да и незнание истинных причин надвигающегося кризиса лишило его деятельность целенаправленности. Эра «оттепели» склонялась к закату и вскоре вылилась в очередную смену руководства страной. Наступал период политического «застоя» вместе с новым вождем партии, руководившей обществом, Л.И. Брежневым.

Модогоев Андрей Урупхеевич принял руководство республикой в условиях когда общественно-политическая, социально-экономическая и культурная жизнь шли в том же русле и направлении, что во всей стране. Экономика республики развивалась как составная часть единого народнохозяйственного организма страны. Большое внимание уделялось созданию и расширению предприятий военно-промышленного, территориального и сырьевых комплексов, строительству Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Этот период связан с деятельностью одного из наиболее ярких политических лидеров республики А.У. Модогоевым, который являлся первым сек-

ретарем Бурятского обкома КПСС с июня 1962 года по январь 1984 года. Политическая карьера Андрея Урупхеевича началась, развивалась и завершилась как у большинства политических лидеров страны советского периода.

Андрей Урупхеевич Модогоев родился в 1915 году в улусе Заготуй Эхирит-Булагатского района Иркутской области в семье крестьянина-середняка. Трудовую деятельность начал в 1932 году. Работал учителем Заготуйской начальной школы, являлся курсантом курсов бухгалтеров при Иркутской конторе.¹³ После прохождения бухгалтерских курсов судьба А.У. Модогоева изменилась – он устроился на работу в краевую контору «Заготскот», которая направила его в Улан-Удэ в распоряжение Бурятской республиканской конторы. В эти годы начинается политическая партийная биография будущего лидера Бурятской республики. С ноября 1938 года по ноябрь 1939 года являлся секретарем комитета ВЛКСМ первичной организации Наркозема БМ АССР. 30 декабря 1939 года А.У. Модогоев был избран первым секретарем Улан-Уденского горкома ВЛКСМ.¹⁴ В апреле 1940 года А.У. Модогоев вступил в члены ВКП(б). В ноябре 1941 года был избран первым секретарем Бурят-монгольского обкома ВЛКСМ, где работал до апреля 1943 года.

В июне 1944 года он был утвержден заведующим ведущего организационно-инструкторского отдела Бурят-монгольского обкома ВКП(б). В сентябре 1947 года Андрей Урупхеевич командирован на учебу в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), которую окончил в 1950 году с отличием.¹⁵ По окончании учебы, в августе 1950 года он был командирован в распоряжение Бурят-монгольского обкома ВКП(б) и вновь утверждается заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома ВКП(б).

С апреля 1954 года А.У. Модогоев работает первым секретарем Кяхтинского райкома КПСС. Этот перевод был связан с решением сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 года о подъеме сельского хозяйства в стране. Вскоре он был утвержден инструктором отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР, где работал до начала 1960 года.¹⁶

Прошло два года работы А. У. Модогоева в аппарате ЦК КПСС. Первый секретарь обкома партии А.У. Хахалов обратился к секретарю ЦК КПСС с просьбой откомандировать Модогоева А.У. в республику на должность первого секретаря горкома партии. Однако, А. У. Модогоев вернули на родину только через год после этой просьбы. По прибытии в республику он приступил к работе в качестве секре-

таря Бурятского Обкома КПСС по пропаганде и агитации, в этой должности проработал с января по ноябрь 1960 года. Затем А. У. Модогоев был назначен на пост председателя Совета Министров Бурятии.

С 13 июня 1962 года Модогоев становится первым секретарем Обкома партии. Состояние дел в 60-е годы в республике в области сельского хозяйства представляла собой тяжелую картину. Частые засухи, низкий уровень культуры ведения сельского хозяйства во многих районах. Перед партийными работниками встают задачи компетентного руководства сельским хозяйством. В стране вновь были восстановлены райкомы партии работающие по территориальному принципу. После тщательного анализа положения в экономике, руководители республики приняли решение на всех центральных усадьбах разукрупненных колхозов и совхозов восстанавливать или вновь открывать средние школы. Ставилась задача с далеко идущими последствиями, сохранить кадры на селе. Надо было строить интернаты, детские дошкольные учреждения, особенно для детей животноводов, живущих на дальних точках.

Несмотря на указание Н.С. Хрущева ликвидировать личный скот колхозников, рабочих совхозов, руководители Бурятии затянули выполнение этого решения, что благоприятно сказалось на положении дел в сельском хозяйстве республики.

Областной комитет КПСС постоянное внимание уделял развитию базовых отраслей промышленности – угольной и энергетики. Промышленность республики развивалась в течение 20 лет (с 1960 по 1980) высокими темпами и была представлена 60 отраслями и подотраслями союзной и федеративной промышленности. За 1966-1970 годы были открыты крупные месторождения такие, как Молодежное хризотил-асбестовое, Озерное колчедано-полиметаллическое, Ошурковское апатитовое, Мухорталинское перлитовое и Ишкурское вольфрамное.¹⁷ Значительное место в жизни Бурятии заняло строительство БАМа. Железнодорожный путь Бурятского участка БАМа был уложен на протяжении 525 км к 1 июля 1984 года.

В ноябре 1983 г. по собственному желанию А.У. Модогоев был освобожден от обязанностей первого секретаря Обкома КПСС в связи с уходом на пенсию. А. У. Модогоеву была объявлена благодарность за плодотворную многолетнюю работу. Из 46 лет пребывания в КПСС более 43 лет он проработал на руководящей работе.

Почти 22 года А. У. Модогоев являлся политическим лидером республики Бурятия, возглавлял областную партийную организацию.

За этот период произошли большие изменения в развитии экономики, культуры, производительных сил республики. Достаточно сказать, что объем промышленного производства за эти годы увеличился более чем в 3 раза. Достигнуты позитивные изменения в сельском хозяйстве. На совершенно новой качественной основе преобразуется село, на новую высоту поднимается наука, культура, постоянно повышается материальное благосостояние и духовный уровень населения. За эти годы республика удостоивается трех высоких государственных наград.

15 января 1985г. после ухода на пенсию, в связи с семидесятилетием со дня рождения за заслуги перед партией А. У. Модогоев был награжден орденом «Дружбы народов». Один из немногих бывших первых секретарей ОК КПСС он был удостоен высокой правительственной награды.¹⁸ За годы руководства Бурятии А.У. Модогоева уровень жизни в республике значительно улучшился, он много сделал для развития народного хозяйства и социально-экономического развития республики; сформировалась новая культура межнациональных отношений, развивались процессы национального и культурного общесоюзного наследия, духовного развития. В духовном развитии любого народа огромное место занимает искусство. В Бурятии в послевоенные годы выходят новые романы и повести бурятской национальной литературы. Когда-то сплошь неграмотная Бурятия становится активно читающей республикой. Увеличивается число клубов, районных и республиканских центров народного творчества, созданы культурно-спортивные комплексы. Конечно, во многом это заслуга партийных руководителей Бурятии. А. У. Модогоев обладал талантом организатора, так необходимым для лидера. И самое главное, он был человек, полный оптимизма и веры в правоту своих поступков. В своей книге «Годы и люди», А.У. Модогоев пишет: «Идут годы, нет, не идут, а мчатся. И становится ясно, что подходит на смену другое поколение – «племя младое, незнакомое», как сказал поэт. Это поколение так не похоже на наше по образу мыслей, вкусам, интересам, по уровню знаний и жизненному опыту. Они и не могут быть такими, какими были мы, хотя бы потому, что получили многое из того, чего не имели мы. Нет ничего удивительного в том, что их духовный мир богаче и сложнее, мышление шире, а культура глубже. Это радует меня. Но рядом вспыхивает искра тревоги: сумеем ли заразить их нашей идейной убежденностью, нашей нацеленностью на осуществление нравственных идеалов, нашей волей все сделать, все преодо-

леть». Он с тревогой вглядывался в лицо нового поколения которое неумолимо шло к перестройке. Этим объясняется его тревога о будущем страны, республики, нового поколения, идущего на смену уходящему. Общественность республики охарактеризовала путь, пройденный А.У. Модогоевым как трудный, путь коммуниста, профессионального партийного работника от рядового колхозника до первого секретаря обкома партии, члена Центрального Комитета партии, депутата Верховного Совета СССР.

Сейчас, читая эти слова, невольно сравниваешь предшествующее и нынешнее поколение. Конечно, новейшее время все изменило. Сегодня совсем другие взгляды, об идеалах очень трудно говорить, но все-таки сегодняшняя молодежь тоже стремится в большинстве своем к достижению определенных целей, к самосовершенствованию. У молодежи больше выбора и больше свободы действий. Каждый может выбрать свой путь, вступать и не вступать в ту или иную партию, общественную организацию. Однако, обязательно и в новых условиях, среди молодежи вырастают и выдвигаются новые лидеры.

Несмотря на изменения в общественной жизни статус и функции политического лидера не меняются. Всегда, настоящий политический лидер должен быть хорошим организатором, обладать ораторскими способностями, умением общаться с людьми, верить в свои убеждения и осуществлять волю и интересы людей идущих за ним и верящих ему.

Двадцатилетний период (1965-1984) советского общества явился годами попыток модернизации страны, реформирования экономики. Для нашей республики это период большого прогресса и новых проблем. На партийных съездах и пленумах ЦК КПСС принимались многочисленные резолюции о дальнейшей демократизации общественной жизни, осуществлении экономических реформ, соединении науки с производством, новом планировании в сельскохозяйственном производстве и др. Но намеченные мероприятия не доводились до конца.

Политические портреты политических лидеров, членов ЦК, первых Секретарей Бурят-монгольского, Бурятского Обкома ВКП (б), КПСС показывают, что от кандидатов на высокие руководящие посты в Республике Бурятия номенклатура требовала опыта работы в разных регионах страны. Традиционная карьера советского политического лидера выглядела так: вступление в члены коммунистической партии; учеба в Москве; работа в советских, комсомольских,

хозяйственных или партийных органах какого-нибудь региона; вызов в Москву и работа один – два года в ЦК КПСС: возвращение в провинцию на более высокую должность (как правило, первым секретарем обкома КПСС). Все это четко прослеживается в биографиях С.Д. Игнатьева, А.В. Кудрявцева и др.

Наступала эпоха «оттепели», вызвавшая к политической деятельности новых лидеров. Приход к руководству республикой А.У. Хахалова означал первые результаты политической «оттепели». На смену «ставленникам Москвы» предшествующего периода к руководству пришло новое поколение политических лидеров, характерных времени хрущевской «оттепели», наступали времена политического доверия лидерам выросших в Бурятии – такими лидерами стали Хахалов А.У., Филиппов В.Р.

Так называемая «эра застоя» в Республике Бурятия связана с именем общесоюзного лидера и партийного вождя Л.И. Брежнева. Переход внутривнутриполитической жизни от эмоционально-идеологической, реформаторской деятельности Н.С. Хрущева к политическому прагматизму и политической уравновешенности привел к руководству в центре и в регионах новую плеяду политических лидеров. К их числу можно отнести известного партийно-государственного деятеля в нашей республике А.У. Модогоева. Политический курс проводимый в стране Л.И. Брежневым, который начинался общественно-политической стабилизацией и доведенный до социально-экономической стагнации и внутри политическому кризису, отразил все черты этого периода на элитных кадрах в стране, в том числе и в нашей республике.

В современных условиях решается вопрос примирения принципов лидерства и народовластия, он осуществляется путем развития института представительной демократии, рекомендующей избранныкам народа свободу действий в рамках законов и Конституции. В оценке политического лидерства начинают преобладать тенденции профессионального лидерства. Политические портреты лидеров Республики Бурятия данные нами в политологическом очерке характеризуют историческое время, состояние политического режима, того времени которое мы обозначили как советский период. Период политической истории Республики Бурятия.

Примечания.

- ¹ Национальный архив РБ Бурятия, ф.1-п., оп.-1, д.2912, л.4.
- ² Национальный архив РБ. ф. 1-л, оп.2, д.2311, л.4.
- ³ Национальный архив РБ. ф. 1, оп.2, д.2810, л.3.
- ⁴ Национальный архив РБ. ф. 1, оп.2, д.2810, л.4.
- ⁵ Национальный архив РБ. ф. 1-п, оп.2, д.2810, л.7.
- ⁶ Национальный архив РБ, ф. 1-п, оп.2., д.5386, л.5.
- ⁷ Национальный архив РБ, ф. 1-п, оп.2, д.5386, л.17.
- ⁸ Бурятская областная партийная организация, Хроника, Книга вторая. Улан-Удэ, Бурятское книжное издательство 1988г. - С.83,90,96.
- ⁹ Там же, С.100.
- ¹⁰ Национальный архив РБ, ф. 1-л, оп.2, д.5386, л.20.
- ¹¹ Республика моя Бурятия. Краткая хрестоматия по истории Бурятии. 1946-1997.-Улан-Удэ: Комитет по делам архивов Республики Бурятия.- 1998. - С74.
- ¹² Национальный архив РБ. ф. 1-п, оп.2., д.3358, л.25.
- ¹³ Национальный архив РБ, ф. 1-п, оп.2., д.3358, л.56.
- ¹⁴ История Бурят-Монгольской АССР.
- ¹⁵ Национальный архив РБ, ф. 1-л, оп.2., д.3358, л.23.
- ¹⁶ Насыров А. Х. Сборник биографических данных первых и вторых секретарей Бурят-Монгольского, Бурятского Обкома РКП(б), ВКП(б), КПСС (1923 –1991). Улан – Удэ. 1997.
- ¹⁷ Насыров А. Х. Сборник. Биографические данные руководителей Верховного Совета, Президиума Верховного Совета и Правительства Бурятии (1923 – 1996). Улан – Удэ, 1996.
- ¹⁸ См. там же.

Литература.

- Бакунин М. Государственность и анархия. - Иб.-М., 1922.
- Вебер М. Избранные произведения. - М., 1990.
- Ленин В.И. ПСС. – М., 1953.- т.т. 41,45.
- Лорда-и-Алайс Ф. О власти и ее разновидности // Политология вчера и сегодня. - Вып. 2.- М., 1990.
- Михельс Р. Рабочие вожди пролетарского происхождения // Диалог.- 1990.- № 18.
- Таккер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России. От Ленина до Горбачева//США: Экономика, политика, идеология. - 1991.- №1,2.
- Херман М. Стили лидерства в формировании внешней политики.//Политические исследования. - М., 1991. - №1.

Е.Г. Санжиева

Разработка государственной политики по развитию бурятской советской культуры

В многонациональном советском обществе большое значение имело положение Ленина о том, что «интернациональная культура не

безнациональна». Он утверждал, что каждая культура развивается на своей родной национальной почве, в своих исторически сложившихся национальных формах. Резкий отпор с его стороны встречали те, кто нигилистически, пренебрежительно относился к национальным особенностям народа, его традициям, культуре. Ленин требовал марксистского подхода к каждой национальной культуре, использования всех ее прогрессивных, демократических элементов в интересах строительства культуры социалистического общества.

Политика советского государства в области национальной культуры начала проводиться в Бурятии с образованием автономных областей бурят в составе РСФСР и Дальневосточной республики. Для общего руководства деятельностью органов народного образования и культурно-просветительных учреждений двух автономных областей правительство ДВР и Всероссийской Центральной Исполнительной комитет создали в мае 1922 г. Центральный совет по культурным делам бурят-монголов РСФСР и ДВР (Бурмонсовкульт) с резиденцией в г. Иркутске и утвердили положение о нем.¹ В положении были определены цели и задачи по организации работы в области народного образования, культуры, науки, литературы и искусства, здравоохранения и физической культуры. Бурмонсовкульт возглавляли руководители областей, видные бурятские деятели науки и культуры.

Большое значение имело проведение в июне 1922 г. в г. Додо-Агинское Хоринского аймака объединенной конференции по культурным делам двух представителей областей с участием монгольских делегатов. На конференции были заслушаны и обсуждены доклады о состоянии народного образования и культуры народного образования и культуры бурятского народа, задачи в области народного образования, прежде всего национализации школ, о создании высшего учебного заведения, организации издательства и типографии, лечебного дела. Конференция решила учредить Ученый комитет для изучения материальной и духовной культуры Бурят-Монголии. Так было положено начало существованию научно-исследовательского учреждения.²

С объединением двух автономных областей и образованием Бурят-Монгольской АССР, созданием органов власти и управления на всей территории республики стала проводиться советская национальная политика в области образования и культуры. В правительстве республики на народный комиссариат просвещения было возложено конкретное руководство делами просвещения и всей культуры.

В среде бурятской интеллигенции шли споры и дискуссии по

проблемам развития национальной культуры, по отношению к культурному наследию, по вопросам привлечения представителей старой интеллигенции к культурному строительству. Отдельные работники культуры не имели еще ясного представления о том, как совместить развитие национальной культуры со строительством пролетарской культуры. Именно это побудило группу бурятских работников обратиться в 1925 году с письмом к И.В. Сталину, в котором говорилось: «Убедительно просим дать разъяснение на следующие очень для нас серьезные и трудные вопросы. Конечная цель Коммунистической партии – единая общечеловеческая культура. Как мыслится переход через национальные культуры, развивающиеся в пределах отдельных наших автономных республик, к единой общечеловеческой культуре? Как должна происходить ассимиляция особенностей отдельных культур (язык и т.д.)». ³

Среди небольшой группы интеллигенции еще продолжало существовать неверие в возможность и целесообразность создания бурятской национальной школы с преподаванием в них предметов на родном языке. В то же время высказывались противоположные взгляды. В. Барадин, П. Данбинов, Ц. Жамцарано и некоторые другие, признавая наличие единой национальной культуры, считали, что дацаны являются и в дальнейшем могут служить бурятскими культурными центрами. По мнению Б.Барадина и Ц. Жамцарано теоретические положения марксизма-ленинизма и буддизма в области духовной культуры якобы тождественны, поэтому дацаны должны пользоваться поддержкой государственных органов. Им представлялось, что как буддизм, так и марксизм с гуманистических позиций подходят к задачам повышения образования и культуры народов.

В обкоме партии и правительстве разрабатывались вопросы стратегической политики в области культуры.

Острыми и актуальными стали вопросы на второй областной партийной конференции в марте 1925 г. отмечалось усиление позиций дацанов и влияния на массы. При президиуме Бурят-Монгольского обкома партии была создана специальная ламская комиссия в марте 1925 г. В мае того же года на пленуме обкома партии были обсуждены и утверждены тезисы по ламскому вопросу, подготовленные председателем Совнаркома М.Н. Ербанова. Суть партийной политики заключалась в том, чтобы вести решительную борьбу с идеологией буддизма-ламаизма, с его влиянием на широкие массы. В тезисах утверждалось, что «точку зрения некоторой части бурятской нацио-

налистической интеллигенции, по которой дацаны признаются единственными культурными центрами Бурятии, долженствующими пользоваться со стороны правительства Буреспублики всемирной поддержкой, партия должна решительно отвергнуть». Перед партийными организациями была поставлена задача вести борьбу с феодально-религиозной и националистической идеологией. Вместе с тем, обком партии предупреждал, что нельзя принимать репрессивные меры против верующих, что путем проведения культурных мероприятий, пропаганды материалистических взглядов на природу и общество постепенно освобождать верующих от религиозных взглядов. В тезисах отвергалось значение тибетской медицины, которую практиковали ламы. Было высказано резко отрицательное отношение к кооперированию ламств.⁴

Пленум обкома, указав на допущенную ошибку в области организационных мероприятий по урегулированию ламского вопроса, предложил снять с регистрации «Положение» и «Устав», принятые духовным установлением буддистов Бурятии в 1922 году, как несоответствующие советским законам о церкви и религии.

Тезисы обкома были изданы отдельной брошюрой. Они легли в основу антирелигиозной работы партийной организации, а также деятельности органов власти республики.

В декабре 1925 г. было принято постановление ЦИК и Совнаркома БМАССР о проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Достоянием народа были объявлены все храмы и богослужebное имущество буддистко-ламаистского культа, находящиеся в фактическом пользовании буддийского духовенства (лам). Все поселения (хиды) приравнивались к монастырям необщежительного типа. Дацанам и служителям культа (ламам) воспрещался прием учеников (хувараков) в дацанские школы или индивидуально к ламам лиц, не достигших 18-летнего возраста.⁵ Так началась национализация дацанов, их имущество передавалось религиозным группам и обществам. Принципиальное значение имело решение запретить прием в коллективы лам, обучение религиозному культу и посвящение в духовное звание юношей, не достигших 18 лет. Эти юноши должны были обучаться в общеобразовательных школах.

Постановление ЦИК и СНК БМАССР решило в основном вопросы о правовом положении ламаистской церкви, о национализации зданий и имущества дацанов, о возрастном цензе приеме детей в хувараки.

В феврале 1927 г. ЦИК и СНК БМАССР приняли постановление о правах лам на землепользование. Ламы, постоянно проживающие вне дацана и участвующие в введении хозяйства своим личным трудом, имели право на землю наравне с другими трудовыми землепользователями, входящими в состав земельных обществ. Правом на землю в составе хозяйств родителей пользовались несовершеннолетние ламские ученики (хувараки), до достижения ими совершеннолетнего возраста. Духовные лица, проживающие в дацанах, в том числе и хувараки, достигшие 18-летнего возраста, как порвавшие связи с хозяйством, были лишены права на пользование землей. Все земли, находящиеся под дацанами и ламскими поселениями при них (хидами), подлежали сдаче в платную аренду их пользователям.

Концепцию культурно-национальной политики, программу культурно-национального строительства в Бурят-Монгольской АССР на перспективу удалось обкому партии и правительству республики разработать к лету 1926 г. На пленуме обкома ВКП (б), состоявшемся 23-25 августа 1926 г. был заслушан и обсужден доклад члена бюро обкома партии и председателя Совнаркома республики М.П. Ербанова «о задачах культурно-национального строительства Буреспублики».⁶

Пленумом были утверждены тезисы по докладу М.П. Ербанова «Культурно-национальное строительство БМАССР».⁷ Принципиально важной, программные положения этого документа сводятся к следующему. Было подчеркнуто, что Бурятия стоит перед фактом непосредственного строительства социализма, минуя капиталистическую стадию развития. Стоит задача найти наилучший способ (форму) перехода от отсталых форм экономического быта и культуры к социализму на основе учета конкретной исторической обстановки Бурятии. Предстоит осуществить культурную революцию, поднять общий культурный уровень всего населения. Добиться развития национальной культуры. От правильного руководства и направления этой революцией зависит не только культурное строительство Буреспублики, но и переход в дальнейшем к социализму.

Отмечалось, что культурно-национальное строительство встречает ряд неправильных толкований и пониманий. Указывалось, что для строительства социализма нам необходимо развивать пролетарскую по содержанию, национальную по форме культуру. Только через развитие национальной культуры – языка, письменности, литературы, искусства и прочего у остальных народов пролетариат может укрепить союз с народами СССР. Задача развития национальной культу-

ры отсталых народов есть один из элементов классовой политики пролетариата.

Очень важным и верным являлось положение о том, что развитие национальной культуры в Бурятии – дело не одного десятка лет, а целого исторического периода. Это может быть достигнуто прежде всего под руководством пролетариата СССР в лице его авангарда – Всесоюзной Коммунистической партии.

Культурно-национальное строительство в Бурятии вынуждено преодолевать наследие прошлого и трудности объективно-исторического характера. К ним относились: отсталость экономики; отсутствие компактной целостной территории; наследие царской колониционно-русификаторской политики; колоссальная культурная отсталость трудовых масс бурят.

К решению задач преодоления наследий прошлого и объективных трудностей Бурятия приступила с установления советской власти, главным образом со времени образования автономной республики.

В практическом осуществлении культурно-национального строительства мы сталкиваемся «с уклонами, которые выражаются, с одной стороны, в отрицании всего европейского, в частности русского, в тенденции к обособлению и изоляции всего национального, в стремлении к сохранению отсталого быта и уклада жизни, болезни нововведений, нарушающих старые обычаи и традиции, а с другой - в признании излишним, бесцельным и в неверии в возможности развития национальной культуры, в нежелании изучать родной бурят-монгольский язык, литературу и письменность, благодаря недооценке национальной культуры, а в деле приобщения к социалистическому строительству трудовой бурят-монгольской массы. Первый уклон препятствует приобщению к общепролетарской культуре и ведет к насаждению узкого национализма, а второй – к отрыву от трудовой массы и продолжению политики русификации. Надо решительно бороться с этими уклонами и, прежде всего в рядах самой партии».

Культурное строительство должно развертываться, с одной стороны путем развития национальной культуры – языка, литературы, письменности, искусства и прочего на основе выявления творческой инициативы трудовой массы и широкой их самостоятельности, наряду с восприятием всех научных достижений у более культурных народов, а с другой стороны – насаждения элементов общепролетарской социалистической культуры путем изучения и усвоения, главным образом, русского языка и литературы, распространения и внедрения

в повседневной жизни культурной обстановки, начиная с пищевого режима, кончая требованиями гигиены и внешней формы общежития. «Надо осуществлять политику не пренебрежения, - говорилось в докладе, - а использование всего того, что имеется полезного в старом культурном наследии. В этом отношении все лояльные культурные силы должны быть привлечены к работе».

Отмстив малочисленность и недостаточную подготовку кадров культурного строительства, особенно руководящих работников, ставилась задача выращивания активистов из самой низовой массы в каждом аймаке и хошуне, чтобы они хорошо знали родной литературный язык и письменность. Подчеркивалась важность поощрения и собирания начинающих талантливых писателей, певцов, музыкантов и художников, организация массовых кружков самодеятельности и самообразования.

Большое внимание уделялось изданию национальной литературы, но не допуская выпуска религиозной литературы. Как недостаток указывался факт увлечения в отдельных районах, особенно в западной части Бурятии, русским языком, что ведет к отрыву местных органов власти от масс бурятского населения. Ставилась задача решительного проведения коренизации государственного аппарата, как в центре республики, так и в аймаках.

В целях преодоления черезполостности и разбросанности территорий предлагалось провести новое районирование, создание административно-территориальных единиц (аймаков-районов, хошунов-волостей, сомонов-первичных единиц) с учетом национального состава населения.

В тезисах подчеркивалось, что «работа по развитию национальной культуры будет обеспечена в основном лишь тогда, когда национализация школ (имеется в виду бурятских - Е.С.) будет осуществлена полностью, когда весь улусный актив культурных работников станет носителем и распространителем для трудовой массы элементов национальной культуры». Далее говорилось, что «в целях успешной работы по развитию национальной культуры надо школьную сеть перестроить строго по национальному признаку».

В документе высоко были оценены роль и значение Бурят-Монгольского ученого комитета (Буручкома) в разработке, изучении и систематизации всех вопросов по развитию культуры. Он был признан единственным учреждением, где концентрируется вся эта работа. Вокруг работы Буручкома должны быть мобилизованы все куль-

турные силы Бурятии.

Привлечение беспартийной лояльной национальной интеллигенции в руководящие советские, профессиональные, кооперативные и другие органы, окружение их максимумом доверия, товарищеского и бережного отношения культу. Была поставлена задача планомерной подготовки и выращивания культурных сил по всем нужным направлениям науки и техники, работников образования, литературы и искусства, как в городах страны, так и на месте в республике. Придавалось большое значение подготовке новых кадров национального учительства в Бурятском педтехникуме. Уделялось внимание развитию физической культуры и спорта, особенно среди бурят.

Важной задачей национально-культурного строительства была провозглашена постановка культурно-воспитательной работы среди женщин, выдвижение из их среды активных деятелей культуры.

Так была сформулирована партийно-государственная политика Бурят-Монгольской АССР в области строительства национальной культуры на ближайшую перспективу. Она исходила из принципиальных положений партийно-государственных документов коммунистической партии и советского государства, руководствовалась принципами партийности и классовости в отношении и к национальной культуре. Основным лозунгом культурного строительства в Бурятии стала борьба за создание социалистической по содержанию и национальной по форме культуре. При этом указывалось, что социалистическая культура будет основываться на демократической культуре бурятского народа. Вся культура, связанная с буддизмом-ламаизмом, объявлялась федерально-клерикальной, с ней необходимо было вести непримиримую борьбу. Все духовно-культурные и бытовые традиции, в какой-то мере связанные с буддизмом, считались враждебными и вредными. Указания о насаждении общепролетарской социалистической культуры в условиях бурятского общества того времени являлись непонятными и нереальными. Эти и другие неправильные, ненаучные положения не могли не рождать крайне негативные последствия, тормозить развитие национальной культуры. Вместе с тем направление на возрождение и развитие народной демократической культуры являлось главным и решающим путем создания национальной культуры. Нельзя отрицать того, что именно этот курс привел к положительным результатам.

Тезисы были изданы отдельной брошюрой⁸ как платформа обкома партии и правительства к культурно-национальному совещанию рес-

публики, состоявшемся в сентябре 1926 г. Среди делегатов совещания были представители партийных, советских, профсоюзных организаций, учреждений науки, культуры и образования, известные деятели культуры, два представителя Монгольской Народной республики. О том, какое значение придавалось совещанию в разработке государственной политики республики в области культурного строительства, свидетельствуют вопросы, предложенные на его рассмотрение:

1. Культурно-национальное строительство Бурреспублики.
2. Доклад о деятельности Буручкама.
3. Монгольская письменность как орудие культурного строительства Бурятии.
4. Вопросы квалификации монгольской языковой культуры.
5. Бурят-монгольская национальная школа и ее задачи.
6. Роль и значение родного языка в бурят-монгольской школе.
7. Перспективный пятилетний план национализации бурят-монгольской школы.
8. Вопросы национально-художественного строительства и перспективы его развития.

9. Доклад Бурпедтехникума, Агинской и Хоринской семилеток.⁹

По первому вопросу с докладом от имени ЦИК и СНК БМАССР выступил председатель правительства М.Н. Ербанов, изложивший основные положения утвержденных обкомом по партии тезисов. Были заслушаны и обсуждены доклады таких видных деятелей науки и культуры Бурятии, как Б.Б. Барадин, П.Н. Данбинов, А.Д. Данилов, Г.Ц. Цыбиков. По многим вопросам шли оживленные дискуссии, высказывались различные точки зрения.

В докладе М.Н. Ербанова утверждалось, что развитие национальной культуры Бурятии возможно лишь при условии тесной связи с Монголией и что «решение таких вопросов, как реформа бурят-монгольского алфавита должно исходить из учета реальной действительности не только одной Бурятии, но и всего Востока». Г.Ц. Цыбиков в докладе «Монгольская письменность как орудие культурного строительства Бурятии» считал нужным сохранить монгольский язык, представляющий собой, по его мнению, почти единственный остаточный фактор, связующий монгольские народности в одно целое. Б.Б. Барадин говорил в докладе, что он и его единомышленники «не считают бурят-монголов за самостоятельную культурную единицу, мыслят их в национально-языковом отношении как неотъемлемую частицу монгольской нации».¹⁰ Эта точка зрения указанных

докладов была встречена с одобрением, такая политика языкового строительства проводилась вплоть до 1930 года.

П.Н. Данбинов в своем докладе «Вопросы национально-художественного строительства и перспективы его развития» проводил мысль, что «национально-художественное искусство: архитектура, живопись, скульптура, орнамент и т.д. наиболее ярко выражено в буддийских дацанах, а поэтому особое самостоятельное изучение дацанского искусства и привлечение художников лам-творцов этого искусства к строительству нового общественно полезного искусства – эта третья наша основная задача».¹¹ В своем выступлении на совещании Б.Б. Барадин высоко отзывался о шаманской поэзии, считая ее одним из важных источников литературы. Совещание согласилось с этими положениями. Но вскоре они были обсуждены.¹²

В целом же культурно-национальное совещание приняло резолюцию, поддерживающую основные положения доклада М.Н. Ербанова, согласованные с тезисами обкома ВПК(б).¹³ Оно послужило важным средством для мобилизации культурной общественности на осуществление партийно-государственной политики.

В это время требовали особого внимания вопросы национальной письменности и литературного языка. Функционировавшие старомонгольская письменность и литературный монгольский язык для значительной части бурят, особенно для западных аймаков, оказались почти недоступными и мало понятными. Монгольский алфавит в определенной мере не соответствовал фонетическому составу бурятского языка: в нем нет знаков, могущих обозначать долготу гласных и палатализацию (смягчение) согласных, а также различных бурятских звуков, гласных и согласных и т.п. В стране в регионах тюрко-монгольских этносов шло движение за латинизацию письменности. После неоднократных обсуждений органы власти республики пришли к выводу, что бурятская общественность положительно относится к принятию латинизированного алфавита. 1 июля 1930 г. ЦИК БМАССР издал декрет, предлагающий всем учреждениям и организациям республики приступить к практической работе по внедрению латинизации. С 1931 года был совершен окончательный переход к латинизированной письменности в Бурятии.¹⁴

В бурятских школах республики изучение родного языка проводилось на новом алфавите. Учебники по бурятскому языку и литературе, художественная литература, газеты на бурятском языке издавались на латинизированном алфавите письменности. Выявлялись су-

шественные недостатки принятого состава азбуки и значительные изъяны в правописании. Проводились лингвистические совещания, на которых обсуждались вопросы совершенствования алфавита и письменности в целом. Принимались различные рекомендации по данной проблеме. В алфавит и правила орфографии были внесены значительные коррективы. В течение 8 лет, с 1931 года по 1938 год, латинизированная письменность получила в Бурятии широкое распространение. Появились значительные произведения бурятской прозы и поэзии, учебники и учебные пособия, изданные на этой письменности. Все больше газет и журналов, массово-политической литературы выходило на новом алфавите. На бурятской письменности велось параллельное делопроизводство в республиканских учреждениях и в ряде аймаков, а также в сельских советах и колхозах. Тем не менее латинизированная бурятская письменность не получила закрепления и дальнейшего развития.

Во второй половине тридцатых годов в национальных республиках и областях Советского Союза возникло и расширялось движение в пользу принятия русского алфавита, кириллицы вместо латинского и других. Большое значение придавалось тому фактору, что национальная письменность на кириллице позволяла учащимся школ и вообще населению легче и лучше усвоить русский литературный язык, овладеть всей литературой – учебной, научной, художественной и производственной на русском языке. Лингвисты доказывали, что знаки русского алфавита могут быть лучше приспособлены к звуковому составу отдельных языков, чем знаки латинского алфавита. Нельзя не учитывать то обстоятельство, что распространение русской графики в стране облегчало обеспечение местных издательств и типографий, значительно снижало издержки государства, связанные с издательским производством.

Вопросы перевода бурятской письменности были неоднократно обсуждены в 1936-1938 годах на лингвистических конференциях, рассмотрены проекты применения русского алфавита в бурятской письменности. На этой основе был сделан вывод о том, что кириллица имеет значительное преимущество перед латиницей при использовании в бурятской письменности.

Президиум Верховного Совета БМ АССР от 1 мая 1939 г. принял указ о переводе бурятской письменности на русский алфавит (кириллицу) и ввел в действие представленный Бурят-Монгольским ГИЯЛИ проект алфавита и основ правописания. Так был решен вопрос о вы-

боре письменности в бурятском языке. Эта письменность, постоянно совершенствуясь и развиваясь, действует до сих пор. Конечно, высказываются отдельные замечания и предложения по внесению частичных изменений в алфавит и правила правописания. Надо полагать, что речь о замене письменности и или о возвращении к старомонгольской письменности не может быть.

Наряду с письменностью на совещаниях лингвистов одновременно ставился вопрос о литературном языке. Выявились различные точки зрения по нему. На совещании, проходившем с 26 февраля по 4 марта 1930 г. специалисты не поддерживали предложение Б.Б. Барадина, направленное на формирование не столько бурятмонгольского, сколько общемонгольского литературного языка. Областной комитет партии, рассмотрев мнение ученых, высказал методологически верную позицию в своем постановлении от 25 февраля 1930 г.: «Мы должны приступить к оформлению БМНЛЯ (бурятмонгольского нового литературного языка), не отрываясь от живого разговорного языка бурят». В тезисах обкома ВКП(б) говорилось: «За основу нового литературного языка должно быть принято какое-либо живое наречие, наиболее богатое (в смысле содержания и стиля), понятное для широких масс».¹⁵ Формирование литературного языка на базе одного из диалектов и обогащения его за счет словарных богатств других диалектов – такова была новая линия, принятая после продолжительного изучения проблемы. Но поиски основополагающего диалекта бурятского литературного языка продолжались. На первое время в основу его был положен так называемый селенгинский диалект, т.е. цонголо-сартульское наречие.

1-7 июля 1936 г. в Улан-Удэ состоялась представительная лингвистическая конференция, на которой были обсуждены актуальные вопросы языкового строительства. С основным докладом об «Итогах языкового строительства» выступил председатель ЦИК БМАССР И. Дампилон. Было отмечено успешное внедрение латинизированной бурятской письменности, преподавания его в школах, издание художественной литературы и ведение параллельного делопроизводства в учреждениях и организациях.

Специально обсудив вопрос о новом литературном языке, было решено принять за основу нового литературного бурятского языка хоринский диалект. Надо отметить, что он один из наиболее широко распространенных среди бурят, по сравнению с другими диалектами, отличавшийся словарным богатством и словообразовательными

средствами. В связи с этим стало возможным решить вопросы об орфографии, грамматической структуре бурятского языка, в основных чертах наметить пути построения терминологии.¹⁶

Так была определена государственная политика о бурятском литературном языке. Началось формирование нового литературного бурятского языка. Оно ускорилось в связи с переходом бурятской письменности на русский алфавит (кириллицу). На литературном бурятском языке стали издаваться оригинальная и переводная учебно-методическая, научно-популярная и общественно-политическая литература. Особое значение имело, конечно, издание художественной литературы. Огромная роль в формировании нового литературного языка принадлежит журналистам и писателям, которые ежедневно занимались этим благородным и творческим делом. Безусловно, постоянно занимались проблемами литературного языка ученые-языковеды, которые обеспечивали научную разработку его нормативных канонов. Филологическая наука Бурятии, в согласии с исторической и философской, пришла к выводу о том, что к концу 50-х годов XX в. свершилось становление литературного бурятского языка. Он стал достаточно зрелым и функционировал во всех сферах жизни бурятского народа. Такое распространение литературного языка в бурятском обществе свидетельствовало о новом уровне в процессе консолидации бурятского этноса, являлось важным условием и фактором формирования его в современную нацию. Вместе с тем следует указать, что жизнь, развитие самой нации выдвигает много новых вопросов совершенствования литературного языка, использования богатств диалектов и говоров, других возможностей развития языка.

В связи с принятием пятилетних планов развития народного хозяйства, с началом социалистической его реконструкции корректировалась государственная политика в области культурного строительства, вносились изменения и дополнения в задания по развитию образования и культуры.

27 мая 1929 г. Центральный Комитет ВКП(б) принял постановление «О состоянии и работе Бурят-Монгольской парторганизации».⁴ В нем указаны задачи парторганизации в области социалистической реконструкции народного хозяйства и культурного строительства. Партийной организации предлагалось сосредоточить особое внимание на задачах ликвидации массовой неграмотности, увеличения охвата школой детей батраков и бедняков, особенно восточных айма-

ков, подготовки и переподготовки учителей бурят из батрацко-бедняцких слоев. Важной задачей партийной организации была признана необходимость усиления работ по созданию национальной массовой литературы, театра, музыки, кино и радио. При решении этой задачи, наряду с использованием старой, лояльно настроенной интеллигенции, предлагалось взять твердый курс на выращивание новых кадров бурятской интеллигенции. ЦК партии обязал парторганизацию усилить наступление на идеологическом фронте.

Постановление ЦК ВКП(б), решения XVI съезда ВКП(б) стали руководством к действию Бурят-Монгольской парторганизации и органов власти республики.

В 1929 и в начале тридцатых годов шла в Бурятии острая дискуссия о путях формирования и развития бурятского искусства и литературы, об их содержании и форме, о культурном наследии. В определении политики по дальнейшему развертыванию культурной революции в этот период важное значение имели решения УП областной партийной конференции (май 1930 г.), партийного совещания по культурному строительству (ноябрь 1930 г.) и пленума обкома партии (сентябрь 1931 г.). На совещании, состоявшемся в ноябре 1930 г., были приняты обширные тезисы по вопросам литературы и искусства.⁵ Они стали партийной платформой в этой области. Большое внимание уделялось собиранию сил творческих работников и созданию творческих союзов, выявление в народе молодых талантов и подготовка кадров. В государственной, культурной политике проводилась линия на формирование социалистической по содержанию, национальной по форме культуры. Подчеркивалось, что все ценное, что создано веками демократической культурой народа, должно быть полностью использовано и развито. При этом указывалось, что устаревшие элементы национальной формы, должны быть отброшены, заменены новыми элементами, приемами и мерами художественного изображения действительности. Подвергались критике отдельные представители интеллигенции, недооценивавшие некоторые элементы народной культуры. Их позиция квалифицировалась как национальный нигилизм, с другой стороны, немало представителей бурятской интеллигенции считали возможным и даже необходимым использовать при создании национального искусства, в особенности театрального и изобразительного, отдельные элементы, средства, формы и методы дацанского искусства. Их позиция была признана буржуазно-националистической и отвергнута. Многие традиции,

обычай и образы в общественной и семейной жизни, в какой-то мере связанные с религией, были объявлены вредными и антинародными. Даже новогодний праздник Сагаалган, отмечавшийся всем народом, был отменен. Эти стороны культурной политики сыграли отрицательную роль, направляя внимание работников культуры на отказ от применения в жизни многих прогрессивных традиций и обычаев народа. Важной положительной чертой этой политики являлось то, что она ориентировала деятелей литературы и искусства на творческое освоение и использование богатых и разнообразных художественных приемов и методов, жанров и видов русской советской культуры, на формирование интернациональных черт культуры бурятского народа с самого начала ее становления. Это было одним из основных направлений развития бурятской культуры.

Говоря о задачах развития литературы и искусства, нельзя не подчеркнуть значение политической линии на всемерное развитие художественной самодеятельности широких масс. Этот курс на подъем творческой активности и инициативы трудящихся, на использование их достижений в формировании профессиональной культуры проводился постоянно и усиливаясь на новых этапах культурного строительства. Художественная самодеятельность стала неисчерпаемым источником развития литературы и искусства.

В последующие годы в соответствии с решениями вышестоящих партийных органов страны вносились коррективы в культурную политику республики, изменялись плановые задания в сторону увеличения их показателей.

В Бурят-Монгольской АССР в 1, 2 и 3 пятилетних планах устанавливались конкретные показатели по развитию народного образования, различных отраслей культуры, идейно-воспитательной работы среди населения. Основные принципы культурной политики сохранялись и проводились в жизнь. Во второй половине тридцатых годов как и во всей стране усилилась идеологическая борьба на культурном фронте. Многие деятели науки и культуры Бурятии были обвинены в буржуазном национализме и панмонголизме, подвергнуты репрессиям. Их труды в области истории и культуры оказались изъятыми и долгое время не использовались. Все это нанесло огромный ущерб национальной культуре. Тем не менее, в республике национально-культурное строительство продолжалось и давало ощутимые результаты.

Примечания.

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1321, 1, д.26, С.81-82.
- ² НАРБ, ф.60, оп.37, д.1; ф.250, оп. 1, д.349.
- ³ Сталин И.В. Соч., т.7, с.139.
- ⁴ НАРБ, ф2, оп. 1, д. 569 а; Ламский вопрос в Бурятии, М., Изд. Бурятского обкома ВКП(б). 1926.
- ⁵ НАРБ, ф. 248, оп. 1. д. 186, лл.39-40
- ⁶ НАРБ, ф-2, оп. 1, д. 720, л.л. 151-169
- ⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17. оп.21, сб. хр. 551, л.л. 306-315
- ⁸ Ербанов М.Н. Вопросы культурно-национального строительства Бурятии (краткий очерк) Вернеудинск; 1926, приложение. С. 34-41.
- ⁹ НАРБ, ф.1, оп.1, д.864, л. 1-3
- ¹⁰ Отдел памятников письменности института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ОПП ИМБиТ СО РАН), инв.№448, л.14-15.
- ¹¹ Там же, инв.№378, лл. 210-11: Цыбиков Г.Ц. Монгольская письменность как орудие национальной культуры.//Бурятисведение, 1926, №1-3, (5-7), с.23.
- ¹² ОПП ИМБиТ СО РАН, инв. № 436, л.12, Барадин Б. Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры. Баку, изд. ВЦКНГА, 1929, с.6.
- ¹³ НАРБ, ф.1, оп.1, д.864, лл. 76-77.
- ¹⁴ Очерки истории культуры Бурятии. Том II, Советский период. – Улан-Удэ, 1974. – С.120.
- ¹⁵ Известия Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) и ВЛКСМ. № 4, 30 июня 1930, с.18.
- ¹⁶ Очерки истории культуры Бурятии, Т.II, С.- 121-124.
- ¹ Известия Центрального комитета ВКП(б). 1929, 14 июня, № 16 (275), С.17-19.
- ¹ Очерки истории Бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ, 1970.- С.232-233.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Т.Е. Комогорцева

Развитие легкой промышленности в трудах ученых Бурятии

История промышленности и промышленных кадров всегда была и остается важной составной частью отечественной истории. Многие талантливые историки Бурятии посвятили свои исследования этим проблемам. Среди работ, имеющих важное методологическое значение, выделяются труды профессоров Е.Е. Тармаханова, Б.С. Санжиева, Т.Е. Санжиевой, М.Н. Халбаева и др.

Монография профессора Е.Е. Тармаханова «Промышленность и рабочий класс советской Бурятии 1938-1958 гг.» ценна методологически и фактическим материалом. Так в его книге говорится о том, что крупная промышленность в Бурятии создавалась почти на пустом месте. Республике приходилось все завозить из других, индустриально развитых районов страны. Рабочего класса и ИТР в Бурятии не было. На темпы индустриализации отрицательно влияли слабая изученность природных богатств, отдаленность республики от промышленных центров и отсутствие транспортных путей. В силу этих особенностей индустриализация Бурятии началась позже, чем в других областях и республиках страны.¹

Анализируя отраслевую структуру промышленного производства, профессор Е.Е. Тармаханов выявляет интересную тенденцию - снижение удельного веса текстильной и кожевенно-обувной промышленности. Но снижение удельного веса в годы пятой пятилетки происходило не только отраслей легкой промышленности, но и электроэнергетики, металлообрабатывающей и пищевой промышленности. За счет чего же? За счет более ускоренного роста лесопереработки и промышленности строительных материалов.² Эти отрасли были в то время основными и определяющими.

В монографии Е.Е. Тармаханова говорится о том, что в годы пятой

пятилетки Улан-Удэнская суконная фабрика стала крупнейшей в Восточной Сибири.³

Большой научный интерес представляет монография профессора Б.С. Санжиева «Сближение наций в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма».⁴ Ученый рассмотрел в своей книге очень важную проблему. Действительно совместная работа представителей различных наций на производстве основательно сближает их, объединяет и укрепляет, воспитывает всеобъемлющее чувство коллективизма.

Б.С. Санжиев создал свой фундаментальный труд на основе анализа большого фактического материала всей Сибири. Он изучил документы всех национальных районов Сибири, многие трудовые коллективы, в том числе и коллективы многих предприятий легкой промышленности. В числе их большой коллектив Улан-Удэнской тонкосуконной фабрики, в составе которого дружно работают вместе и все более сближаются русские, буряты, татары, эвенки и представители многих других национальностей.

В монографии Б.С. Санжиева освещаются вопросы развития легкой промышленности в национальных районах Сибири, в частности, в Бурятии. В ней говорится о том, что успешно развиваются промышленные предприятия, базирующиеся на сырье главной отрасли сельского хозяйства этой республики - животноводстве: уже упомянутая выше Улан-Удэнская тонкосуконная фабрика, Кяхтинская прядильно-трикотажная фабрика, фабрика первичной обработки шерсти, кожевенные заводы. Улан-Удэнская тонкосуконная фабрика поставляет потребителям шерстяные ткани улучшенного качества, модной структуры и окраски.⁵ Б.С. Санжиев писал о том, что в годы семилетки расширилась сеть и продолжала расти мощность предприятий по производству шерсти, трикотажа, хлопчатобумажных изделий.⁶

Профессор Т.Е. Санжиева основательно изучила топливно-энергетический комплекс национальных республик Сибири и его влияние на их социально-экономическое развитие в 1960-1985 годах. А влияние топливно-энергетического комплекса на индустриальное и социальное развитие сибирских регионов огромно, т. к. все промышленные предприятия особенно в зонах нового освоения создаются на базе энергетических центров. В том числе и предприятия легкой промышленности.⁷

Вопросы развития легкой промышленности рассматриваются в работах профессора М.Н. Халбаева и кандидата исторических наук

М.М.Халбаевой.⁸ В них на основе глубокого анализа документальных материалов центральных и местных архивов рассмотрен целый комплекс взаимосвязанных вопросов индустриального развития национальных районов и, в частности, республики Бурятия. В числе их строительство и реконструкция промышленных предприятий, внедрение новой техники и передовой технологии, качественные и количественные изменения состава рабочих кадров и инженерно-технических работников, проблемы повышения эффективности производства.

Профессор М.Н. Халбаев не без основания заявил, что в 60-х годах наступил качественно новый этап в индустриальном росте автономных республик и областей. В них создавались новые отрасли промышленности, получивших дальнейшее развитие, в их числе названа и легкая индустрия. Среди вновь строящихся и введенных в действие крупных промышленных предприятий упомянуты Черногорский камвольно-суконный комбинат, трикотажные и обувная фабрики в Абакане, фабрика первичной обработки шерсти в Улан-Уде, Кяхтинская прядильная фабрика, кожевенный комбинат в Якутске, швейные фабрики в ряде районов.⁹

М.Н.Халбаев отметил, что коллективы предприятий легкой промышленности накопили большой опыт в борьбе за качество. Более 90 % товаров, произведенных на ткацкой, гардинно-тюлевой и швейной фабриках Горного Алтая выпускалось с высшим качеством.¹⁰ В его книге опубликованы и другие важные сведения по нашей теме.

М.М. Халбаева в своей монографии «Промышленное развитие Бурятии: опыт и проблемы 70-х годов» уделила большое внимание проблемам развития легкой промышленности. Характеризуя тот период, автор относит легкую индустрию к тем отраслям промышленности, которые развивались опережающими темпами. М.М. Халбаева показывает это в сравнительной таблице, в которой наглядно видно, что легкая промышленность Бурятии имела в 70-е годы не только более высокие темпы роста, чем другие отрасли промышленности в общем объеме промышленного производства за десять лет с 1970 по 1980 гг. с 26,8 % до 29,7 % в Бурятии и снижение в СССР с 18,9 % до 15,9 %.¹¹

Проблемы истории развития легкой промышленности в Бурятии 1970-х годов нашли отражение во всех разделах монографии М.М. Халбаевой, очень добросовестного профессионального историка, аб-

солютно свободной от конъюнктуры.

В 2000 году была опубликована монография доктора исторических наук М.Н. Балдано «Промышленное развитие Республики Бурятия в 1960-1985 гг.: итоги и проблемы».¹² М.Н. Балдано давно и основательно работает над историей индустриального развития данного региона. В своей работе она комплексно освещает все отрасли промышленности, технический прогресс, рост объема производства промышленной продукции. Большое внимание уделено кадрам промышленных рабочих. В этом разделе анализируются рост численности и улучшения качественного состава рабочих, их производственная активность и материальное благосостояние.

Все эти вопросы рассмотрены наряду с другими отраслями промышленности и в легкой индустрии республики. М.Н. Балдано уделила серьезное внимание реконструкции Улац-Удонского тонкосуконного комбината, швейного производственного объединения «Туяна», швейного объединения «Байкал» и других предприятий легкой промышленности. В результате изучения данной темы М.Н. Балдано пришла к выводу о том, что легкая промышленность Бурятии развивалась ускоренными темпами, по удельному весу продукции она и вышла на первое место в республике, достигнув 29,8 %. Только за десять лет легкая промышленность увеличила производство продукции в 3,3 раза.¹³

М.Н. Балдано внесла существенный вклад в изучение рабочих кадров легкой промышленности Бурятии, их производственной активности, участия в соревновании и в техническом творчестве.

В 1980 году была опубликована монография кандидата исторических наук Б. В. Беликова «Повышение культурно-технического уровня рабочего класса Бурятии в период развитого социализма».¹⁴ Автор монографии рассматривает проблему за 1959-1975 годы. Он справедливо подмечает, что в том периоде социальная структура населения Бурятии значительно изменилась. Уже в 1959 году рабочие среди всего населения Бурятии составляли 52,6%, а в 1970 году уже 63%.¹⁵ Это результат интенсивного индустриального роста. Дальнейшее промышленное развитие обусловило еще большее увеличение доли рабочих в социальной структуре населения республики. При этом отмечает В.В.Беликов, удельный вес рабочего класса в социальной структуре как занятого, так и всего населения Бурятии в 1970 году был выше, чем в РСФСР и в стране в целом.

Интересны наблюдения В.В. Беликова и в вопросах производст-

венной активности трудовых коллективов. В его книге говорится о том, что в 1973 году продолжалось соревнование коллектива Улан-Удэнской тонкосуконной фабрики с коллективом Купавинской тонкосуконной фабрики, Свердловской швейной фабрикой «Одежда». Был заключен договор о соревновании с Читинским камвольносуконным комбинатом. Соревнование коллективов - смежников способствовало повышению эффективности производства. В дальнейшем трудовое состязание промышленных коллективов получило еще больший размах.¹⁶ Вопросы развития легкой индустрии нашли свое отражение и в трудах экономистов.

В 1965 году в Бурятии опубликована монография Г.Ш. Раднаева «Пути развития легкой и пищевой промышленности Бурятской АССР».¹⁷ В первой части этой небольшой монографии освещены вопросы развития легкой промышленности. Приводятся данные о том, что в составе легкой промышленности Бурятской республики в 1962 году были также отрасли как: текстильная, в том числе шерстяная, трикотажная, валяльно-войлочная, швейная, кожевенная, меховая и обувная. Наибольший удельный вес в производстве из них занимала текстильная промышленность, которая имела в своем составе 6 предприятий, а работников в отрасли было занято 6 тысяч человек.¹⁸ Г.Ш.Раднаев сделал вывод о том, что легкая промышленность Бурятии была тогда рентабельная, хотя несколько предприятий в ней были убыточными, перспективы же отрасли были хорошими.

Интересные сведения по истории легкой промышленности содержит книга К.М. Продавойды «Индустриальная поступь Бурятии».¹⁹ В ней говорится о том, что в годы восьмой и девятой пятилеток (1966-1975) развитие легкой промышленности в Бурятии осуществлялось как за счет строительства новых предприятий, так и по пути расширения, технического перевооружения действующих. Причем для восьмой и девятой пятилеток главным направлением увеличения производства продукции для легкой промышленности было второе направление, т. е. расширение и техническое перевооружение действующих предприятий. В тот период осваивались производственные мощности построенной в годы семилетки Улан-Удэнской фабрики первичной обработки шерсти, и обеспечивалось быстрое развитие производства на всех других предприятиях отрасли. Сообщается, что фабрика первичной обработки шерсти была введена в эксплуатацию в 1963 году и первое время работы не выполняла производственных заданий. Так, в 1964 году годовой план был выполнен только на

49,5% и выпущено 2066 тонн мытой шерсти.²⁰ Тщательное изучение и инженерная проверка производственного процесса показали, что фабрика нуждается в реконструкции, что и было сделано.

Техническая реконструкция была осуществлена и на предприятиях текстильной, обувной и швейной отраслях легкой промышленности. Были приняты меры по специализации кадров. В результате производительность труда работников легкой промышленности Бурятии повысилась за восьмую пятилетку на 45 %. Это всего на 1 % меньше средних показателей всей промышленности республики.²¹

История развития легкой промышленности и рабочего класса Бурятии нашла отражение в ряде диссертационных работ. Кандидатскую диссертацию о деятельности партийных организаций Восточной Сибири по развитию легкой промышленности в 1971-1980 гг. защитила в 1990 году Л.Б. Жабаева.

Л.Б. Жабаева отмечает: «Историографический анализ позволяет сделать следующие выводы: во-первых, преобладающее большинство монографий, брошюр освещают развитие легкой промышленности преимущественно в плане экономической науки и гражданской истории. Лишь в отдельных работах прослеживается историко-партийный подход к изучению проблемы, причем значительное число исследований ограничивается в основном началом 1970-х годов... Написанные соответствующие работы имеют узкие исторические рамки и диапазоны...».²² Заметим только, что не только уж «большинство», тем более «преобладающее». Работ по истории развития легкой промышленности Восточной Сибири очень мало, а в остальном все правильно. В кандидатской диссертации Л.Б. Жабаевой наряду с освещением деятельности партийных организаций рассмотрены вопросы увеличения производственных мощностей и роста кадров на предприятиях легкой промышленности Восточной Сибири. Причем вопросы эти изучены на основе документальных данных архивных фондов. Именно это было оценено нами позитивно при оппонировании данной диссертации.

В 2000 году кандидатскую диссертацию по теме: «Развитие легкой и пищевой промышленности Бурятии в 1965-1985 годы» защитила Т.Д. Башинова.

Анализируя автореферат, с некоторыми положениями автора трудно согласиться. Так, Т.Д. Башинова, оценивая работы предшественников по теме исследования, пишет, что в них «затушевывались нарастающие негативные явления в экономике, большей частью от-

существовал критический анализ имевших место противоречий ...». «В них не хватает анализа негативных тенденций социально-экономического развития страны и изучаемого региона, искусственно выпячиваются успехи и достижения «периода развитого социализма».²³

Диссертация Т.Д. Башиновой, судя по реферату состоит из двух глав. Первая глава посвящена материально-технической базе. В ней говорится о том, что «за пятилетки (1965-1985 гг.) в строй действующих вошли предприятия промышленности группы «Б». По своим размерам выделялись Улан-Удэнский тонкосуконный комбинат ..., фабрика первичной обработки шерсти...».²⁴ Однако здесь допущена неточность, данные предприятия вошли в строй действующих значительно раньше. Улан-Удэнская суконная фабрика в 1946 году, а ПОИ в 1963 году, затем в 1974 году путем объединения этих двух предприятий стал функционировать Улан-Удэнский тонкосуконный комбинат. В заключении, подводя итоги, автор делает вывод: «Таким образом, итог развития легкой и пищевой промышленности Бурятии в 1965-1985 годах – прямой результат сложившейся в СССР мобилизационной экономики человека».²⁵ С этим выводом тоже нельзя согласиться, т.к. потребности человека как раз ставились в центр внимания, а вот слабо изучался его спрос, а предприятия легкой промышленности часто выпускали продукцию низкого качества, которая не отвечала потребностям человека. А в целом работа имеет определенную ценность, т.к. Бурятия это один из важнейших регионов страны. Работа выполнена на основе широкого круга источников.

Таким образом, проведенный анализ литературы показывает, что для изучения проблемы развития легкой промышленности имеется серьезная историографическая база. В Бурятии издано большое количество работ, посвященных изучению различных аспектов этой проблемы. Историки и экономисты республики внесли значительный вклад по изучению индустриального развития и формирования кадрового потенциала.

Примечания.

¹ Тармаханов Е.Е. Промышленность и рабочий класс советской Бурятии. 1938-1958. - Новосибирск, 1979. - С. 17-18.

² Там же, С. 154.

³ Там же, С. 173.

⁴ Санжиев Б.С. Сближение наций в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма (по материалам Сибири). - Улан-Удэ, 1966.

- ⁵ Там же, С. 130.
- ⁶ Там же, С. 70.
- ⁷ Савжиева Т.Е. Топливо-экономический комплекс Сибири и его влияние на их социально-экономическое развитие. 1960-1985.-Улап-Удэ, 1996.
- ⁸ Халбиев М.Н. Индустриальное развитие районов Сибири. 1959-1970.- Новосибирск, 1978.
- ⁹ Там же, С. 91.
- ¹⁰ Там же, С.219.
- ¹¹ Халбасва М.М. Промышленное развитие Бурятии: опыт и проблемы 70-х годов.- Улан-Удэ, 1993.-С. 6.
- ¹² Балдано М.Н. Промышленное развитие Республики Бурятия в 1960-1985 гг.: итоги и проблемы.- Улан-Удэ, 2000.
- ¹³ Там же,С. 58-59.
- ¹⁴ Беликов В.В. Повышение культурно-технического уровня рабочего класса Бурятии в период развитого социализма.- Улан-Удэ, 1980.
- ¹⁵ Там же, С. 11.
- ¹⁶ Там же, С. 90.
- ¹⁷ Раднаев Г.Ш. Пути развития легкой и пищевой промышленности Бурятской АССР.- Улан-Удэ, 1965.
- ¹⁸ Там же,С. 20.
- ¹⁹ Продавойда К.М. Индустриальная поступь Бурятии.- Улан-Удэ, 1974.
- ²⁰ Там же, С. 121.
- ²¹ Там же, С. 20.
- ²² Жабасва Л.Б. Опыт деятельности партийных организаций Восточной Сибири по развитию легкой промышленности в 1971-1980 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.- Иркутск. 1990.-С. 10.
- ²³ Башинова Т.Д. Развитие легкой и пищевой промышленности Бурятии в 1965-1985 гг. Автореферат.- Улан-Удэ, 2000.-С. 7.
- ²⁴ Там же, С.14.
- ²⁵ Там же, С.22.

С.В. Васильева

Исторические источники о свободе вероисповедания старообрядцев Забайкалья в начале XX века

Создание исчерпывающей исторической ретроспективы проблемы религиозных прав в государстве, на территории которого проживают представители многих конфессий, зависит от наличия исследований, посвященных отдельным вероисповеданиям.¹ Представленная работа рассматривает вопрос о правовом положении старообрядцев в Забайкалье после провозглашения в 1905 году принципа веротерпимости.²

1905-1917 годы зачастую образно называют «серебряным веком» старообрядчества. В 1905-1906 гг. правительством было предпринят ряд шагов для утверждения веротерпимости, в том числе и по отно-

шению к старообрядцам. Источники отмечают, что Манифест 17 апреля 1905 года и Указ о старообрядческих общинах 17 октября 1906 г. ликвидировали дискриминацию религиозных меньшинств. В предреволюционное десятилетие старообрядцы более свободно, нежели прежде, могли устраивать богослужения, строить часовни, моленные дома и церкви, создавать школы и печатать книги.³

Практически все исследования, посвященные периоду истории старообрядчества, отмечали различные проявления свободы на занятие религиозной деятельностью и обеспечение средств для нее, в то время, как почти без внимания остался другой аспект – нарушение провозглашенных свобод. Все вышесказанное приводит нас к необходимости еще раз подробно рассмотреть, какие права старообрядцы получили после издания указанных законов, и насколько реальна была возможность их использования.

Предполагается исследование гражданского права в двух его проявлениях: во-первых, в виде сформулированных законов, а во-вторых, в виде результатов практического их применения. Проблема определения того, как «работала» та или иная норма и законодательство в целом, может быть решена методом сравнения права, зафиксированного в законах, с реалиями, отраженными в документах.

Чтобы определить, какую роль сыграли изменения в законодательстве и эволюции права староверов на свободу вероисповедания, необходимо рассмотреть комплекс следующих документов:

1. Законодательные акты: а) Манифест 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания. Он состоит из Именного указа о свободе вероисповедания и «Высочайше утвержденных Положений Комитета министров об укреплении начал веротерпимости»; б) Указ о старообрядческих общинах 17 октября 1906 г.⁴

Изучение юридических источников позволяет установить, какие права предоставлялись старообрядцам, какой была свобода вероисповедания по определению этих законов.

2. Делопроизводственная документация местных государственных органов. В основном это документы, хранящиеся в местных архивах: а) Дела губернаторов и губернских правлений, связанные с прошениями старообрядцев; б) Дела окружных судов, возбужденные по факту нарушения законодательства; в) дела духовной консистории: рапорты священников о нарушении старообрядцами каких-либо законов; документы, разрешающие переход («отчисление») из православия в старообрядчество.

3. Документы, раскрывающие отношение самих старообрядцев к полученным правам: их прошения в инстанции гражданской власти, материалы местных соборов, статьи в местной старообрядческой периодике.

Изучение данного комплекса источников позволяет выявить основные характеристики реализации религиозных прав старообрядцев после провозглашения в 1905 году политики веротерпимости.

Правовое положение старообрядцев в середине-второй половине XIX века определялось несколькими законодательными актами. Согласно дополнениям, внесенным в Уложение о наказаниях в 1845 г. население страны было разделено по религиозному признаку на четыре неравные перед законом категории: 1. православные; 2. исповедующие другие христианские религии; 3. «отпадшие в ереси и раскол»; 4. приверженцы нехристианских религий.

Переход из одной веры в другую. Кроме перехода в православие и проповедование любой другой религии влекли за собой возбуждение церковными властями расследования.

Указ от 19 апреля 1874 г. определял «правила ведения метрических книг раскольников»⁵, Указ от 3 мая 1883 года представлял старообрядцам право более свободного, нежели прежде, исповедания своей веры, так например, с разрешения властей можно было строить моленные дома (но без крестов и куполов) и проводить богослужения без устройства крестных ходов и общественных церемоний, чтобы таким образом в староверие не «сворачивались» православные. Подобная либерализация законодательства создала ситуацию, когда при «гарантированной терпимости» старообрядцы не имели даже тех прав, которые были у исповедующих «иностранные» или языческие религии: кроме запрета «публичного оказательства раскола», им не дозволялось устраивать свои типографии и печатать в них богослужбные книги, иметь особые иконы и священные изображения; вступление старообрядцев в иконописные цеха могло состояться только с разрешения министра внутренних дел и, наконец, у староверов не было даже права приема «лиц неправославных исповеданий», добровольно пожелавших присоединиться к их вере.⁶

Дальнейшие изменения в области законодательства, касающиеся религиозных прав, произошли в 1905-1906 гг. Указом императора от 17 апреля 1905 года было отменено употребление термина «раскольник». В церковной периодической печати, например в журнале «Миссионерское обозрение», этот термин после 1905 г. действитель-

но перестали употреблять, однако сохранили все остальные однокоренные слова: один из журналов по-прежнему назывался «Расколоведение», белокрыницкую иерархию именовали «австрийским расколом», встречались «Клевета раскольничий брошюры» и «раскольничьи деятели».⁷

«Положение об укреплении начал веротерпимости» и последовавший через полтора года, «Указ о старообрядческих общинах» (17 октября 1906 г) провозглашали право свободного исповедания.

Для того чтобы представить, как трактовались данными двумя законами свобода вероисповедания, следует обратиться к основным формулировкам провозглашенных прав и данным источников об условиях их осуществления.

1. Право свободного перехода в старообрядчество.

Согласно провозглашенным правам человек мог свободно исповедовать избранную религию, но только по достижении им 21 года, а до этого возраста он должен был, несмотря на свои воззрения, оставаться в той вере, в которой крещен. Однако это условие действовало только в случае с переходом из православия официальной церкви в старообрядчество. Если же, появлялись желающие из среды старообрядчества присоединиться к православию, то возраст не играл никакой роли, переход совершался вне зависимости от достижения желающим совершеннолетия.

Более того, на практике даже совершеннолетний гражданин реализовать свое право свободного перехода в старообрядчество мог не сразу, а лишь после исполнения процедуры, установленной циркуляром МВД № 4628 от 18 августа 1905 года.⁸ Сначала каждому желающему необходимо было подать губернатору заявление о переходе с приложением метрической выписки о крещении и возрасте. После получения такого прошения губернатор запрашивал духовную консисторию, не видит ли она препятствий к исключению просителя из списков православных господствующей церкви и причисления его к старообрядчеству. Консистория проверяла правильность информации, представленной в выписке из метрической книги. До отмены государственным Советом 14 марта 1906 г. статьи 56 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, требовалось еще провести увещание «уклоняющегося», чтобы убедить его отказаться от заблуждений и остаться в прежней вере. Далее, если возраст был указан правильно, данный человек исключался из списков православных, о чем консистория сообщала губернатору, который, в свою оче-

редь, в письменном виде извещал просителя.⁹

Насколько востребованным было это право в Забайкалье, можно проследить, обратившись к документам фонда 50 Губернского правления в Государственном архиве Иркутской области. На каждое прошение заводилось отдельное дело. Всего их сохранилось 78. Однако обращений таких было, как видно, не очень много. Даже в таком компактно-заселенном старообрядцами регионе, как Забайкалье.

Возможно, все дело было в громоздкой и длительной процедуре разрешения перехода. Очень часто заявление с первого раза принималось не всегда. Кроме отсутствия в прошении ряда данных, препятствиями для его приема часто были недоплата или отсутствие гербового сбора. По этим причинам срок рассмотрения дела об отчислении в старообрядчество увеличивался, иногда на два месяца, а иногда и до полутора лет.

Следствием такой практики довольно распространенным явлением был переход в старообрядчество без подачи заявления. Будучи не знакомыми, с полным текстов указов, но зная, что этими актами «объявлена свобода старообрядчеству», многие из «формально православных» староверов полагали, что теперь они могут на законных основаниях считать себя старообрядцами. Исходя из таких убеждений, они в дальнейшем обращались за исполнением треб уже не в православную церковь, а к старообрядческому священнику или наставнику.

Переход в старообрядчество очень часто был связан с намерением вступить в брак. Хотя законом «смешанные браки не запрещались»,¹⁰ традиционно считалось, что муж и жена должны быть одной веры. Поэтому одному из будущих супругов приходилось менять вероисповедание. Кроме того, существовал законодательно закрепленный вариант неравноправия приверженцев старообрядчества по сравнению с православными официальной церкви. Право перехода в староверие граждане получали только по достижении совершеннолетия – 21 года, а для перехода в православие никаких возрастных ограничений не было. По этой причине иногда возникали затруднительные ситуации. Например, когда старообрядец выбирал себе в жены девушку из православной семьи, брак не мог быть заключен, если ей не исполнился 21, когда она может перейти в его веру. Однако обычно возраст девушки «на выданье» был ниже 21 года.¹¹

В фондах Иркутской духовной консистории неоднократно встречаются документы следующего содержания:

«... извольте быть известны, что заседатель Загворницкий 48 душ раскольников беспоповской секты, проживающих в Укырском селе-нии, Гутайской слободы убедил принять православие».

«... он объясняет, что из числа означенных раскольников 30 человек приняли обряд христианский, а остальные Гаврило Афанасьев и Лука Елесеев с семейством, состоящими из 11 человек, совсем отказались от принятия Православия, несмотря на данную имя подписку отзывались тем, что после того одумались ...».¹²

Поэтому следует сделать вывод, что в случае с реализацией права перехода в старообрядчество, возникало немало препятствий.

2. Право образовывать старообрядческие общины.¹³

Под «общинной» закон подразумевал общество последователей одного вероучения не менее 25 человек, имеющее целью удовлетворение религиозных, просветительных, нравственных и благотворительных потребностей его членов, собирающихся в храме, молитвенном доме или ином помещении для общей молитвы. Закон определял избрание совета общины, назначение духовного руководителя, ведение документации.

Согласно законодательству, полномочия по регистрации, проверке деятельности и закрытию старообрядческой общины, принадлежали гражданским властям, а именно – губернаторской администрации, действия которой, можно было обжаловать только в Сенате.

Сохранившиеся дела светских и церковных учреждений: губернских статистических комитетов, правлений, окружных судов, духовных консисторий и департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД свидетельствуют о том, что право регистрации общин также было востребовано. Однако кроме тенденции увеличения числа официально зарегистрированных общин, наблюдается и возникновение другого направления, так называемого противообщинного (в Забайкалье в статистических документах их называют – необщинники). Для обоснования факта появления названия «противообщинники» старообрядцы приводили следующие доводы: «Через посредство общин всех старообрядцев обобщат с великороссийской церковью; община открывается с разрешения гражданских властей, значит эти гражданские власти оставляют за собой право контролировать общины, а следовательно и притесняют; Указ 1906 г. издан не от Евангелия и не согласован с преданием св. отцов; Указ издан не христианами, а неправильно верующими; как можно допускать, чтобы настоятели общины утверждались губернаторами, которые нередко являются

протестантами или католиками». Так, по данным Верхнеудинского правления за 1906 г. общее число старообрядцев составляло – 20736, число общинников – 3885, число не общинников – 16821 чел.¹⁴

В действительности, во многом опасения противообщинников были верны. Существование зарегистрированных общин было связано с соблюдением жестких и часто формальных правил. Избрание нового наставника или изменение состава Совета общины должно было проводиться только согласно порядку. Обычно на старообрядческих соборах решения принимались простым большинством голосов. Указ 1906 г. требовал по ряду принципиальных вопросов закрытого голосования, а в некоторых случаях одобрение 2/3 присутствующих на собрании.

Кроме всего прочего, наставники всех зарегистрированных общин были обязаны вести метрические книги, записывая в них все рождения, браки и смерти в семьях членов общины и становились звеном в государственной системе учета населения. По всем случаям неправильного исполнения треб проводились расследования, и виновные несли соответствующее проступку наказание. Поэтому неудивительно, что старообрядческие наставники стремились уклоняться от подобной работы, к тому же некоторая часть староверов всегда с большим подозрением относилась к записи в какие-либо учетные документы.

Можно предположить, что главным образом по этой причине старообрядцы села Бичура игнорировали регистрацию общин и ведение метрических книг, утверждая, что «официальность общины не согласуется с духом их толка и не имеется совершенно никакой надобности в существовании общины».¹⁵ Очевидно, все эти обстоятельства способствовали тому, что часть старообрядцев вообще не спешила воспользоваться свободами, дарованными Положением 17 октября 1906, считая вполне удовлетворительным существование общины, и вовсе необязательным получение юридического статуса.

Таким образом, исследование механизма осуществления права личности на свободу вероисповедания в период 1905-1917 гг. на примере старообрядцев Забайкалья свидетельствует о том, что существовало немало препятствий и ограничений для пользования этим правом. Значительную роль в данной ситуации играло несовершенство законодательства, сохраняющего господствующее положение официального православия и неравноправие по сравнению с ним представителей других вер. Через 10 лет после провозглашения веро-

терпимости старообрядцы восклицали: «...дерево свободы, посаженное царской властью в 1905 году не развилось и почти ничуть не выросло за это время, оно зачахло, у него обломали немногочисленные ростки циркуляры и различного рода министерские разъяснения... осталось ободранное голое дерево, тенью и защитой которого представляется нам пользоваться».¹⁶

Примечания.

¹ Литтл Д. Изучение религиозных нрав человека: методологические основания // Права человека и религия С.169.

² Забайкалье является одним из крупных старообрядческих центров Восточной Сибири и Дальнего Востока. К концу 1911 г. старообрядческое население Забайкалья насчитывало 54,8 тыс.человек, что составляло 70,7 % от старообрядческого населения указного региона.

³ Шапов Я.Н. Старообрядцы в Москве между двумя революциями (1905-1917 гг.) М., 1999. Поздесва И.В. Русское старообрядчество в Москве в начале XX века // Мир старообрядчества. Вып.2. М.1995.

⁴ Полный текст Манифеста 17 апреля 1905 г. см.: Церковные ведомости. 1905.№18. С.126-134; Указ 17 октября 1906 г. цит. по: Свод законов Российской империи по ред. и с прим. И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн.1.-Т.1.СПб.-1912.-С.201-206.

⁵ Согласно Указу от 19 апреля 1874 года, метрические книги раскольников должны были заполняться в местных полицейских отделениях. В такие книги записались сведения о рождении, браке и смерти, сведения эти предоставлялись самими старообрядцами и по их желанию (Свод законов российской империи Кн.3 Т.1Х.С.108-111. Положения Указа 3 мая 1883 г. вошли в различные разделы законодательства. (см. Свод законов Российской империи Кн.3.Т.34,73.Кн.5 Т.ХIV.С.18,103.)

⁶ Рейснер М.А. Государство и верующая личность. СПб., 1909. С.195.

⁷ Миссионерское обозрение 1907. С.III-IV (оглавление).

⁸ РГИА Ф.1263. Оп.1.Д.2971.Л.119.

⁹ ГАИО.Ф.50.Оп.1. Д.5133.Л77.

¹⁰ Старообрядцы в праве заключения смешанных браков уравнивались с лицами «инославных» исповеданий Однако, требовалось, чтобы обряд венчания был произведен сначала в православной церкви, и только потом уже старообрядческим духовным лицом. При этом перед бракосочетанием православный священник брал у «инославного лица» подписку в том, что дети от этого брака будут крещены и воспитываемы в православии. (Свод законов.Кн.4.Т.Х.С.7.Законы гражданские.Ст.67).

¹¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-началоXIX вв.) Т.1.СПб., 1999.С.168-169.

¹² ГАИО Ф.50.Оп.1.Д.6062.Л.9.

¹³ Свод Законов. Кн.3.Т.Х.Ч.1.С.36. Законы гражданские. Ст.413 прим. (17 октября 1906 г.). Присвоить религиозным обществам старообрядцев наименование общины.

¹⁴ НАРБ.Ф.337.Д.8134.Л.86.

¹⁵ НАРБ.Ф.337.Д.8134.Л.89.

¹⁶ Старообрядцы и свобода // Слово церкви. 1916. № 19. С.428-429.

Исторические источники о демографических процессах в Бурятии 1920-1930-х гг.

По характеру получаемой информации, источники, которые используются при исследовании данной темы, можно разделить на следующие группы¹:

1. Материалы переписей населения и другие статистические источники.
2. Научные публикации и справочные издания.
3. Документы и материалы советских, партийных органов и общественных организаций.
4. Периодические издания.

Центральное место среди источников по истории народонаселения занимают перепись населения и материалы текущей статистики. Эта группа источников предоставляет нам самые полные и достоверные сведения о населении. Данные текущего учета и переписей населения взаимно дополняются и могут использоваться совместно. Только зная количество рождений, смертей и переездов с места на место, можно рассчитать численность населения в межпереписные периоды. Владение информацией о численности и движении населения позволяет вычислить относительные показатели демографических процессов.

Важные сведения предоставляет первая советская перепись 1920 г. и перепись 1923 г. Зафиксированные материалы о населении России позволяют выявить демографические последствия первой мировой и гражданской войны, революции 1917 г. Опираясь на информацию первых переписей можно определить примерную численность населения Бурятии к моменту образования национальной автономии, половой и национальный состав. К сожалению, перепись 1920 г. была проведена в условиях гражданской войны и создания органов советской статистики. Поэтому мы не можем считать эти сведения достоверными. Тем более что она не охватывала значительную часть Бурятии входившей тогда в состав ДВР. В свою очередь перепись 1923 г. не проводилась в западных районах Бурятии.

Наиболее точную информацию предоставляют нам материалы первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. Результаты переписи послужили основой для анализа дальнейшего развития населения.

Она тем более важна, что в последующие годы был налажен учет естественного движения населения. Вместе это позволяет нам исчислять не только численность населения Бурятии, но и коэффициенты рождаемости и смертности. Тогда же были получены наиболее достоверные сведения об этническом составе населения. В качестве критерия определения национальности, здесь использовался принцип самоопределения опрашиваемого. Впервые были получены точные данные о численности бурятского населения, позволяющие проследить дальнейшую динамику.

Важные сведения предоставляет перепись 1937 г. Для Бурятии она имеет особое значение, поскольку была проведена незадолго до территориального раздела республики. На протяжении длительного времени итоги переписи считались недействительными, а вся информация по ней скрыта от общественности. Главная причина заключалась в значительно меньшей цифре численности населения, нежели прогнозировали государственные органы. Эти сведения были яркой иллюстрацией потерь населения в годы коллективизации и раскулачивания, последовавших за этим голода и репрессий. Современные исследователи считают, что недоучет в переписи 1937 г. колебался в пределах 0,3-0,4%, что не превышает аналогичный показатель других советских переписей.² Учитывая довольно высокую точность, ее можно считать достоверным источником изучения населения Бурятии.

Вместе с тем, следует отметить, что в сведения о численности населения были включены данные спецпереписи проведенной Наркоматом обороны и НКВД СССР. Поэтому реальная численность гражданского населения Бурятии была меньше. В состав так называемого спецконтингента входили: заключенные, трудопоселенцы проживающие в зоне, временно задержанные, личный состав НКВД.³ Всего перепись спецконтингента НКВД в 1937г. выявило 6606 чел. в том числе 2012 в г. Улан-Удэ.⁴ Данные переписи ценны для нас тем, что позволяют проследить динамику бурятского населения в период между переписью 1926г. и 1937г. в одинаковых территориальных рамках, до раздела республики. Анализ численности выявляет значительное сокращение численности бурят с 215 тыс. чел. в 1926 г. до 189,5 тыс. чел. в 1937 г.⁵

Обширные материалы предоставляет перепись 1939 г. Численность населения Бурятии на момент переписи составляла 545766 чел.⁶ В отличие от переписи 1937 г. состав контингента по линии НКВД увеличился и составил 46470 чел. Из этого количества около

30 тыс. чел. были перераспределены в другие области, поэтому реальная численность всего населения была больше. Кроме того, так как, перепись была проведена уже после территориального раздела, то при сопоставлении числовых данных с переписью 1926 г. необходимо учитывать этот факт.

Особое место среди статистических источников занимает текущий учет населения. Если перепись фиксирует состояние населения на конкретный момент, то материалы текущего учета позволяют нам получать сведения о движении населения в определенный период. Сведения текущего учета формировались с помощью регистрации актов рождения, смерти, заключения брака, перемены места жительства. Специально созданная для этого система государственных учреждений не всегда справлялась со своими функциями.

Несмотря на улучшение регистрации естественного движения населения во второй половине 1920-х гг., определенный недоучет все же сохранялся. Размер суммарной поправки на неполноту учета в 1927-1929 гг., которую приводят современные исследователи, по рождаемости составляет 23,8%, смертности - 59,7%.⁷

Регистрация естественного движения населения еще более ухудшилась в первой половине 1930-х гг. Начальник ЦУНХУ (Центральное управление народнохозяйственного учета) Госплана СССР И.А. Краваль отмечал совершенно неудовлетворительное состояние текущего учета населения. По его мнению: «Источником ошибок текущего учета населения служила исключительно плохо организованная система загсовой регистрации рождаемости и смертности. До 1933 г. работа ЗАГСов была настолько плоха, что нельзя даже установить, к какому кругу ЗАГСов относятся имеющиеся сведения и какой процент населения они охватывают. Только после специального решения ЦК ВКП (б) сеть ЗАГСов была передана НКВД и ее работа стала постепенно налаживаться». ⁸ Поправка на недоучет за период с 1930-1933 гг. установленный исследователями составляет по рождаемости 41,5%, смертности 93,5%. В последующие годы недоучет составил 16,4% по рождаемости, 23,5% по смертности. ⁹

В Бурятии текущий учет естественного движения в первой половине 1930-х гг. практически не велся. Архивные данные регистрации населения за эти годы отсутствуют. Найденные сведения по 1930 г. и 1931 г. носят отрывочный характер и не поддаются анализу. Причина подобного положения объясняется полным провалом организации учета населения в связи с масштабными передвижениями населения

и отсутствием должного внимания к этой проблеме местных органов власти. Возможно, также, что эти сведения были намеренно изъяты партийным руководством, поскольку могли выявить неблагополучную ситуацию в демографической сфере.

Учет миграционного движения населения в течение исследуемого периода был налажен слабо. Во многих городах и поселках отсутствовали адресные столы, не хватало квалифицированных специалистов, а в сельской местности учет вообще не велся. В итоге за период с 1926 по 1932 гг. мы располагаем не всегда достоверными сведениями. Так, при определении примерных масштабов переселения в Бурятию нами использовались данные о перевозке пассажиров железнодорожным транспортом.

Регистрация прибывших и выбывших была введена в 1932 г., что было связано с паспортизацией населения. Однако учет мигрантов, вводился только в городской местности, где вводилась обязательная прописка. В сельской местности учет механического движения был налажен только в 1953 г., а статистическая разработка началась с 1960 г. Поэтому при оценке размеров миграции мы использовали данные по городской местности. В Бурятии регистрация переселенцев была налажена с 1935 г. Ее достоверность не вызывает сомнений, поскольку в связи с приграничным положением республики учет велся четко.

Характеризуя статистические источники, следует заметить, что несмотря на все недостатки демографической статистики 1920-1930 годах она, тем не менее, имеет немалое познавательное значение. Пробелы в советской статистике могут служить сигналом для исследователя в поиске скрытой истины.

Важным источником являются научные публикации и справочные издания. В них имеются сведения о численности населения и динамике процессов воспроизводства республики в 1920-е гг.¹⁰

Обширные и разнообразные материалы содержатся в документах и материалах советских и партийных органов, других государственных и общественных организаций. В них мы находим сведения о социально-экономической и демографической политике государства. Документальные источники партийных и советских фондов 1920-30-х гг. предоставляют важные сведения о переселенческих мероприятиях, политическом настроении общества, отчеты о социально-экономическом развитии аймаков республики, состоянии здравоохранения. Однако многие материалы все еще находятся в секретном

фонде. В связи с малочисленностью персонала архивов и большим объемом работы рассекречивание затягивается на продолжительное время. Так, некоторые сведения об эмиграции бурятского населения, которые имеют исключительно важное для нас значение до настоящего времени не рассекречены.

Важным видом источников являются периодические издания. В этих материалах отражаются события той эпохи. Советская периодическая печать была мощным средством массовой пропаганды. Выполняя социальный заказ партийного руководства средства массовой информации, часто искажали реальную информацию, умалчивая или приукрашивая реальность.

Некоторое исключение составляют публикации 1920-х гг., когда пресса еще не испытывала идеологическое давление партийных органов. Среди периодических изданий 1920-начала 1930-х гг. следует выделить научно-популярные журналы «Жизнь Бурятии», «Бурятведение» и «Бурятоведческий сборник». На страницах этих изданий мы находим интересную и достаточно правдивую информацию о многих сторонах жизни республики и в том числе касающиеся демографической сферы.

Таким образом, состояние источников позволяет нам решить широкий круг исследовательских задач. Неполнота и отрывочность некоторых данных по численности населения и демографическим процессам следует восполнять путем исчислений. В дальнейшем, по мере расширения количества источников и использовании новых методов их анализа эти сведения будут дополняться.

Примечания.

¹ Статистические источники, касающиеся демографической сферы Бурятии, были найдены автором в ИАРБ. При этом широко использовались материалы архивного фонда. Р.п. - Бурятский республиканский комитет партии РСФСР; р.195 - Государственная плановая комиссия Бурят-Монгольской АССР; р.196 - Центральное статистическое управление Бурят-Монгольской АССР; р.209 - Кожновенерологический диспансер; р.247 - Комитет содействия народностям Севера при ЦИК Бурят-Монгольской АССР; р.248 - Совет Народных комиссаров Бурят-Монгольской АССР; р.665 - Министерство здравоохранения Бурятской АССР.

² Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР. 1926-1941 гг. (Краткие результаты исследования). // Вестник статистики. - 1990. - № 7. - С. 34

³ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. - М., 1991. - С.231

⁴ Там же. С.168-169. 175.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. т. VI. - М., 1928. - С. 344.; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. - М., 1992. - С. 229, 231.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. – М., 1992. – С. 229, 231.

⁷ Население России в XX веке. Т.1. – М., 2000. – С. 339.

⁸ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. – М., 1991. – С. 34-35.

⁹ Население России в XX веке. Т.1. – М., 2000. – С. 339.

¹⁰ Список населенных пунктов Бурят-Монгольской АССР. Ст. Сб. – Верхнеудинск, 1925.; Статистический справочник СССР за 1928 г. – М., 1929 г.; Чураев А. Население Восточной Сибири. – Иркутск, 1933. ; Помус М.И. Бурят-Монгольская АССР. – Улан-Удэ, 1937 и др.

И.В. Гордина

Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны (Историографический аспект)

Человечество всегда занимали проблемы глобального характера. Среди них – осознание места и роли женщины в обществе. Вновь в центре внимания проблемы общественной активности женщин, престижа материнства, вовлечение женщин в общественное производство, участие женщин в принятии решений на всех уровнях.

Жизнь показала, что нельзя полностью утверждать, что женский вопрос окончательно решен в обществе. Необходимо продолжать разработку целостной концепции роли женщин в обществе. И эта проблема заставляет обращаться к историческому опыту, теоретическому переосмыслению характера отношений общества и женщин, особенно в годы Великой Отечественной войны.

Качественно новые подходы к изучению проблематики Великой Отечественной войны и роли женщин в истории Бурятии требуют ясного представления о достижениях и пробелах исследуемого вопроса. К сожалению, историографический аспект изучения женского вопроса в Бурятии практически не разработан.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления и переоценки особо важного периода в истории развития Бурятии, как годы Великой Отечественной войны, в которой отчасти лежат корни, а также предпосылки современного положения женщин в Бурятии. И нельзя забывать о важности данной тематики в том русле, что без глубокого анализа, обобщения и показа роли женщин в защите Родины, нельзя в полной мере раскрыть и обосновать причины победы народа в самый тяжелый, трудный этап истории страны.

Отмеченный юбилей Великой Победы вновь продемонстрировал

всплеск исследовательской активности: издание книг «Память», проведение научных тематических конференций, защита диссертаций, выход в свет монографий.

В настоящий момент в России насчитывается десятки тысяч опубликованных работ по истории ВОВ, в том числе и в нашей республике. О *босвых, трудовых подвигах советских женщин* в минувшей войне написано много книг, очерков, документальных повестей, журнальных и газетных статей. Поэты и писатели посвятили множество своих произведений женщинам-воинам тыла.

Существует целый цикл общесоюзных работ по историографии ВОВ, в которых имеются выводы об этапах развития науки, выявлены тенденции советской, российской историографии, где уделяется внимание проблеме роли женщин в войне.

Первая историографическая статья о женщинах в ВОВ принадлежит М.С. Ефремовой. Работа содержит системный анализ трудов многих исследователей, в том числе и кандидатских диссертаций. Основное русло исследования было направлено на труд женщин в промышленности и сельском хозяйстве. Работа выполнена в начале 70-х годов и носит отпечаток своего времени: оценки и выводы содержат завышенный характер, но это была первая публикация по историографии в аспекте вышеуказанной проблемы.

Историографический обзор содержит монография В.С. Мурманцевой, которая была опубликована также в начале 70-х годов. Автор очень выборочно и целенаправленно отработал материал статей, трудов по национальным регионам по проблеме женщины в годы войны. В.С. Мурманцева является автором монографии, статей, докторской диссертации на тему «Советские женщины в Великой Отечественной войне». В ее исследовании четко дана сравнительная картина доли участия женщин разных национальных субъектов страны, как на фронте, так и в тылу. Используется огромный фактический материал. Раскрывается панорама участия женщин в войне почти по всем направлениям общественной жизни. Следует заметить, что не все регионы страны были охвачены в ее исследованиях, в частности, о героинях бурятского народа нет никаких сведений. У В.С. Мурманцевой есть небольшая по объему статья – подбор работ о ратном и трудовом подвиге женщин в годы ВОВ. Статья была опубликована в начале 80-х и явилась плодотворным продолжением работ 70-х годов.

Как уже отмечалось, большое количество работ было написано уже в годы войны: «Советская женщина в Великой Отечественной

войне» (1942), «Доблестные дочери армянского народа» (1943) и другие. Как правило, «военные» труды носили очерковый характер, отвечали определенным идеологическим принципам и запросам, но в них показан величайший подвиг женщин, поднимающих патриотический дух всего народа.

Соблюдая принцип историзма, необходимо отметить официальные документы и материалы Коммунистической партии и Советского правительства, в которых была дана высокая оценка военной и трудовой деятельности женщин в годы тяжелейших испытаний: «Славные дочери советского народа», из трудов М.И. Калинина в 1950 г.

Стоит заметить, что темой «Женщины в годы Великой Отечественной войны» занимались именно женщины-историки, почти сразу после победного завершения войны, да и в последующие десятилетия: Антидзе Х.Д. «Участие женщин Грузинской ССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (на грузинском языке, 1955), Животовская Н.П. «Трудовые подвиги женщин Киргизии в годы Великой Отечественной войны» (1963), Каратаева Х.А. «Трудный путь к победе. Женщины в Великой отечественной войне» (1994) и множество других.

Все эти и другие диссертации имеют большой фактологический материал и особенно значительно, что они построены на источниках национальных архивов республик и областей. Все вышеотмеченные исследования не рассматривают развитие бурятской историографии. Попытаемся рассмотреть региональные исследования, глубже передающих национальную специфику.

В первую очередь это труды по Сибири. Известными исследователями «сибирского тыла» являются Докучаев Г.А., Кузнецов И.И., Исупов В.А, Моховикова А.Е., Золотоев А.К., Гармаханов Е.Е., Базаржапов В.Б., Митулов Б.М. и другие ученые. Труды вышеуказанных авторов датируются десятилетней давностью, но все они выдержали проверку временем. Произведения этих авторов построены на колоссальном источниковедческом материале многих архивов национальных регионов. И хотя в работах специально не отводятся разделы на проблему «женщины и война», но они, так или иначе, рассматривают широкий спектр вопросов, имеющих непосредственное отношение к нашей теме.

В монографиях Докучаева Г.А., Базаржапова В.Б., Кузнецова И.И. имеют место сравнительные характеристики проблем с участием женщин регионов Сибири, обобщения, выводы. Леонтьева М.Г. ут-

верждает, что «усилилась авангардная роль женщин в промышленности Сибири в годы войны». ⁶ Работа Гребенкиной Р.В., небольшая по объему, но содержательная. Она значима тем, что охватывает территорию Забайкалья в период Великой Отечественной войны. В статье Исупова В.А. четко прозвучала мысль, что во времена войны «сталинское общество вернулось к средневековой дискриминации женщин». В работах данных авторов доказательно прозвучала идея, что «война ускорила выход многих женщин на просторы общественной жизни». ⁷ Косвенно рассматриваются вопросы участия женщин коренных национальных меньшинств в промышленности, на руководящих работах. Спорно утверждение о том, что «массовый приход женщин на производство был результатом работы партийных» ⁸ и иных органов и только. Выводы, обобщения, сделанные вышеуказанными исследователями имеют огромную ценность. Все же некоторые проблемы, которые были подняты в работах историков по Сибири, ждут своего разрешения.

В целом, в исследованиях по Сибири происходит значительное приращение документально-источниковой базы (мемуары, статистические сборники по Советскому Союзу, дающие материал по республикам и областям; материалы национальных архивов).

Начавшаяся ВОВ кардинально изменила место и роль женщин в обществе, особенно это ярко проявилось на окраинах страны. Война максимально приблизила деятельность историков к нуждам военного времени. Тема «женщины и война» стала неотъемлемой частью историографии ВОВ. Уже в годы тяжелых испытаний тема участия женщин Бурят-Монголии в войне сделала только первые штрихи, ибо история еще творилась и естественным было некоторое отставание процессов ее научного осмысления. Однако уже наметился рабочий настрой на глубокое, всестороннее изучение проблем бурят-монгольского народа в войну. Так, в суровые годы создаются труды Шоткиной З.Л. «Бурят-монгольский народ в Отечественной войне» (1944), Игнатьева С.Д. «Экономические ресурсы Бурят-Монголии и задачи их освоения в условиях Великой Отечественной войны» (1943).

Массовая политическая и пропагандистская литература, журнальные и газетные статьи, отражавшие начальный процесс складывания исторических знаний выполняли функцию пропаганды и воспитания на героических событиях войны. В публикациях военных лет не могло еще быть глубокого анализа и обобщений. Все материалы были

подцензурны в условиях военного времени. Однако уже тогда выделялись основные направления проблемы: участие женщин в развитии сельского хозяйства, патриотические движения и другие. Во всех публикациях создавался обобщенный образ героини-труженицы, защитницы Отечества. Однако, к сожалению, недостаточно уделялось внимания трудностям женщин. Задача была другой – разгром фашистской Германии.

Период 50-80-е годы – наиболее продуктивный процесс научной разработки проблемы в Бурятии. В свет выходят коллективные труды: «История Сибири», «История Бурятской АССР», включающие главы и разделы, посвященные ВОВ, публикуются специальные сборники документов по ВОВ. Именно в данный исторический период выходят крупные полновесные монографии ученых Бурятии: Золотова А.К., Рандалова Ю.Б., Тармаханова Е.Е., Рандалов Ю.Б. отмечает, что «женщина стала основной фигурой в колхозном производстве в годы войны». Важно отметить, что в этот хронологический период проходят защиты диссертационных работ по истории ВОВ. Публикуются специальные издания, которые повествуют о создании и деятельности крупных предприятий Бурятии. Данные труды не посвящены непосредственно женской проблематике, однако это не означает того, что работы не раскрывают деятельности женщин республики на фронте и в тылу. Для создания подлинно научной истории женщин в период войны необходимо создание полного исторического полотна о всей войне. И тогда только можно успешно определить положение и роль женщины в истории.

Значительным событием в ученом мире стала публикация коллективного труда – «И в тылу ковалась победа». В работах Санжиева Г.Л., Санжиевой Г.Е., Митупова К.Б.-М., Будажабо Ф.Т., Максанова С.А. и других большое внимание уделяется роли женщин в войне; дается анализ проблемных ситуаций, в которые была поставлена женщина Бурятии. Историки приходят к глубоким выводам, несущим в себе долгосрочное, перспективное видение женских проблем в обществе. Однако наряду с этим стоит отметить, что есть и такие труды, которые отличаются набором статистических материалов без тщательного разбора и анализа проблемы.

Данный период характеризуется количественным ростом публикаций. Отмечается расширение тематики, рассматривается в нескольких аспектах положение женщин: на производстве, в медицинских отраслях, в областях культуры. Публикуются демосоциальные

исследования. Это значительно улучшило качество исторических трудов, придав весомость системе их научных доказательств.

Из трудов этого периода непосредственно женскому вопросу посвящены всего несколько работ: Бартановой А.А. «Женщины Советской Бурят-Монголии», сборник воспоминаний «Женщины Советской Бурятии», Высотиной Е.А. «Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны», у Голубева Е.А.: «Героини войны: женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны» (1984), «Женщины Бурятии на фронтах» (1985), «Вожатая подпольного отряда» (1988), а также статьи Александрова Е. «Фронтвички», Голощапова И. «Героини войны», опубликованные в республиканских газетах. Эти труды в основном носят описательный характер, т.к. в большинстве своем состоят из воспоминаний активных участниц тех суровых событий. К позитивному моменту можно отнести свежесть эмоциональных оценок авторов, непосредственных участников, описываемых событий, что подчас порождало разнообразие точек зрения на проблему «женщина и война».

В последнее десятилетие произошел и количественный, и качественный всплеск в изучении темы войны, а также темы «женщина и война». С одной стороны, это связано с возросшей самооценкой женщин и активизацией их деятельности в русле создания новых исторических направлений, идущих по пути гендерных разработок, а с другой, пристальный интерес к проблеме «женщина и война». Примечательным событием в ученом мире республики явились публикации монографий: Санжиева Б.С., Базарова Б.В., Зайцевой Л.А., Базаржапова В.Б., Коробенковой Н.Д., которые в разнообразных концептуальных решениях исследуют сложные, противоречивые проблемы истории. В своих монографиях ученые вновь высоко оценивают роль женщин в годы Великой Отечественной войны, однако проблема положения женщин в годы войны, все еще, не стала объектом отдельного исследования. В юбилейные годы празднования победы над фашистской Германией вышли в свет статьи, посвященные женскому вопросу в 1941-1945 годы. Работы выполнены на расширенной источниковой базе, выявляются новые документальные комплексы, что способствует повышению теоретического уровня исследований, формулируются новые выводы, обобщения. Примечательно, что вскрываются новые персоналии женщин периода ВОВ, поднимается проблема роли личности в истории уже с новых позиций.⁹ В заключение отметим, что наблюдается большой временный раз-

брос в историографическом аспекте данной проблемы. Отсутствуют крупные специальные исторические работы по женской тематике в годы ВОВ, не созданы обобщающие труды по истории положения женщин Бурятии в обществе. Не осуществляется разработка отдельной библиографии по проблеме. Тематика исследуемых проблем узка, не наблюдаются труды специальных направлений (межотраслевые исследования).

Изучение темы «женщина и война» осложняется наложением на историческую проблематику психологических и национальных аспектов, нельзя отбрасывать особенностей жизни и быта буряток. При этом необходимо отметить, что процесс эмансипации в центре и на окраинах страны протекает неравномерно. Внимание многих исследователей к данной тематике свидетельствует об определенном состоянии изученности проблемы.

Примечания.

¹ Леонтьева М.Г. «Повышение роли женщин-коммунистов в промышленности Сибири в годы войны». - Новосибирск, 1977. - С.27

² Базаржапов В.Б. «Национальные регионы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны». - Новосибирск, 1981 - С.154.

³ Там же. - С. 66

⁴ Абидуева С. У войны не женское лицо. // Бичурский Хлебобоб. 1993. - 21 мая. Будаева В. Одна из тысяч : Судьбы людские // Баргузинская Правда. - 1993. - 21 мая.; из сборника 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Бугдасва М. Во имя жизни; Гониярова Е. Героини войны; Хобрякова Л. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны; Дунаев Я. Женщины, девушки военной поры // Прибайкалец. - 1999. - 5, 12 марта.

Приложение.

1. Антропова Н.В. Культура и наука в годы Великой Отечественной войны. - Улан-Удэ, 2000. С. 65-68

2. Базаржапов В.Б. Национальные регионы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. - Новосибирск, 1981. - 256 с.

3. Базаржапов В.Б. Трудовой подвиг тыла. - Улан-Удэ, 2000. - 157с.

4. Базаржапов В.Б. Почему мы победили? // Бурятия. - 1999. - 27, 28, 29 апреля.

5. Базаров Б.В. Общественно-политическая жизнь Бурятии 1920-1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. - Улан-Удэ, 1995. - 193с.

6. Бартанова А.А. Женщины Советской Бурят-Монголии. - Улан-Удэ, 1952. - 120с.

7. Безносков Б., Гармаханов Е. Гигант Бурятии. - Улан-Удэ, 1960.

8. Бурятия в годы Великой Отечественной войны: Сб. ст. - Улан-Удэ, 1975. - 452с.

9. Высотина Е.А. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Вклад Бурятии в Великую Победу. - Улан-Удэ, 1985 - с.68-73

10. Гатапова Ж. Героини Бурятии в годы Великой Отечественной войны. - У-Удэ, 2000. – с. 18-20
11. Горбатенко Т.И., Митупов Б.- М. М... 25 лет стеклянному заводу.-У.-Удэ, 1961.
12. Гребенкина Р.В. Женщины Забайкалья в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – Чита, 1972
13. Докучаев Г.А. Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск, 1968. – 321с.
14. Ефремова М.С. К вопросу об освещении в советской исторической литературе трудового подвига женщин в годы Великой Отечественной войны. – Ташкент, 1974
15. Женщины Советской Бурятии /Сб. воспоминаний /. – У-Удэ, 1969.- 178с.
16. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии. 1930-1950г.г.-У.-Удэ,1996.-280с.
17. Зайцева Л.А. Вклад в победу : Преподаватели, студенты, выпускники академии-участники и ветераны Великой Отечественной войны.-У.-Удэ, 2000.-138с.
18. Золотоев А.К. Воины Бурятии в Отечественной войне.-У.-Удэ,1963.-180с.
19. Золотоев А.К. Бурятия в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – У-Удэ, 1963. – 166с.
20. Инкежинова И.А. Женщины на производстве Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны // Межрегиональная студенческая научно-практическая конференция, посвященная 55-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. – У-Удэ, 2000. – с. 50-52
21. И в тылу ковалась победа./ Сб. ст./ – У-Удэ, 1985.-223с.
22. Исупов В.А., Алексеев В.В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны.- Новосибирск, 1986.
23. Исупов В.А. Соотношение полов в население Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны.//Гуманитарные науки в Сибири.- 2002.-№2.- с.23.
24. Коробенкова Н.Д. Черное крыло плена. – Челябинск, 2000. – 391с.
25. Коробенкова Н. Хлебоборобы- воины.// Байкал.-1988.-№3.
26. Кузнецов И.И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны.1941-1945г.г.- Иркутск,1974.-510с.
27. Ламажапова М.А. Вклад женщин Бурятии в победу в Великой Отечественной войне. – У-Удэ, 2000. – с. 52-56
28. Леонтьева М.Г. Повышение роли женщин – коммунистов в промышленности Сибири в годы войны.//Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма.1938-1958гг.-Новос.,1977.-с.27-39
29. Мурманцева В.С. Советские женщины в годы Великой Отечественной войны. – Москва, 1974.-176с.
30. Мурманцева В.С. Новейшая литература о ратном и трудовом подвиге женщин в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории – 1983, №9. – с. 119-124
31. Моховикова А.Е. Трудовой вклад женщин в промышленность Восточной Сибири (1941-1945). – Томск, 1975
32. Моховикова А.Е. Трудовой подвиг женщин –колхозниц Сибири // Трудящиеся Сибири – фронту. – Новосибирск, 1975. - с163-179
33. Митупов Б.М. Основные проблемы рабочего класса и крестьянства национальных регионов Сибири.//Кн. Рабочий класс и крестьянство национальных районов Сибири. – Новосибирск, 1974.
34. Островская В. Славные дочери Бурят-Монголии // Бурят-Монгольская правда.

-1947, 29 ноября. – с. 3

35. Рандалов Ю.Б. Социалистические преобразования хозяйства, быта, культуры бурятского улуса за годы Советской власти (1917-1961) – У-Удэ, 1967 – 174с.

36. Санжиев Б.С. Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии в канун, и годы Великой Отечественной войны. – Иркутск, 1995 – 180с.

37. Санжиева Т.Е. Топливо-энергетическая база Бурятии в годы войны // И в тылу ковалась победа.- У.-Удэ,1985.

38. Сперанский Н.Н. Первенец мясной индустрии Востока.-У.Удэ, 1960.

39. Сыновец Е., Ковалева А. И простое солдатское : спасибо, сестрички !!! Бурятия.-2001.-9 октября.

40. Тармаханов Е.Е. Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии 1938-1958 гг. – Новосибирск, 1979 – 334с.

41. Тармаханов Е.Е. Рабочий класс Бурятии в годы Великой Отечественной войны.//Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма.1938-1958гг.-Новосибирск,1977.- с.50-64

42. Тимофеева Е.Т. Об участие женщин в промышленности Бурятии.// Истор. Очерки : Женщины советской Бурят-Монголии.-У.- Удэ, 1952.

Г.Д. Басаев

**Об историческом споре между Г.В. Плехановым
и В.И. Лениным**

В последнее время все чаще раздаются голоса о споре между Г.Плехановым и В.Лениным, причем в пользу первого. Сторонники этой точки зрения, исходят из того, что в 90-е годы, якобы, сбылись предсказания Плеханова о преждевременности социалистической революции в России, высказанные им в 1917 г. Спор между Г. Плехановым и В.Лениным касался и многих других вопросов и имел свою историю. Спор этот, безусловно, представляет большой научный и политический интерес. Хотелось бы, поэтому, высказать свое мнение по данному вопросу.

Первая встреча Ленина с Плехановым произошла за границей, в 1895 г. Эта встреча произвела на Ленина неизгладимое впечатление: он был восхищен умом, колоссальной эрудицией, тонким юмором Плеханова. Второй раз они встретились в 1900 г. в Женеве, куда Ленин приехал, чтобы договориться с Плехановым о совместном издании общерусской политической газеты. Несмотря на некоторые противоречия, соглашение было достигнуто. С декабря 1900 г. стала выходить газета «Искра», сыгравшая исключительную роль в объединении социал-демократов России, в подготовке II съезда РСДРП. В редколлегии состояли Г.Плеханов, В.Ленин, Л.Мартов, П.Аксельрод, А.Потресов, В.Засулич. На втором съезде РСДРП, созванном в 1903 г., разгорелась острая борьба по программным, организационным, тактическим вопросам. Г.Плеханов и В.Ленин придерживались общей позиции, разногласий между ними на съезде не было. Съезд избрал два центра партии: ЦК – для практического руководства местными организациями, ЦО (редакция газеты «Искра») – для идейного руководства партией. В ее состав были избраны Г.Плеханов, В.Ленин, Л.Мартов, ибо остальные трое из прежнего состава фактически в редакции не работали. Однако после съезда Г.Плеханов потребовал,

вопреки решению съезда, кооптировать, во избежание скандалов, П.Аксельрода, А.Потресова, В.Засулич в состав редколлегии. В Ленин не согласился. Возник конфликт. Когда Г.Плеханов вознамерился самолично включить в состав редколлегии прежнюю тройку, В.Ленин вышел из ее состава.

Разногласия между ними обострились в период революции 1905 – 1907 годов. Позиция Г.Плеханова – не надо было братья за оружие. В.Ленин напротив – решительнее, смелее надо было использовать оружие. В.Ленин считал, что, хотя революция потерпела поражение, она сыграла выдающуюся роль. За два года революции пролетариат России прошел такую школу, приобрел такой опыт борьбы, которые были невозможны за десятилетия будничной жизни. Без революции 1905 г., писал В.Ленин, не было бы революции 1917 г.

В 1909-1914 гг. произошло сближение Г.Плеханова и В.Ленина на почве совместной борьбы против философского ревизионизма и ликвидаторства.

Однако в годы первой мировой войны пути В.Ленина и Г. Плеханова окончательно разошлись. Г.Плеханов, отступив от былых своих интернационалистических позиций, с присущей ему яростью стал защищать и отстаивать лжепатриотические, агрессивные действия правительств Франции и Англии, царской России, призывать рабочий класс поддержать их военные усилия. Он призывал вести войну до победного конца, встав, таким образом, на позиции социалшовинизма.

Ленин же предлагал: поскольку война со стороны обеих группировок (Антанты и австро-германского блока) носит захватнический, грабительский характер, добиваться превращения империалистической войны в войну гражданскую, признать революционный путь спасения России от грозящей катастрофы единственно правильным.

И наконец, Г.Плеханов осудил Октябрьскую революцию. Ему принадлежат слова: «Российская история еще не смогла той муки, из которой можно было бы испечь пирог социализма». Он считал, что только в высокоразвитых капиталистических странах Запада, имеющих многочисленный пролетариат, составляющий большинство населения, может произойти социалистическая революция, да и то при условии одновременной победы ее во всех или во многих странах. Он утверждал, имея в виду Россию: «...раз нам предстоит еще пережить более или менее длинный период капиталистического развития, то надо помнить, что этот процесс является двусторонним,

причем на одной стороне будет действовать пролетариат, а на другой буржуазия. И если пролетариат не захочет повредить своим интересам, а буржуазия своим, то и тот и другой класс должны по доброй воле искать путь для экономического и политического соглашения». И это говорил Г. Плеханов, продемонстрировав тем самым полное отступничество от прежней революционной деятельности! Г. Плеханов был противником установившейся в России Советской власти и предрекал ее скорое падение. И в этом он не был одинок.

Вот несколько документов, свидетельствующих об этом. Английская газета «Таймс» от 12 ноября 1917 г., телеграмма из Петрограда: «Господство Ленина, видимо, быстро идет к своему концу».

«Дейли телеграф» от 12 ноября 1917 года, передавая: «Значительные массы войск отвернулись от мятежников в целом ряде центров... Возможно, в тот момент, когда пишутся настоящие строки, вся эта безумная затея уже подавлена».

Агентство «Рейтер» от 13 ноября 1917 года, телеграмма из Петрограда: «Все политические партии поворачиваются спиной к экстремистам, и есть все основания ожидать, что революция будет ликвидирована в течение нескольких дней».

«Дейли ньюс» от 20 ноября 1917 года, телеграмма из Петрограда: «Наспех сколоченное здание большевистского господства уже дает глубокие трещины и распадается на части».

«Дейли ньюс» от 24 ноября 1917 года, передавая: «Большевистское правительство со всеми своими странностями и донкихотскими глупостями обречено на гибель».

Однако Великая Октябрьская социалистическая революция перекинулась в Москву и в другие города России, и в течение нескольких месяцев произошло триумфальное шествие Советской власти по всей огромной стране. Конечно, этот процесс не проходил гладко, без проблем и жертв. Но вместе с тем, это лишний раз доказывает, что Октябрьская социалистическая революция – это движение миллионов и миллионов людей, а не суета какой-то кучки узурпаторов. К чести Плеханова следует сказать, что, хотя он не понял и не принял Октябрьской социалистической революции, но отказался участвовать в борьбе против победившего пролетариата, против Советской власти.

В тяжелейших условиях большевики во главе с Лениным сумели победить своих многочисленных внешних и внутренних врагов и возглавить народ на строительство социализма в стране и добиться в этой могучей поступи ошеломляющих успехов.

Благодаря социализму отстающая аграрная страна с семидесятью процентами неграмотного населения в короткий исторический срок превратилась в сверхдержаву с высокоразвитой экономикой и великими социальными завоеваниями, такими как право на труд, право на образование, право на бесплатное медицинское обслуживание, право на отдых, право на обеспеченную старость и т.д. Эти завоевания имели колоссальное притягательное значение, в силу чего ведущие капиталистические страны вынуждены были в спешном порядке улучшать социальные условия жизни трудящихся.

Да, экономика СССР «не дотянула» до уровня экономики самой развитой капиталистической страны – США. Но ведь нельзя не учитывать того, с чего начал СССР в двадцатые годы и что из себя представляли США в то время. Широко известна статистика: уровень США 1901 г. СССР достиг в 1946 г. Разрыв 45 лет. Уровень США 1946 г. СССР достиг в 1960 г. Разрыв 14 лет. Уровень США 1960 г. СССР достиг в 1967 г. В 1985 г. экономика СССР в целом составляла 85% к уровню США. Так что, какая система в соревновании показала свои преимущества, как говорят в простонародье, еще «поглядеть» надо.

И тем не менее, факт остается фактом – социализм в 90-х годах потерпел поражение, но поражение временное, а временное поражение еще не гибель. Многие ученые Америки, Европы и Азии уверены, что XXI век будет веком ренессанса социализма. По крайней мере, человечество еще не придумало ни в теории, ни на практике лучшую систему, чем социализм. Поэтому громадный опыт строительства социализма минувшего века – бесценное достояние человечества, и он, с учетом всех плюсов и минусов, непременно будет использован в будущем. Вот почему, на наш взгляд, в борьбе между социализмом и капитализмом нельзя подходить догматически, исходя только из того, что случилось в 90-е годы прошлого века. Борьба продолжается. Рано еще ставить окончательную точку в этом вопросе.

Плеханов умер 30 мая 1918 г. На торжественно-траурном заседании, посвященном его памяти выступил народный комиссар просвещения РСФСР А.В.Луначарский. Отметив выдающиеся заслуги Плеханова – пионера марксизма в России и ошибки последних лет жизни, Луначарский закончил свою речь словами: «Пусть они погребают то, что в Плеханове было смертным, плодом его слабости и его старости, мы будем чтить то, что было в нем бессмертного, и что создал он в пору своего расцвета. Мы будем чтить это веское золотое сокровище, не преклоняясь перед ним, но пуская его в наш живой револю-

ционный оборот. Так почтим мы героя революционного духа, несмотря на то, что он сбился с правильного пути за несколько лет до своей смерти».

В 1921 г., когда Советская власть победила на всей территории нашей страны, Ленин в работе «Еще раз о профессиях...» писал: «нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать – именно изучать – все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма».

Ленинские указания об отношении к марксистскому наследию Плеханова последовательно осуществлялась Коммунистической партией Советского союза. Лучшие произведения Плеханова были изданы на многих языках народов СССР и зарубежных стран. Написаны сотни книг и статей о теоретическом наследии Плеханова.

По инициативе Ленина были собраны, привезены из-за границы и сосредоточены в созданном в Ленинграде Доме Плеханова его богатое рукописное наследие и библиотека.

Во многих городах СССР улицы были названы именем Плеханова. Его имя носят два крупных высших учебных заведения страны – горный институт в Санкт-Петербурге, в котором он учился, и институт народного хозяйства в Москве.

И все же, по моему глубокому убеждению, история, воздав должное и Плеханову, и Ленину, спор между ними решит в пользу Ленина.

В.Б. Базаржапов

Буряты на службе Отечества (1900–1918 гг.)

В начале XX века европейские державы активно перекраивали мир, стараясь охватить как можно больший кусок колониальных территорий. Не отставала в этом стремлении от них и Россия. Защищая свои интересы в Маньчжурии и Ляодунском полуострове, Россия 11 июня 1900 г. объявила мобилизацию Приамурского округа и Забайкальского казачьего войска для подавления восстания ихэтуаней (боксеров). Главным лозунгом восставших было прекращение иностранного вмешательства в экономику страны. Россия для охраны КВЖД ввела в Маньчжурию свои войска. В подавлении восстания ихэтуаней Россия использовала Забайкальское казачье войско и Амурский полк. Забайкальцы повели наступление на Хайлар и Цици-

кар. Руководил Хайларским отрядом генерал Орлов. Остальные казачьи части под командованием генерала Ренненкамфа двигались на Харбин, который был занят русскими войсками 18 сентября 1900 г. В дальнейшем русские войска вошли в Мукден и Пекин.

Казачи участвовали в штурме и взятии крепостей Тянь-цзин, Сеньюген, Хунгуц, Хайчен, взятии Мергена, Цицикар, Нингута, Муадзян, Хуланчен, Лугай, Бейцан, Мукден, Момпашан, Чаншатуи, Гункая, Чаоянчшени, Людягуна, Пейсанхендзы, крепостей Хайланчен Эрднадзян, Тунгоу и сотни деревень и поселков. За мужество и героизм, проявленных в бою с превосходящими силами противника под станцией Якши, отличившиеся казаки были награждены знаками отличия военного ордена III и IV степеней, в т.ч. бурятские казаки: из 3-го Верхнеудинского конного полка приказной Гарма Намкеев, рядовой Василия Мунгалов, младший урядник Андрей Номоконов.

Казачьи полки и батареи за их боевые действия были отмечены наградами. Георгиевскими серебряными трубами «За Тянь-Цзинь и Пекин в 1900 году» награждена 6-я сотня 1-го Верхнеудинского полка; за «Шахэ и Мукден в 1900 году» Георгиевскими серебряными трубами была награждена 1-я Забайкальская казачья батарея. Знаки отличия на головные уборы «За отличия против китайцев в 1900 году» получили 4-я и 5-я сотни 1-го Верхнеудинского полка, 4-й и 6-й Забайкальские пешие казачьи батальоны, 2-я Забайкальская казачья батарея.

Подавив стихийное восстание, великие державы навязали Китаю кабальный «заключительный протокол», который явился важной вехой превращения Китая в полуколонию.

Россия 26 марта 1902 г. подписала договор с Китаем о выводе своих войск из Маньчжурии. Летом 1903 г. Япония предложила России проект соглашения о Корее и Маньчжурии, в котором ущемлялись интересы России, Правительство России в январе 1904 г. сообщила о готовности уважать права Японии и других государств в Маньчжурии, однако настаивало на не использовании ими территории Кореи в военных целях. Япония ответила отказом. 24 января она разорвала дипломатические отношения с Россией и в ночь на 26 января 1904 г. без объявления войны атаковала русскую эскадру в Порт-Артуре. Так началась русско-японская война. В этой легкомысленно затеянной и трагически для России заканчивающейся войне казаки Забайкалья принимали непосредственное участие. Забайкальское казачье войско в войну с Японией выставило свыше 15 тыс. чел.

Все войско в марте-дскабре 1904 г. участвовало в корейском походе за реку Ялу, в боях с японскими частями у Ууласу, Санзелью, Пумягоу. Тюренчинском, на перевале Феншуйлин, у г. Гензан, в сдерживании наступлении японских войск, в кровопролитном бою, приостановив преследование русских войск, в бою у горы Тайцзыхэ, в рейде по японским тылам на Хунхэ, Нью-чжуан, на горе Инкоу; в бою у г.Кильчжау, в сражении па Бейдалинском перевале, в кавалерийских рейдах по тылам в районе Факумыня, в бою на перевале Паксабонг и др. Много забайкальских казаков погибло в боях с превосходящими силами противника.

Замечательные традиции были в русской армии, когда награждения и похороны павших героев, независимо от их вероисповедания, проходили торжественно, при построении войск и со всеми воинскими почестями. И одинаково равно, что для русского казака, что для бурятского звучали слова песни-молитвы, победы над смертью:

...Распятие во претерпев, смертью смерть разрушив ...

...Так, 14 августа 1904 г. в Саймацзы войска выстроились у четырех свежих могил, где покоились забайкальские казаки, погибшие в бою, и у вырытой новой могилы, перед которой стоял гроб казака-бурята. Три товарища его читали над ним свои молитвы.

Все стояли не шелохнувшись, без шапок, слушая в тишине в течение – 10 минут непонятные слова товарищей другой веры. Когда они закончили молиться, один из них повернулся к командиру отряда и сказал:

- Готово!

Полки взяли на караул и под звуки оркестра, игравшего «Коль славен» гроб опустили в могилу.

Вскоре маленький холмик, обложенный камнями, стоял рядом с православными крестами.

Торжественно проходили награждения отличившихся в боях. Один пример.

... Командующий Маньчжурской армией генерал А.Н. Куропаткин приказывает генералу Мищенко вызвать награжденных казаков вперед.

От строя стоящих полков отделяется всадники. Это храбрые из храбрейших:

- С коней! – дает команду Куропаткин и сам слезает с коня.

Награждение начинается с правого фланга:

... Именем государя императора жалую тебе знак отличия военно-

го ордена IV степени ..., третьей степени.

В строю награжденных стоят русские и буряты, немало тех, кто уже имеет знак отличия военного ордена, за поход в Китай, русско-турецкую войну, за походы по степям Средней Азии.

Генералы Мищенко и Ренненкамф, командовавшие забайкальскими казаками во время похода в Китай и русской-японской войне не просто вручали награды, а хвалили за службу.

Генерал Мищенко вручая орден казаку-буряту с чувством сказал:

- Твоя служба высока и почетна. Поздравляю тебя, казак, с наградой. Храбрый вы народ, буряты, хорошие вы, честные воины.

Как известно, любая война не обходится без пленения побежденного противника. Не была исключением русско-японская война.

Известный бурятский ученый Ц. Жамсарано в своих путевых дневниках (1903-1907) пишет о встрече с забайкальскими казаками, возвращающимися из японского плена:

«11 апреля 1905 г. в Сызрани повстречались с бурятами казаками, возвращающимися из Японии. Всего было до 16 забайкальских казаков, из них половина бурят. Попали в Японию, когда был сдан Порт-Артур. Мы... набросились на них с расспросами об ужасах Порт-Артура, о сдаче крепости, о японцах и Японии. Они были в казачьих формах – с желтыми лампасами и с желтыми околышем... Буряты - казаки оказались хорошими собеседниками...».

О японцах рассказали следующие: они к нам, бурятам, относились очень любезно. Давали нам все нужное, а к русским солдатам и казакам относились довольно враждебно. Когда нас, порт-артурцев, стали выводить из крепости в Дальний, японские солдаты нас выделили из русских, трепали по плечу и спрашивали нас: «Как же вы, монголы, оказались в рядах русских? Узнав, что мы молимся Будде, они очень обрадовались и, показывая пальцем на себя, потом на нас, поднимали указательный палец вверх, говоря: «Мы все равно одни». Многие солдаты говорили по-русски. Когда приехали в Дальний, нас всех переодели, обмыли потом выделили бурят, позвали к японским офицерам, они угостили нас конфетами... Потом поехали в Японию, в Нагасаки. Гостили у японцев, потому что можно войти в любой домик, как у бурят, и вас угощают ... и расспрашивают. Помолитесь в дацанах, которые очень красивенькие и содержатся удивительно чисто».

23 августа 1905 г. был подписан Портсмутский мирный договор, а октябре был ратифицирован обеими сторонами. По мирному договору Россия признала за Японией свободу действий в Корее, уступала

ей прежние права на Порт-Артур и Дальний, часть о. Сахалин. Бездарно проигранная война завершилась унижительным для России миром.

Война 1914-1918 гг. была следствием резкого обострения противоречий между ведущими государствами Европы, прежде всего Германией и Австро-Венгрией с одной стороны Англией, Францией, Россией – с другой. Эти страны играли ведущую роль в противостоянии блоков – Тройственного Союза и Антанты. К главным воевавшим группировкам примыкали с обеих сторон другие государства. В результате война действительно превратилась в мировую.

Россия имела в приграничной полосе 37 кавалерийских дивизий, в т.ч. 13 казачьих, предназначенных для действий в составе общевойсковых армий. В первые полтора года войны значительная часть казачьих частей всех одиннадцати казачьих входила в состав армейских корпусов, а лишь в начале 1916 г. отдельные казачьи полки и бригады начали сводиться в казачьи дивизии.

В октябрьском наступлении 1914 г. в составе 4-й армии успешно действовала 1-я Забайкальская казачья бригада генерала Томашевского в составе 1-го Верхнеудинского и Забайкальского казачьего конно-артиллерийского дивизиона. В послании командующего 4-й армии генерала А.Е. Эверта войсковому наказному Атаману Забайкальского казачьего войска говорилось: «Переправившись 9 октября на левый берег Вислы, имея задачей обеспечение правого фланга армии, разведку противника на широком фронте и поддержку связи с соседней армией, 1-я Забайкальская казачья кавбригада в течение 2-х дней задерживала боем в конном и пешем строю наступление сначала передовых частей, а затем и целой пехотной бригады противника, не давая возможностей ей обойти правый фланг корпуса, действовавшего на левом фланге армии. Затем во время боя этого корпуса, бригадира энергично содействовала ему атаками во фланг противника и способствовала успеху корпуса, опрокинувшего немцев в составе 1,5 корпуса и принудившего их к поспешному отступлению.

Преследуя вместе с корпусом отступающие колонны противника на протяжении 150 верст, Забайкальская бригада отбила обозы и захватила много пленных. Но особенно показали себя забайкальцы, когда армия, остановившись перед заранее укрепленными позициями противника, вела упорные бои в течение почти месяца, когда охрана и ответственность за совершенно открытый правый ее фланг была возложена около 10 дней исключительно на ответственность Забайкальской бригады».

Так, в Новорадомском направлении разъезды урядников Верхотурова и Номоконова постоянно находилось в соприкосновении с противником, наблюдая за каждым его шагом и своевременно посылая донесения командиру 1-го Верхнеудинского полка. Отличились командиры – казаки Хутуков и Модаев, которые под ураганным огнем немцев, верхом двигаясь наметом через поле, кипящее от разрывов снарядов, доставили приказ на отход двум сотням полка, сдерживающим, продвижение немецкой пехоты. Если бы они не сумели этого, то сотни, не имевшие права отойти без приказа, были бы окружены и уничтожены превосходящими силами противника.

Забайкальские казаки отличились в районе р. Пилицу, одержали блестящую победу под Мокржецом, в боях при отходе на Буг. Все полки Забайкальского казачьего войска к концу 1915 г. находясь на фронтах первой мировой войны вели бои под Ахлатом, Кормудшем и Тадваном, вели разведку боем на Битлис в турецком Курдистане и в Персии.

15 января 1916 г. в Бобруйск прибыл царь Николай II и провел высочайший смотр 1-й Забайкальской казачьей дивизии. Он остался доволен боевым духом забайкальцев.

23 июня 1916 г. – вторая, третья, четвертая сотни 1-го Верхнеудинского полка атаковали деревню Галузино, выбили из нее австрийскую пехоту (среди взятых в плен – командир полка и 18 офицеров). В бою погибло 9 казаков, в том числе Очир Юмдашев.

24 июня 1916 г. вторая сотня 2-го Верхнеудинского полка у местечка Трояновка атаковала два эскадрона венгерских гусар и разгромила их. В бою отличились Филипп Осолов и Гомбо Можоронов.

Война тяжелым бременем легла на плечи народа, в т.ч. на казаков. Неудачи на фронтах, нарастающие экономические трудности, обострение внутривойсковых отношений способствовали росту недовольства в казачьей среде. К началу 1917 г. страшно уставшее от войны казачество было ненадежно.

К началу революции 1917 г. Забайкальское войско состояло из 12 конных полков, одной гвардейской конной полусотни, пяти батарей и одного запасного дивизиона.

В Забайкальском казачьем войске большинство казаков-фронтовиков поддержало советскую власть или, по крайней мере, отнеслись к ней нейтрально. Но антисоветские силы еще в ноябре 1917 г. начали объединяться вокруг есаула Григория Михайловича Семенова. Он был одним из наиболее ярких представителей белого

казачества в период революции и гражданской войны. Природный Забайкальский казак, он, как и многие местные уроженцы имел в своих жилах, наряду с русской, татарскую и бурятскую кровь. Он гордился, что бабка его по отцу была из татарского княжеского рода, который вел свое происхождение по прямой линии от Чингис-хана. Хорошо образованный (окончил в 1911 г. Оренбургское казачье училище), он знал татарский, бурятский и монгольский языки настолько, что подумывал о переходе на научную работу в области востоковедения. Он знал хорошо обычаи и особенности Забайкальского казачьего войска. Богатейший военный опыт, получил в первой мировой войне, которую он прошел в рядах 1-го Нерчинского полка. Как офицер он выделялся не только безаветной храбростью, но незаурядным даром командира. В ноябре 1914 г. он совершил подвиг: спас полковое знамя. Через месяц с разездом в 11 казаков ликвидировал баварскую пехотную заставу, захватив при этом в плен 65 человек. Воюя в Карпатах, он отличился при защите одного из ущелий, где с горсткой казаков успешно выдержал 4 атаки Баварской дивизии. Затем участвовал в походе в Месопотамскую долину. В мае 1917 г., когда русская армия уже разваливалась, сотник Г. Семенов подал во Временное правительство докладную записку с предложением организовать добровольческую бурят-монгольскую часть, которая, воюя на фронте, по его мнению, должна будет утешить природных русских, не желающих воевать за Отечество. Разрешение на формирование такой части он получил и вновь оказался в родных местах. Здесь, в поселке Верхняя Березовка под Верхнеудинском он сформировал конный отряд, состоящий из бурят и монголов. Вскоре он предложил военному министру Временного правительства использовать его часть для расправы над Петроградским Советом депутатов.

События развертывались, однако, таким образом, что сформированная им часть потребовалась совсем не на русско-германском фронте. Октябрьскую революцию есаул Семенов встретил резко неприязненно. 18 октября 1917 г. он открыто заявил о непризнании Советской власти и во главе своего бурят-монгольского полка вступил в бой с большевицким гарнизоном Верхнеудинска.

На территории Забайкальского казачьего войска уже в ноябре 1917 г. не прекращались военные действия отрядов атамана Семенова, которые по существу отвлекали на себя значительные силы красных и тем помогали чехословакам в свержении Советской власти. Летом 1918 г. здесь были ликвидированы последние очаги сопротив-

ления большевиков. Именно здесь проявилась тенденция превращения террора в постоянный способ управления. Нередко по приказу атамана Семенова, барона Унгера и других руководителей казачьих частей и соединений, а то и просто офицеров, уничтожали не только коммунистов, сторонников Советской власти, но и мирных обывателей, имевших несчастье вызвать чем-либо недовольство властей. Даже Колчаку Будбергу и другим руководителям белой армии казались нередко чрезмерными проводившиеся семеновцами репрессии. Руководители белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке прекрасно понимали, что без казаков им не обойтись и поэтому не акцентировали внимание на вопросе о репрессиях.

Первая попытка вооруженной борьбы оказалась неудачной и Семенову пришлось отступить за границу в Маньчжурию в полосу отчуждения КВЖД. Управляющий КВЖД генерал Хорват оказал Семенову помощь, в т. ч. и материальную. У Семенова в подчинении был уже «Особый Маньчжурский отряд» численностью до 500 человек (преимущественно буряты и забайкальские казаки). Вскоре отряд вырос в бригаду из трех полков, состоящую из монголов, бурят и забайкальских казаков под командованием генерала-лейтенанта Уржина Гармаева.

Опираясь на свою базу в Маньчжурии, Семенов продолжил борьбу против Советской власти. В январе 1918 г. он лихой атакой, занял Даурию, которую рассматривал как плацдарм для дальнейшей борьбы с большевиками. Так, на забайкальской земле образуется Даурский фронт – один из первых фронтов в гражданской войне. В первые месяцы силы противников Советской власти на Дальнем Востоке значительно уступали красным. Большевицкие войска Даурского фронта под командованием С. Лазо к началу марта 1918 г. выбили войска Г. Семенова из Даурии. Но Семенов был одним из тех наиболее талантливых и отважных военных, которые не падают духом от неудач. Используя благоприятные для него обстоятельства, связанные с высадкой японцев во Владивостоке, он вновь вторгается в Забайкалье. Казаки поддерживают его. В мае 1918 г. Семенов объявил о создании Временного Забайкальского правительства, которое по его замыслу, должно было заменить собой Советскую власть в Забайкалье.

С начала Октябрьской революции начинается разложение Забайкальского казачества. За упразднение казачества выступило бедняцкая часть казачества, как наиболее революционная. Командный состав и богатые казаки выступили против Советской власти.

Городская культура Бурятии

Город - уникальный и универсальный феномен, возникающий как адаптационная форма деятельности человека, осваивавшего природу. Он является ярким отражением общественной жизни человечества. Изучение города приобретает глубокий интерес именно сейчас: ведь никогда ранее он не играл столь важной роли в культурной сфере социума, став одним из важнейших витальных факторов современности.

До настоящего времени нет четкого, единого определения данного феномена. И это не случайно. Город - динамическое явление, находящееся в постоянном развитии. Каждая новая эпоха вносит свои существенные изменения в эту структуру и в свое понимание города. М.Вебер отмечает многоплановость его («Дефиниции «города» могут быть самыми различными по своему характеру»)¹, рассматривая с различных точек зрения, разводит экономическое и политико-административное понятия, но целостного определения сложнейшего феномена не дает.

Однако город, с современной точки зрения, - это не только экономическая категория. Область экономики не является центральной в его определении. Безусловно, отрицать всю полноту социально-экономической сферы нельзя, но не менее важными формирующими выступают общественно-правовая, идеологическая и культурная сфера.

Город изменчив по сути. В основе его динамики лежит с одной стороны, активная преобразующая деятельность людей. С другой - город испытывает на себе постоянное воздействие различных факторов, например, географических (оказывающих влияние на экономику) и собственно экономических. Не последнюю роль в генезисе и развитии города играет государственная политика. Свидетельством тому может служить формирование городской сети Забайкалья. Города Забайкалья, в том числе и Бурятии, входили в одну из линий расширения государства, в результате чего определилась функциональная сфера городов, выполнявших административные функции на вновь освоенных территориях. Самая поздняя по времени возникно-

* Публикацией статьи выражаю глубокую признательность профессору Е.Е.Тармаханову за определение темы научного исследования.

вения и самая длительная по времени существования, доминирующая в последующем - культурная функция города. Ее город обретает в процессе складывания городского сообщества, экономической системы, обретения своего «лица». Складывание культуры - непрерывный процесс, требующий постоянной культивации. Чем древнее город, тем значительнее его культурные традиции. Исходя из этого все города, существовавшие на территории Бурятии, можно классифицировать как «старые» и «новые». Из пяти городов к началу 20 века четыре - Селенгинск, Баргузин, Троицкосавск со слободами и Верхнеудинск - насчитывали двухсотлетнюю историю, знали периоды возвышения и упадка. Пятый - Мысовск - своим появлением всецело обязан проведению железной дороги.

Города изначально являлись цивилизующими центрами, «культурными гнездами» Сибири. В свое время еще Г.Потанин отмечал, что культурная и умственная жизнь в Сибири ограничивается городами. Город становится «лабораторией» культуры. Он вбирает в себя, аккумулирует, интегрирует, трансформирует элементы культуры, накапливает потенциал и содержание человеческого творчества, образует пространство его реализации, новых поисков и решений. Здесь возникают культурные инициативы и новации. Созидая и накапливая культурные ценности, город распространяет их на прилегающую округу. С этой точки зрения город является носителем и выразителем культуры своего края. Но не только. Города, связанные «в своем взаимодействии генетически с определенной социальностью и действием исторически определенных субъектов... выступают носителями всеобщности отношений ее и одновременно ее противоречий... Именно город, интегрирующий разнообразие отношений, разнообразие деятельностей и создающий условия их реализации... создает... особое напряжение «энергетического поля».² Будучи реальным субъектом действия, город воспроизводит «всю тотальность духовного богатства общества в качестве носителя его отношений...».

Еще первопроходцы принесли в край не только традиционный русский быт, методы хозяйствования, но и идею русского города с его природным характером, невыделенностью из природного окружения. Поскольку первым русским поселенцам пришлось создавать культуру фактически на пустом месте, она, будучи русской по сути, носила ярко выраженный сибирский колорит. Такая ситуация отразилась на идее русского города, который несколько отличался от провинциальных городов центральной России, прежде всего своим

сибирским размахом, раздольем (и это делало его еще более природным), что отмечали все посещавшие города иностранные и отечественные европейцы. Русские забайкальские города выполняли возложенные на них историей функции, превращаясь в стабильный фактор развития края. Нельзя не обратить внимания еще на одну особенность забайкальских городов как мест, взаимодействия различных миров и культур в силу разноликости населения ставших «очагами этнического смешения»: православные, католики, иудеи, магометане, буддисты и другие принимали посильное участие в становлении забайкальских городов, развивая русскую культуру. Лишь после известных событий 1905 г. отмечается стремление к сохранению и развитию национальных культур в виде активизации деятельности профессиональных объединений или создания национальных обществ и кружков, но это, на наш взгляд, лишь обогащало культуру забайкальских городов.

Важное, иногда определяющее значение в формировании и дальнейшем функционировании городской культуры, имело материальное и духовное пространство. Система официальных городов, существовавшая в России, не всегда соответствовала истинному положению поселения. По количеству населения, внешнему облику, городскому бюджету они оставались в большей степени деревнями. Это непосредственно относится к Баргузину («по наружному виду своему... весьма мало похож на городское поселение») и, особенно, к Селенгинску («ничем не отличается от окружающих сел»). Положение/состояние деревни-города еще больше укрепляется после введения нового Городового Положения 1892 года. Только по отношению к Верхнеудинску и Троицкосавску оно было применено в полном объеме.

Будучи сколком с российского общества, забайкальские города, сохраняя свои особенности, шли в фарватере культурного развития Центральной России. Россия в XIX в. испытывала на себе мощное воздействие европейской мысли и истории. Первое масштабное знакомство сибиряков с европейской и отечественной мыслью произошло в первой половине XIX в. в лице декабристов, оказавших серьезное воздействие на сибирские умы, всколыхнув забайкальское общество.

Эстафету декабристского просветительства подхватили последующие поколения политических изгнанников. Перефразировав замечание Н.С. Тютчева (член общества «Земля и воля», с 1878 г. находившийся на поселении в Баргузине) можно сказать, что города Сибири, особенно малые, обязаны «народным образованием и обще-

ственным своим развитием... министру внутренних дел ... департаменту полиции», так как ссыльные стали мощным толчком в пробуждении Сибири и в становлении ее на путь культурного развития. Естественно, что более глубокое и системное воздействие испытали на себе города, их интеллектуальная элита, формирующаяся в течение второй трети XIX в. Под элитой, в данном случае, мы понимаем тот небольшой, довольно тонкий слой горожан, обладавший достаточной активностью, пониманием необходимости и желанием изменений на культурной ниве края. Это инициативное ядро включало в себя учителей, священников, купцов и членов их семейств, мещан, врачей, служащих различных ведомств, приказчиков. В силу постоянной миграции оно подвергалось некоторым изменениям, но в целом оставалось стабильным. Культурное ядро пополнялось не только сибирскими мигрантами, но и мигрантами из центра страны, одну из ветвей которых составляли обучавшиеся в центральных вузах забайкальцы. Это один из факторов взаимодействия/привнесения культуры метрополии-провинции.

Однако деятельности одного культурного ядра недостаточно. Должна существовать до определенной степени развития культурная почва, способная откликнуться на требования времени, т.е. контингент потенциальных потребителей. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. грамотное население городов (от 1 до 60 лет) составляло 29 % в Селенгинске, 30 % в Баргузине, 38 % в Троицкосавске со слободами, 40 % в Верхнеудинске. На 19338 горожан приходилось 7329 грамотных, что в среднем по городам составляло 38 % (из них 12 % - женщины).

Культурная инфраструктура городов Бурятии второй половины XIX в. во многом определяется предшествующим периодом культурного развития, в частности наличием в городах частных музеев, библиотек, рукописных журналов, периодически устраивавшихся домашних и любительских драматических представлений. Ее становление обусловлено насущными потребностями. К концу века изменилась сама атмосфера эпохи. Ускоренное развитие промышленности, строительство железных дорог, изобретения в области коммуникации, вошедшие в повседневную жизнь, порождали сциентистские настроения.

Ценность городского центра для уезда заключалась в средоточии здесь культурных учреждений, прежде всего учебных заведений. Особое значение в распространении культурных начинаний на округу оказывали Троицкосавск-Кяхта и Верхнеудинск. Если первый, на-

копив в ходе развития значительный культурный потенциал, при изменившихся условиях конца XIX - начала XX в. сумел его сохранить, то, второй, особенно после проведения железной дороги, довольно быстро его набирал. Создав собственную структуру, эти города служили примером в деле культурного строительства округа. Если до 1910 г. в Троицкосавске и Селингинске было всего две общественных публичных библиотеки, то после 1910 г. к ним прибавились 3 библиотеки в Троицкосавском и 1 - в Селингинском уездах. Начавшиеся с 1894 г. народные чтения (Троицкосавск, Верхнеудинск) с течением времени устраивались и в других городах. Длительная и успешная работа Троицкосавского отдела ИРГО и краеведческого музея при нем заставила верхнеудинскую интеллигенцию сначала открыть маленький музей на общественных началах, а затем и ходатайствовать об открытии в городе Отделения ИРГО. Возникшая в ходе развития система взаимодействия городов способствовала созданию сети культурных учреждений и была нацелена на процесс профессионализации культуры.

Осуществляя свою главную функцию - культурную - т.е. предоставляя горожанам возможность реализации своего творческого потенциала, город всем своим развитием подготовил почву для культурного взрыва конца XIX - начала XX в. Термин «культурный взрыв», на наш взгляд, оправдан (достаточно перечислить те новации в сфере культуры, которые возникли, например в Верхнеудинске, с 1881 по 1916 гг. - 27 учебных заведений различных ступеней, 3 библиотеки, 4 книжные лавки, 2 книжно-картонных магазина и склад учебных пособий, 2 типографии, 8 фотографий, 2 иллюзиона, арестантский детский приют, приют-богачельня, 8 обществ различного типа, 3 театральные залы, Народный дом).

Вся инфраструктура городской культуры была создана именно в этот короткий промежуток времени в сравнении со временем развития и становления города. И это неслучайно. Мировая культура, частью которой являлась российская культура, вступила в полосу развития, названную культурологами феноменом «сжимающегося времени» и характеризующуюся ускорением развития, в том числе и культурного.

Примечания.

1. Вебер М. Избранное. Образ общества. - М.: Юрист, 1994. С. 309.
2. Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. - М.: Наука, 1996. - С.12,14.

Традиции рыболовства у бурят

Несмотря на доминирующую роль скотоводства, в хозяйственной жизни бурят значительную роль играли промыслы, такие как охота, извоз, рыболовство и другие. Рыболовство с древнейших времен имело немаловажное значение у многочисленных групп бурятского населения.

Традиции бурятского рыболовства сохраняли многие черты охотничье-рыболовного хозяйства ранних монголов. С IX в. происходит процесс перемещения монголоязычных племен в районы рек Верхней Ангары, Лены и Иркутга с востока, бассейна рек Онона и Керулена, озера Буир-Нор. Процесс расселения монголоязычных племен на запад сопровождался вытеснением и ассимиляцией тюркоязычных объединений и групп.

Вопрос об истории ранних монголов, неоднократно дискутировался в научной литературе. Г.Н.Румянцев на основании изучения арабских и монгольских письменных источников XIII-XIV вв, разделял монгольские племена на «лесные» и «степные», в зависимости от местности проживания. «Лесные» племена были широко расселены по побережью о. Байкал, верховьев р. Енисей и по р. Иртыш.¹⁰ Ранних монголов можно считать типичными представителями лесного комплекса.

Изучение письменных и этнографических материалов позволило реконструировать основные признаки культуры, характерные для «лесных народов». Повсеместно у этих народов развивается коневодство, земледелие, тем не менее, основу хозяйственно-культурного комплекса составляла присваивающая экономика: охота, собирательство, рыболовство.²

В «Сокровенном сказании» и других средневековых памятниках монгольской литературы неоднократно упоминаются разнообразные орудия рыболовного промысла у «лесных» племен. Определенный

интерес представляет историко-лингвистический анализ ряда монгольских литературных памятников XII-XVI вв. предпринятый некоторыми исследователями. Б.Я.Владимирцев, В.И.Рассадин отмечали, что в языке средневековых монголов в значительной степени нашло отражение занятие рыболовством. У «лесных» племен существовала разнообразная и детализированная рыболовная терминология. У «степных» племен, населявших территорию современной Монголии, рыболовство также имело место, хотя и в меньшей степени. Они занимались ловлей рыбы от «случая к случаю».³ Как «лесные», так и «степные» племена знали индивидуальный промысел и коллективные способы лова. У них были распространены и водные виды транспорта - лодка и плот.⁴ Такие орудия лова как сеть и невод известны всем группам монголов и являются относительно древними. В.И.Рассадин делает вывод, что развитая рыболовная терминология свидетельствует о давнем занятии ловлей рыбы. Приведенные данные не оставляют сомнений в том, что у монголоязычных племен рыболовный промысел в данный период был довольно развит.

В исторической литературе неоднократно подчеркивалась роль «лесных» народов в формировании культурного облика монголов, бурят, тувинцев и других народов. По данным М.Н.Хангалова, «прежние буряты были рыболовами, без рыболовства бурятам в известное время прожить было бы трудно, поэтому в определенное время года они занимались рыболовством и мясом пойманной рыбы питались».⁵ На основе изученных фольклорных материалов, преданий о зэгэтэ-аба, ученый предположил, что данный промысел у бурятских племен имел большое значение в так называемую эпоху зэгэтэ-аба (облавных охот) - «своеобразно-охотничьего строя». Этот период М.Н.Богданов датировал началом II тыс. н. э.⁶ Таким образом, монгольские племена, занимаясь скотоводством, долго сохраняли черты «лесных», охотничьес-рыболовецких племен.

ЖКТ с ведущей ролью экстенсивного скотоводства, в сочетании с мотыжным земледелием, охотой и рыболовством, был зафиксирован у бурят к моменту появления на их территории русского населения. Он сохранялся на протяжении значительной части XVII в. В первых письменных описаниях бурятского хозяйства в отписках русских служилых людей содержатся в основном данные о скотоводстве, земледелии и очень редко о рыболовстве.⁷ В большинстве письменных источников указанного времени, бурятские племена представлены преимущественно скотоводы. Тем не менее, экологические усло-

вия природных зон почти повсюду открывали широкие возможности для занятия рыбной ловлей. Наличие в Прибайкалье и Забайкалье водоемов, изобилующих рыбой, а также сохранившиеся древние традиции ее лова, все это способствовало развитию здесь рыболовства.

В 1643 г. якутский пятидесятник Курбат Иванов с партией казаков и промышленников высадился на острове Ольхон, где захватил большую добычу и много пленных. К.Иванов в своем донесении сообщал о «сравнительно развитом рыболовстве» у бурят, населявших остров.⁸ Через два года из г.Енисейска была снаряжена экспедиция под началом атамана В.Колесникова, который высадился на южном берегу о.Байкал. Недалеко от устья р.Селенги, в Кударинской степи он встретил «больших братских людей... вынудивших его отступить». «Большие братские люди» также занимались рыболовным промыслом.⁹ Более поздние свидетельства конца XVII - начала XVIII вв. так же отмечали наличие рыболовства у бурят, проживающих в устье р.Селенги и у приангарских бурят (С.Ремезов, И.Идес).¹⁰ Таким образом, значительное, а во многих случаях решающее влияние на формирование рыболовства у бурят оказал географический фактор. Наблюдения путешественников, свидетельства служилых людей, позволяют сделать вывод, что в XVII в. рыболовством занималось в основном население жившее в районах, прилегающих к Байкалу, на о.Ольхон, реках Селенге, Ангаре.

Буряты ловили рыбу в зависимости от времени года, когда кончались запасы продовольствия. Рыбные продукты играли важную роль в начале весны, когда пищевые запасы были на исходе, и в молочных продуктах испытывался недостаток. Как сообщали источники XVII-XVIII в., рыболовством занималась главным образом бедневшая часть населения, так как оно давало возможность постоянного пропитания в течение года. Так, в 1685 г. «коринские и батулинские» шуленги сообщали, «меж ими де есть захребетные людишки, бесскотны, живут около Байкала моря и кормятся рыбою». И.Георги в начале XVIII в. отмечал: «Рыбной ловлей занимаются только в крайней нужде... У бурят бедные люди питаются как и тунгусы рыбою и кореньями.» Аналогичная картина наблюдалась также у киргизов, казахов и других скотоводческих народов, у которых рыбой питались в основном бедняки. Спецификой природных условий в сочетании с причинами социально-экономического порядка и этническими традициями определялось развитие рыболовного промысла.

В XVII в. рыболовство у бурят играло незначительную роль. Оно

не выделилось в самостоятельное занятие какой-то части населения, оставаясь второстепенным, хотя и довольно важной отраслью натурального хозяйства. Значение его увеличилось в XVII - начале XIX вв. По мере заселения, возрастает экономическая роль края, который постепенно превращается в рыболовно-зверопромысловую область Восточной Сибири. В этом качестве регион выступал в XVII-XVIII вв. в системе всероссийского внутреннего рынка. Бурятское хозяйство все больше втягивалось в товарно-рыночные отношения. В связи с чем, большое значение для экономики бурятских ведомств, расположенных в прибрежных районах имели промыслы тесно связанные с рынком, такие как рыболовство, в сфере которого наблюдается зарождение капиталистических отношений.

С XIX в. изменение роли рыбного промысла особенно отчетливо проявлялось в районах, прилегающих к Байкалу. Основными районами развития рыболовства в бурятских ведомствах являлись о.Ольхон и Кудринская степь. Близость к Байкалу и необходимость подсобных заработков для уплаты податей и повинностей в пользу казны и нойонов, стимулировала поиск заработков на стороне и развитие рыбного промысла у кударинских родов. Ольхон по своим почвенно-климатическим условиям был мало пригоден для ведения скотоводства и хлебопашества из-за естественной ограниченности и непригодности местных земель для выпаса овец. Все это вынуждало ольхонских бурят развивать промысел и добычу нерпы. Таким образом, постепенно определяется промысловая специфика экономики Ольхонского и Кударинского ведомств.

На темпы развития рыболовства в разных ведомствах, как уже было сказано выше, существенно сказывалось разнообразие географических условий. Кроме того, закономерным фактом являлось и то, что развитию рыболовства у бурятского населения способствовало наличие с конца XVII в. активного рыбного промысла у русского населения на Байкале, в устье р.Селенги и других крупных водоемах.

В гораздо меньших размерах рыболовством занималось население других ведомств. Тем не менее, несмотря на то, что данный промысел по значению уступал другим занятиям, распространен он был во многих районах и имел некоторое товарное значение. Об этом дают представление материалы степных дум. Так, по побережью Байкала вели промысел в Кудинском и Баргузинском ведомствах. В первой половине XIX в. в Кудинском ведомстве три рода - Алагуевский, 2 Ашехабатсина, 3 Харанутский - занимались промыслом в значитель-

ных размерах по рекам Бугульдейка, Голоустная и по побережью Байкала.¹¹ Баргузинские буряты ловили рыбу по р.Баргузин и ее притокам, р. Муе, по берегу Байкала, а также небольших озерах, расположенных в Баргузинской долине.

Источники конца XVIII - начала XIX вв. свидетельствовали о распространении рыболовства у хоринских и селенгинских бурят. В хронике Тугульдура Тобоева отмечалось: «с изначальных времен хоринский народ...вязал из конского волоса сети и ловил водяных рыб и ел их.»¹² В середине XIX в. часть хозяйств регулярно вела с весны до осени рыбный промысел. По данным Хоринской Степной Думы за 1854 г. рыболовством занимались девять родов: Галзотский, Зун Харганатский, Барун Хаоцайский, Зун Хаоцайский, Зун Кубдутьский, Ходагимский, Цаганский, Хальбинский и Курбанское отдельное общество. Хоринские буряты добывали рыбу на Еравнинских озерах, о.Шакша, реках Кудун, Она, Курба, Хилок, Витим.¹³ Современники отмечали занятие рыболовством у селенгинских бурят. А.Мартос, путешествуя по Восточной Сибири в 20-х годах XIX в. побывал на о.Гусиное, р.Селенге, где наблюдал занятия рыбной ловлей у бурятского населения. Селенгинцы промышляли по рекам Селенга, Чикой, Темник, Джида, о.Гусиное.

В остальных ведомствах в основном имел место индивидуальный промысел. Население занималось рыболовством от случая к случаю. Сколько-нибудь значительного развития оно не получило. По данным Верхоленской степной конторы за 1803 г., лов рыбы производился в реках Лена, Анге, Манзурке, Куленге. В отчете Степной конторы отмечалось: «Тутошними жителями рыба употребляется по малому...для своей пищи».¹⁴ В такой же мере это может быть отнесено и к туикинским бурятам. Население Тункинского ведомства вело промысел в реках Иркут, Она. В годовом отчете Тункинской Степной Думы сообщалось: «Добычею рыбы жители ведомства занимаются в небольших размерах для собственного продовольствия».¹⁵

Специфика кочевого быта препятствовала развитию этой отрасли хозяйства. Источники свидетельствовали, что рыболовство все же получило определенное развитие среди бурятского населения, но и в XIX в. оно продолжало играть подсобную роль. Как правило, продукты рыбной ловли использовались бурятами в качестве дополнительного продукта питания. На протяжении XVII-XIX столетий в комплексном хозяйстве скотоводов преобладающими нормами хозяйства были экстенсивное скотоводство, в то время как рыболовство развивалось преимущественно на Байкале и других крупных водоемах.

Примечания.

¹ Румянцев Г.Н. Некоторые проблемы истории культуры монголов в XII-XIII вв. // Тр.БИОН СО АН СССР. - 1968. - В.3. - С.149.

² Селезнев А.Г. Барабинские татары (истоки этноса и культуры). – Новосибирск, 1994. – С.94.

³ Рассадин В.И. Термины охоты и рыболовства в языке средневековых монголов в XII-XIII вв. // Средневековая культура монгольских народов. – Новосибирск, 1992. – С.102.

⁴ Там же.

⁵ Хангалов М.Н. Собр.соч.- Улан-Удэ, 1958. - т.1.- С.114.

⁶ Богданов М.Н. Из истории бурят. - Верхнеудинск, 1916. - С.29.

⁷ Сборник документов по истории Бурятии XVII в. – Улан-Удэ, 1960. – В.1 – С.205.

⁸ Асхаев М.Г., Егоров А.Г. К истории рыболовства в системе о.Байкал.// Тр.БКНИИ СОАН СССР. - 1961. - В.5. - С.148.

⁹ Там же.

¹⁰ Асхаев М.Г., Егоров А.Г. – Указ.соч. – С.148., Гирченко В.П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII, первой половины XIX вв. о бурят-монголах. – Улан-Удэ, 1939. – С.12.

¹¹ Гирченко Гирченко В. Хозяйство кудинских бурят в XVIII - первой трети XIX вв.// Жизнь Бурятии. -1927.- № 1-3. - С.27.

¹² Летописи хоринских бурят. Хроники Т.Тобоева, В.Юмсунова.// Материалы для истории бурят-монголов/ Тр.института востоковедения. – М.И., 1940 – В. IV. – С.80.

¹³ НАРБ ф.8, оп.3, д.104.

¹⁴ НАРБ ф.460, оп.1, д.22.

¹⁵ НАРБ ф.171, оп.1, д.157.

А.К. Бардамова

Зарождение профессионально-технического образования в дореволюционном Забайкалье

История профессионально-технического образования в дореволюционном Забайкалье практически не изучена, за исключением двух-трех статей, которые далеко не полностью освещают данную проблему и некоторых газетных публикаций, которые посвящены истории отдельных школ и училищ.

К значительным исследованиям относится совместная работа «Очерки истории профессионально-технического образования в Сибири» (1917-1980). В ней освещается также вопрос о состоянии профессиональной подготовки в дореволюционной Сибири. Приводятся некоторые, весьма короткие, но вместе с тем интересные данные по дореволюционной Бурятии и Читинской области.

Определенный интерес представляет статья Т.А. Константиновой

«Страницы истории народного образования дореволюционного Забайкалья», в которой автор дает подробную картину народного образования Читинской области в дореволюционный период.

Данная статья посвящена становлению и развитию профессионально-технического образования в дореволюционном Забайкалье.

Первые профессионально-технические учебные заведения появились в России в XVIII веке. Еще при Петре I были созданы навигацкая, инженерная, артиллерийская, медицинская, геодезические школы и горные училища при заводах и рудниках. Их появление было связано с социально-экономическим и политическим развитием страны в первой половине XVIII века. Эти специальные учебные заведения положили начало новому направлению в народном образовании – профессиональному. Впервые эти училища и школы, опираясь на общеобразовательные и профессиональные знания, должны были подготовить своих выпускников для работы в различных отраслях промышленного производства.

С развитием металлообработки в начале XIX века, в России появляются предприятия, на которых производились сложные инструменты, приборы и механизмы. Значительно выросла в эти годы производительность домен. Доменный воздухонагреватель впервые был применен в Англии, но и в России проводились такие опыты: в 1829 года на Александровском казенном литейном заводе в Петербурге, в 1885 году – на Петровском железоделательном заводе. Даже при устаревшем оборудовании горячее дутье повышало производительность труда. Однако для этого нужны были обученные квалифицированные мастера.¹ В Сибири также были достигнуты значительные успехи в разработке месторождений цветных металлов, что способствовало развитию горного дела. Развивалась текстильная промышленность.

За 35 лет (1825-1860) число крупных предприятий обрабатывающей промышленности и занятых в ней рабочих в возросло втрое.² Доля вольнонаемных рабочих в обрабатывающей промышленности к 1860 году составила уже 4/5 общей численности рабочих.³ При этом происходил не только быстрый количественный рост промышленных предприятий, но и совершались их качественные изменения. Мануфактура медленно уступала место фабрике.

В России первые заводские технические школы были открыты при олонечских и уральских заводах. Во второй половине XVIII века подобные училища появились и в Сибири – в Алтайском и Нерчин-

ском округах. Они готовили специалистов, знакомых с работой на рудниках, рудничных механизмах, заводских лабораториях.

Забайкалье называли краем «забытым Богом и людьми». Однако, как ни противоречиво, но в XVIII и начале XIX веков здесь грамотных людей было больше, чем в центральной России. Это объясняется следующими причинами. В это время около Нерчинска разрабатывались рудники, и строился сереброплавильный завод, а первыми поселенцами Сибири были казаки и им нужна была начальная грамотность. Возникла необходимость подготовки собственных кадров.

Первым профессиональным учебным заведением в Забайкалье была Навигацкая школа, которая открылась в 1754 году «с целью обучать геодезии, горному делу и навигации детей дворянских, сыновей боярских, морских, адмиралтейских, солдатских и казачьих, сколько признано будет нужным».⁴ Через год в ней обучалось 35 человек, и только один – арифметике, а 34 – читать и писать.

В 1765 году Нерчинскую Навигацкую школу соединили с Иркутской. За время существования в ней обучалось 150 мальчиков. Из них в «секретную экспедицию» поступило три человека, отправлено в Охотск – шесть, определены в Нерчинское горное управление к разным должностям – 36 человек, в драгуны – 23, в Нерчинские заводы – 13, «непонятие наук» (были такие) определены обучению разному мастерству – 7, исключено по болезни – 8, умерло – 3, переведено в Иркутск – 39.

Таким образом, Нерчинская школа за 10 лет дала краю всего лишь 50, в какой-то мере грамотных людей. Но по тем временам и это существенно сказалось на развитии края.

Навигацкие школы в Сибири существовали благодаря энтузиазму, бескорыстию, горячей преданности делу поборников мореходного образования адмиралов В.А. Мятлева, Ф.И. Соймонова, учителей навигацких школ Бритова, Татаринова. Они подготовили более 220 специалистов.⁵ В 1835 году последние навигацкие школы Сибири были закрыты.⁶

В 70-е годы XVIII века потребность в специалистах горного дела была настолько велика, что промышленники обратились в Берг-коллегию, (Берг-коллегия – орган по руководству горнорудной промышленностью. Существовала с перерывами с 1719 по 1807 годы)⁷ с просьбой открыть специальное учебное заведение. Сенат поддержал ходатайство Берг-коллегии. В 1774 году было открыто горное училище в Петербурге, через пять лет в Барнауле.

В XVIII веке Забайкалье становится третьим металлургическим центром Сибири. Строятся заводы, растет добыча руды, появляется экономическая необходимость в грамотных рабочих, специалистах, знающих горное дело.

Первое горное училище в Забайкалье было открыто в январе 1823 года, в Нерчинске на 100 учеников, основанное на местной «удобности» для детей горных чиновников и нижнего звания людей, служащих в ведении Нерчинских заводов⁸

«Цель учреждения сего училища есть двоякая: чтобы образовывать людей, способных к горной службе по всем частям оной на месте при заводах, и приготавливать отличнейших по способностям и поведению учащих для окончательного обучения в горном кадетском корпусе».⁹

Учащимися первого выпуска были 99 юношей, из которых только 12 были крестьянскими, солдатскими и подмастерными сыновьями.

Среди первых педагогов этого училища были люди образованные, с передовыми политическими взглядами. Инспектор училища А.А. Злобин был в то время видный специалист горного дела, автор ряда статей по этому вопросу, большой любитель литературы. Преподаватели в училище закончившие Петербургский кадетский корпус Ф.И. Бальдауф, Н.Ф. Фриш, А.И. Кулибин, А.Н. Таскин.

Обучающихся детей делили на три разряда, соответственно определяли и жалование: в первом разряде – по 26, во втором – по 20, а в третьем – по 14 рублей в год.

В 1828 году инспектор Чебаевский предложил несколько иной план преподавания наук в Нерчинском горном училище.

Процесс преподавания был продуман так, чтобы науки были общими для всех, а некоторые – французский, немецкий и латинский языки дополнительными для тех, кто будет учиться дальше. «Для горной и заводской службы на здешних заводах некоторые существенные и вспомогательные науки, а для приказной или канцелярской службы особенное усовершенствование, в чисто и правописании рукописей и приучении к сочинению деловых бумаг и класть на счетах».¹¹ Исходя из этих соображений инспектор Чебаевский предложил весь курс обучения разделить на четыре общие класса и пятый вспомогательный. Цель такая: «... в третьем классе оканчивать обучение тем, кто должен быть определен в приказную службу... Ученики с лучшими способностями и прилежанием, оказывающие хорошие успехи в учении и благонравии, должны быть более пригодны

для горной заводской службы, переводятся в четвертый класс, где должны ... слушать полный курс учения в двухгодичное время. Обучение языкам французскому, немецкому и латинскому будет проводиться в пятом или вспомогательном классе с таким расположением, чтоб учащиеся языкам, не могли отставать в следовании за преподаванием других предметов и были наравне с прочими, а потому в то время, когда одни будут заниматься изучением языков, прочия из того класса будут заняты усовершенствованием в сих предметах кои более для них будут нужны в последствии».¹² Инспектор Чебаевский предложил также, что «... для ежедневного обучения может быть достаточно времени по шесть часов, а потому в каждый день недели, кроме воскресного заниматься учением до полудня четыре часа и после полудня в четыре дня недели по два часа, а в среду и субботу дается вообще свобода, хотя некоторые только будут заняты рисованием и чистописанием. Учение может начинаться, судя по времени года, по утру в семь или восемь часов, а после полудня в час или в два часа».

Судя по всему, инспектор Чебаевский хорошо понимал, что переутомление, перегрузка в занятиях не позволит улучшить результаты обучения. Предложения по усовершенствованию процесса преподавания были приняты. Доказательством этого служит документ 1837 года, в котором есть расписание предметов по классам, а не по разрядам, как предполагалось в начале¹³. Согласно этому расписанию, до третьего класса преподаются общеобразовательные предметы, а в третьем классе есть практические занятия по переписи деловых бумаг, письма под диктовку, упражнения на счетах, практические упражнения в решении арифметических задач в расчетах горнозаводских и хозяйственных. В четвертом и пятом классах идут специальные предметы и практические занятия в пробиренном и маркшейдерском искусствах.

Таким образом, знакомство с этими документами позволяет сделать вывод о прогрессивной, взаимосвязанной системе преподавания.

В первой четверти XIX века в Нерчинском горном округе действовало 9 низших горнозаводских школ¹⁴, в том числе 6 школ при заводах (Нерчинском, Кутомаровском, Петровском и др.) и 3 школы при рудниках (Зерентуйском, Газимуровском, Кличкинском). Во всех школах обучалось более 160 детей.¹⁵ С учетом горнозаводских школ и окружного училища Нерчинского горного округа, открытых в 20-е годы XIX века, к началу 60-х годов в Сибири насчитывалось около 30

учебных заведений, в которых обучалось, по ориентировочным данным, более 2200 учащихся.¹⁶

Во второй половине XIX века горные школы Алтая и Нерчинского горного округа пришли в упадок. К 1876 году в Нерчинском горном округе осталась всего одна горнозаводская школа и Нерчинское горное училище.¹⁷

Нельзя не отметить, что в этот период очень много сделали для распространения ремесленно-технических знаний в Забайкалье декабристы, братья Бестужевы и Торсон, особенно среди бурятских крестьян.¹⁸

М.А. Бестужевым был устроен особый легкий экипаж («сидейка» или «бестужевка»). С целью распространения этого экипажа Бестужев устроил мастерскую, в которой работало под его руководством до 30 молодых бурят. Кроме того, Бестужев организовал часовую, ювелирную и оптическую мастерскую. Мастерская, в которой изготавливались сидейки, была в то время ремесленной школой: работавших там бурят М.А. Бестужев обучал столярному, слесарному, кузнечному и другим ремеслам.¹⁹

В это время в Забайкалье существовали и частные профессиональные учебные заведения, такие как сиропитательная ремесленная школа имени Я.А.Немчинова в г. Троицкосавске, которая была открыта в 30 марта 1886 года по инициативе статского советника Якова Андреевича Немчинова, который пожертвовал на ее открытие 50000 рублей и 2-х этажный каменный дом.²⁰ Цель данного заведения - «приучить смолоду к производительному труду, дать образование детям недостаточных родителей и сирот». Школа была рассчитана на 20 мальчиков.²¹

Я.А.Немчиновым была разработана инструкция по управлению школой и ее устав, согласно которому школа находилась под покровительством Приамурского генерал-губернатора. Управление школой возлагалось на Троицкосавскую городскую управу, под председательством городского головы. В обязанности Совета школы, который состоял из 3 человек, входило наблюдение за правильным ходом, как хозяйственной, так и учебной деятельности школы, а также распоряжение капиталом школы и ведение отчетности. Совет назначал смотрителя школы, письмоводителя, воспитателя и прочую прислугу.²² В школе преподавались портняжное, сапожно-башмачное и столярное ремесла под руководством трех опытных мастеров. По уставу до 12 часов воспитанники учились в приходском училище, а с 14 до 17 ча-

сов начинались занятия ремеслами. Ученики, желающие обучаться черчению и рисованию занимались этим с 14 до 18 часов.²³

Прием воспитанников производился по усмотрению Совета или управы. Дети поступали в школу с 9 до 14 лет, не достигшие 9 лет и старше 14-летнего возраста могли поступить в школу только по решению городской управы и Совета.

Мальчики, показавшие особые способности по обучению грамоте или рисованию могли быть рекомендованы для обучения в реальное училище.

Экзамены в школе проводились ежегодно не позднее 15 июня. Во время каникул прекращались только класные, но не ремесленные занятия. 23 октября устраивались особые базары-выставки в здании школы. Деньги, вырученные от продажи изделий поступали в пользу мастеров-учителей, если они не получали особого жалования от заведения, или же в пользу самого заведения, а четвертая часть вырученных денег отчислялась в пользу учеников.

Пребывание воспитанников в школе оканчивалось не ранее достижения ими 18-летнего возраста. Тем из воспитанников, которые показывали отличные успехи по какому-либо мастерству, предоставлялось право остаться в заведении мастерами с получением жалования по усмотрению городской управы.

По имеющимся архивным документам о выпуске учащихся свидетельствует следующая таблица²⁴:

Год	Количество человек	Выпуск
1889	23	Не было
1896	31	8
1897	34	6
1898	32	5
1899	33	3
1901	21	2
1905	22	Данных нет
1906	29	3
1907	29	3
1908	23	2
1909	25	2
1911	28	4
Итого:		38

С 30-х годов XIX века в России, в том числе и в Забайкалье начинают появляться специальные школы и училища, предназначавшиеся

для глубокой как теоретической, так и практической подготовки.

В 1893 году по инициативе представителей Читинской городской думы и общественности города, на основе ходатайства перед Николаем II, посетившего Читку во время своего кругосветного путешествия, было открыто Читинское ремесленное училище. Оно было построено на народные деньги.²⁵ Занятия в училище начались 1 июля 1894 года – (открыт 1 класс). В 1895 открыли второй класс и в 1896 году – 3 класс. Училище было доведено до полного состава. К январю 1915 года во всех трех классах училось 101 человек. К 1 января 1916 г. числилось 97 человек, из них в слесарно-механическом отделении – 85 учеников, в слесарном – 12 человек²⁶. В училище принимались мальчики в возрасте от 11 до 12 лет без экзамена, по свидетельству за курс начального училища.

Таблица 1, 2

Распределение учащихся по возрасту

До 13 лет	4 ч.
До 14 лет	8 ч.
До 15 лет	25 ч.
До 16 лет	20 ч.
До 17 лет	24 ч.
До 18 лет	10 ч.
До 19 лет	6 ч.
Итого:	97 ч.

Распределение учащихся по уровню подготовки

С домашним образованием	19 ч.
Окончившие курс начального училища	57 ч.
- » - двухклассных - » -	16
- » - высших начальных училищ	5
Итого:	97 ч.

За обучение платили по 10 рублей в год. Неимущие, по усмотрению педагогического совета, от платы освобождались. В училище учились дети потомственных дворян, казаков, мещан, но больше всего было крестьянских детей. В училище работало всего 10 человек персонала

Согласно § 16 Устава ремесленных училищ занятия продолжались в течение года до 1 июня, за исключением праздничных дней, а также рождественских, пасхальных и летних каникул. Выпускные устные испытания приурочивались к 1 мая и длились в течение двух недель. Преподавание общеобразовательных и специальных предметов, а также практические работы в мастерских училища велись согласно учебным планам и программам, утвержденных Министерством Народного Просвещения 19 декабря 1890 года.

Во время практических занятий в учебных мастерских воспитанники старших классов дежурили в котельном отделении, при паровой и динамо машинах под непосредственным наблюдением руководителей практических работ. Для улучшения способов и приемов преподавания училищем приобретались различные учебные пособия.

Для поднятия успеваемости учащихся и повышения интереса к общеобразовательным, так и специальным предметам преподавателей рекомендовалось использовать показательные методы обучения и наглядные учебные пособия.

Прогрессивно развивающаяся добывающая и обрабатывающая промышленность Забайкалья давала возможность администрации училища без особых затруднений трудоустраивать окончивших курс воспитанников, благодаря постоянной связи училища со многими техническими предприятиями области.

Со времени основания училища 1894 года по 1915 год полный курс училища окончили 190 человек, из них ремеслами занимались 60-80 %²⁷.

Художественно-промышленное образование в России возникло в период зарождения и развития капитализма на традициях и опыте народного декоративно-прикладного искусства.

На фоне общего подъема художественно-промышленного образования в России рубежа XIX-XX веков открытие в Чите художественно-промышленной школы (ЧХПШ) явилось значительным историческим событием в дальнейшей судьбе Сибири и Забайкалья, поскольку она стала первым сибирским профессиональным художественным учебным заведением. Идея открытия ее в городе принадлежала Забайкальскому комитету Изучения Сибири и улучшения ее быта в лице М.А. Рутченко-Короткоручко (1863-1937), известного педагога и прекрасного организатора школьного дела (художника).

В Министерство Торговли и промышленности, которому подчинялись подобные заведения, было направлено ходатайство об учреждении в Чите Художественно-кустарной школы с двумя мастерскими – столярной и ткацкой²⁸.

16 мая 1913 года Министр С. Тимашев утвердил Устав школы, а 1 июля этого же года она открылась. Школа стала первым в Сибири учебным заведением подобного типа от Владивостока до Урала и седьмой в России.

Срок обучения в школе – пять лет. В нее принимались лица не моложе 12 лет обоого пола всех сословий и вероисповедания. В первый

год было принято 29 учеников (16 – в столярную мастерскую, 13 – в ткацкую). Возраст поступивших колебался до 20 лет. Школа кроме профессионального давала и общее образование.

В мае 1914 года школа была переименована из художественно-ремесленной в художественно-промышленную. Теперь по окончании курса обучения в школе ее выпускники получали звание ученого рисовальщика, а отучившись три года в мастерских – звание подмастерья с правом получения через три года практики звания мастера по изученному мастерству.

К 1917 году назрела необходимость по преобразованию школы в училище со всеми правами среднего учебного заведения, сделав его, таким образом, центральным художественно-промышленным училищем всей Сибири. Это предложение встретило поддержку со стороны Министерства торговли и промышленности Временного Российского Правительства. Но дело с преобразованием затянулось, и только в 1919 – 1920 учебном году школе был дан статус училища, введен специальный предмет – методика преподавания рисования и экзамен по нему, а выпускникам присваивалось звание преподавателя рисования начальных и высших начальных училищ.

Первоначально ЧХПШ находилась в ведомстве Министерства торговли и промышленности. Общее заведование осуществлялось Попечительским Советом, а за учебный процесс отвечал педагогический совет во главе с директором.

К 1921 году при школе постоянно работали кроме ткацкой и столярной – резничная, рукодельная, живописная мастерские. Периодически действовала: сапожная, игрушечная, керамическая, скульптурная.

20 октября 1922 года по приказу Министерства просвещения ДВР ХПШ стала именоваться Читинским художественно-промышленным техникумом. В 1923-1924 учебном году, по приказу ДальОНО ЧХПТ объединили с Читинским политехникумом.

За это десятилетие в школе обучалось 400 человек. Диплом об окончании получили 65 учеников: в 1917 г. – 3, в 1918 г. – 5, в 1919 г. – 2, в 1920 г. – 3, 1921 г. – 12, в 1922 г. – 2, в 1923 г. – 25²⁹.

ЧХПШ была первым центром профессионального художественно-промышленного образования в Сибири, действовавшим в самый сложный период отечественной истории (1913-1923 гг.) и прекратившим свое существование в первые годы Советской власти.

Из сельскохозяйственных учебных заведений на территории Забайкалья в этот период существовала Илькинская низшая лесная

школа при Илькинском лесничестве³⁰ и землемерное училище в г. Чите, открытое в 1909 году. Лесные школы появились на территории России в конце XIX века и находились в ведении Министерства государственных имуществ. Срок обучения был установлен 2 года³¹. Принимались в лесные школы в основном юноши от 16 до 18 лет, имеющие образование в объеме уездного (городского) или сельского двухклассного училища.

По Положению о низших лесных школах³² учебные предметы состояли из общеобразовательных и специальных дисциплин. На первом курсе изучались следующие учебные предметы: арифметика с алгеброй, русский язык, закон божий, геодезия, зоология, и охота. На втором курсе – геометрия, ботаника, лесная технология, охота. Программа по русскому языку и арифметике предусматривала повторение курса городского (уездного) училища.

Илькинская лесная школа была единственной в Забайкалье, которая готовила кадры для лесного хозяйства, но все же осенью 1919 года она была закрыта Лесным департаментом³³. Судя по документам: основными причинами закрытия были: неправильное освещение дела преподавания и возрастной состав учеников, подлежащих призыву в войска³⁴.

С первого десятилетия XIX века с целью распространения профессиональных знаний при гимназиях и уездных училищах стали создаваться дополнительные ремесленные классы и курсы. Они были различных направлений: промышленные, коммерческие, сельскохозяйственные и мореходные.

С середины XIX века, начинают создаваться дополнительные классы и курсы, готовившие к различным видам ремесленных работ (столярному, слесарному, сапожному, портняжному и др.).

Из отчета о школах МШЗ Забайкальской области подведомственной дирекции народных училищ за 1915 год, мы видим, что обучение ремеслам производилось в 4 железнодорожных училищах, содержащихся на средства Забайкальской железной дороги³⁵:

1. В Шилкинском 2-классном, по переплетному делу, где обучалось 74 человека. 2. В Верхнеудинском 2 кл., переплетному и столярному делу – 40 чел. 3. В Мысовском 2 кл., - сапожному делу - 12 человек. 4. В Оловянинском 2 кл., - переплетному делу – 140 чел.

Ремесленные отделения существовали только при 4 училищах, а именно: 1. При Аргунском 2 кл. – по шорно-сапожному (6 уч.) и слесарно-кузнечному (10 уч.). 2. При Боргойском 1 кл. – по столярному

и слесарно-кузнечному (18 уч.). 3. При Мангутском 2 кл. – по слесарно-кузнечному и столярно-токароному (30 уч.). 4. При Троицкосавском 1 кл. имени Я.А. Немчинова – по сапожному делу (10 уч.). Эти ремесленные отделения содержались: при первых трех училищах на ежегодные ассигнования из земских средств в размере 600 рублей, а при Немчиновском училище на небольшие средства, ассигнованные основателем училища. В 1914 году Троицкосавской Городской Управой было возбуждено ходатайство о преобразовании этой школы в низшую ремесленную школу Министерства Народного Просвещения.

Учитывая настоятельную необходимость в планомерной организации целой сети учреждений по профессиональному образованию, дирекция в отчетном (1915) ходатайствовала об открытии ремесленных отделений при следующих училищах: 1. При Уктыченском 2 кл., Ломовской станицы, 2. При Торгинском 2 - кл., Торгинской станицы, 3. При Кударинском 2 кл., Кударинской станицы, Троицкосавского уезда, 4. При Жидкинском двухклассном, Жидкинской станицы - по столярному и слесарно-кузнечному ремеслам. 5. При Маньковском 2 кл., Маньковском инородческой волости, 6. При Кубухаевском 2 кл., Дурулгуеской станицы, 7. При Митрофановском 2 кл., Митрофановской станицы, 8. При Ундинском 2 кл. казачьем, Ундинской станицы, 9. При Красноярском 2 кл., Красноярской станицы, Нерчинско-Заводского - по столярному делу. 10. При Починном (Романовском) 1 кл. переселенческом, по кузнечно-слесарному и ткацкому ремеслам. 11. При Покровском (Укырском) 1 кл. переселенческом училище, Вехнеудинского уезда, по слесарно-кузнечному и столярному ремеслам. 12. При Бушулейском приюте для детей-сирот воинов, учрежденном при Бушулейском 1 кл. переселенческом училище, по столярному, слесарно-кузнечному и сапожному ремеслам. 13. При Баргузинском 1 кл. училище – женское ремесленное отделение, 14. При Сретенском 2 кл., женское и 15. При Нерчинско-Заводском 2 кл., женское – по дамско-портновскому и белощвейному мастерству.

На содержание ремесленных отделений выделялись ежегодные ассигнования по 600 рублей на каждое отделение, всего 11400 рублей, из складывающихся земских средств - 6600 рублей, средств Забайкальского казачьего войска - 2400 рублей, средств переселенческого управления – 2400 рублей.

В 1917 году при Баргузинском приходском училище уже действовало женское ремесленное отделение: по бельевому, дамско-портновскому ремеслам³⁶. На 1 января 1917 года числилось 36 чело-

век: до 12 лет – 17 чел., от 16 лет – 19 чел.; городских – 27, сельских – 9 чел.³⁷ Женское ремесленное отделение существовало за счет поступлений из казны – 1065 рублей, земства – 600 рублей и платы за обучение – 200 рублей³⁸. Занятия проходили ежедневно, кроме праздничных дней: по дамско-портновскому с 9 до 13 часов, а по бельевому с 14 до 18 часов³⁹.

Таким образом, изучив все имеющиеся материалы и документы по дореволюционному периоду можно сказать, что в Забайкалье имелись почти все типы профессиональных учебных заведений, существовавшие в Европейской России. Несмотря на большую удаленность от центра в дореволюционном Забайкалье проводилась определенная работа по созданию и открытию профессиональных учебных заведений, готовящих квалифицированные кадры рабочих, с использованием передовых методов преподавания того времени. Они решали не только проблему подготовки квалифицированных кадров рабочих и местной технической интеллигенции. Эти училища и школы были первыми очагами светского образования в Забайкалье, сыгравшими значительную роль в распространении грамотности и культуры среди забайкальского населения.

Примечания.

¹ Очерки истории профессионально-технического образования в СССР/ Под ред. С.Я. Батышева. – М.: Педагогика, 1981, С.13.

² История СССР с древнейших времен до наших дней, Т.IV, С.218.

³ Там же, С.221.

⁴ «Забайкальский рабочий», №175, 16 сентября 1992.

⁵ История Сибири. –Л., 1968, С.325-326; Стибнев А. Навигацкие школы Сибири. –«Морской сборник», 1866, № 11, С.6.

⁶ Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Н.-Николаевск, 1923, С.35.

⁷ Очерки истории профессионально-технического образования в СССР/ Под ред. С.Я. Батышева. – М.: Педагогика, 1981, С.18.

⁸ «Забайкальский рабочий», 13 июля 1988.

⁹ ГАЧО, ф.31, оп.1 д.859, Л.540.

¹⁰ ГАЧО, ф.31, оп.1, д.859, Л.624.

¹¹ ГАЧО, ф.31, оп.1, д.859, Л.626

¹² Константинова Т.А. Страницы истории народного образования дореволюционного Забайкалья, С.9. В сб. Забайкалье: некоторые аспекты истории края. Межвузовский сборник научных статей, Чита, 1993.

¹³ Очерки истории профессионально-технического образования в СССР/ Под ред. С.Я. Батышева. – М.: Педагогика. 1981, С.20.

¹⁴ Очерки истории профессионально-технического образования в Сибири. 1917-1980 /Костенков П.П. Душаков В.П., Чирков А.Д. –М.: Высш. шк., 1984. С.14.

- ¹⁶ Там же. С. 15.
- ¹⁷ Очерки истории профессионально-технического образования в СССР/ Под ред. С.Я. Батышева. – М.: Педагогика, 1981, С.104.
- ¹⁸ Кудрявцев Ф.А. История Бурят-Монгольского народа. От XVII в. до 60-х годов XIX в., Изд-во Академии Наук СССР, М.-Л., 1940, С.226-228.
- ¹⁹ Гирченко В.П. Декабристы братья Бестужевы на поселении в Селенгинске // Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927, С.1-8.
- ²⁰ НАРБ, ф.261, оп.1, д.1/471, Л.1,2.
- ²¹ НАРБ, ф.261, оп.1, д.1/471, Л.42.
- ²² НАРБ, ф.261, оп.1, д.1/471, Л.51.
- ²³ НАРБ, ф.261, оп.1, д.1/576, Л.38.
- ²⁴ Таблица составлена автором по НАРБ, ф.261.
- ²⁵ Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области 1993 г., Чита, 1992, С.55-58; Попов А.И. Город Чита. Описание, путеводитель-справочник. Чита, 1907, С.178.
- ²⁶ Отчет о школах МНП Забайкальской области подведомственной дирекции народных училищ за 1915 год, Чита, 1917, С. 40-41.
- ²⁷ Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области 1993 г., Чита, 1993, С.55-58.
- ²⁸ Там же. С. 65-71.
- ²⁹ Там же. С.70.
- ³⁰ НАРБ, фр.1171, оп.1 д.12, Л.164.
- ³¹ Кузьмин Н.Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России, Челябинск, 1971, С.211.
- ³² НАРБ, фр.61, оп.1, ед.хр.2, Л.1.
- ³³ НАРБ, фр.61, оп.1, ед.хр.2, Л.1; фр.1171, оп.1, д.12, Л.64.
- ³⁴ НАРБ, фр.61, оп.1, ед.хр.2, Л.1.
- ³⁵ Отчет о школах МНП Забайкальской области подведомственной дирекции народных училищ за 1915 год, Чита, 1917, С. 86-88.
- ³⁶ НАРБ, ф.211, оп.1, д.229, Л.2.
- ³⁷ НАРБ, ф.211, оп.1, д.242, Л.2 об.
- ³⁸ НАРБ, ф.211, оп.1, д.242, Л.4 об.
- ³⁹ НАРБ, ф.211, оп.1, д.229, Л.2 об.

А.О. Дагданова

Проблема качества подготовки специалистов в средних специальных учебных заведениях Бурятии (1960-1985 гг.)

Система среднего специального образования обладает повышенной динамикой, которая быстро реагирует на любые изменения социально-экономического плана. В современных условиях, когда происходит расслоение общества, снижается территориальная мобильность населения, повышается элитарность системы высшего профессио-

нального образования, возрастает социальная значимость средних специальных учреждений. Их многочисленность, относительно краткие сроки и невысокая стоимость обучения обуславливают важную роль СПО (среднее профессиональное образование) в удовлетворении образовательных потребностей населения с ограниченными экономическими возможностями.

В то же время необходимо подчеркнуть, что идет сложный процесс обновления той системы подготовки специалистов среднего звена, которая сложилась за последние 70 лет и отражала идеологические и экономические потребности социализма. В связи с этим актуальным является детальное изучение истории СПО в Бурятии с учетом современных подходов к образовательной политике, экономике, истории образования. Это позволит изучить, с одной стороны, механизм исторической преемственности в развитии СПО, с другой, показать те негативные политические, социально-экономические тенденции, которые должны быть преодолены образовательными учреждениями Республики.

Значительная протяженность территории России, сосредоточенность ссузов в центральных городах европейской части России и Западной Сибири обусловили недостаток образовательных потребностей Восточной Сибири, в том числе Республики Бурятия. Эвакуированная и местная промышленность в послевоенный период дали толчок дальнейшему развитию сети ссузов на территории республики. Таким образом, доступ к среднему специальному образованию получили жители самых отдаленных районов, в том числе тех, где проживало коренное население Сибири. Например, на территории Бурятии в 60-х годах количество ссузов колебалось от 15 до 22, в Хакасии – 6, Туве – 5. Это способствовало развитию производительных сил, подъему экономики и повышению социально-культурного уровня жителей данных районов.

О динамике развития сети ссузов Восточной Сибири свидетельствуют данные таблицы:

Динамика развития сети ссузов Восточной Сибири

Территория	Годы				
	1960/1961	1965/1966	1970/1971	1975/1976	1980/1981
Красноярский край	22808	51842	63147	71230	67054
Численность учащихся					

Иркутская область Численность учащихся	21245	40714	49293	49641	49490
Читинская область Численность учащихся	8545	15106	18876	21184	-
Бурятская АССР Численность учащихся	6955	16391	21529	22398	20327
Тувинская АССР Численность учащихся	1320	2243	3503	4199	4292
Всего по Восточной Сибири: Численность учащихся	60773	126296	156348	168652	161101

Из таблицы видно, что количественный рост кадров совершил большой прорыв за период с 60-х по 80-е годы. Росту численности учащихся способствовал набор на заочное и вечернее отделения. В 1959 г. были опубликованы два постановления Совета Министров СССР: «О льготах для студентов вечерних и заочных вузов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений», которое предусматривало оплачиваемые отпуска для сдачи экзаменов и выполнения работ обучающимся без отрыва от производства и постановление «Об участии промышленных предприятий, совхозов и колхозов в комплектовании вузов и техникумов в подготовке специалистов для своих предприятий».

Таким образом, вышеуказанные организации посылали на учебу собственных специалистов, выплачивая им стипендии, за это по окончании учебы молодые специалисты обязаны были вернуться на работу туда, откуда они были направлены. Все это положительно сказалось на количественном показателе выпускников ссузов. А как дело обстояло с качественной подготовкой специалистов?

Высшее и среднее специальное образование имело высокий престиж в 60-70-х годах и это способствовало тому, что основная часть молодежи после средней школы устремилась в вузы и ссузы. В результате по стране возникает определенный дисбаланс рабочих мест -

технические и инженерные должности в городах были заполнены с избытком, зато образовались вакансии рабочих мест, не требующих особой квалификации и связанных в основном с физическим трудом. Инженерно-технических работников часто переводили на «пустующее место», таким образом, обесценивая труд. Уравнивание зарплаты приводило к тому, что квалифицированные рабочие теряли интерес к труду. Система распределения специалистов заставляла использовать выпускников техникумов для выполнения неквалифицированной работы, так как не все предприятия могли обеспечить их работой по специальности. Искусственная дешевизна рабочей силы, низкая зарплата приводили к тому, что предприятиям было невыгодно внедрять новые технологии. В результате половина выпускников ссузов была занята на подсобных работах, что не соответствовало требованиям времени. Отсталость страны в области научно-технической революции, оснащенность предприятий старым оборудованием не могли не сказаться на качестве обучения специалистов среднего звена. При подготовке любой инженерно-технической ссуз использовал предприятия для прохождения производственной практики. По ее завершении учащийся получал определенный багаж умений и навыков, который шел в разрез со знаниями, которые давала теоретическая подготовка. В целом, складывающийся дисбаланс между теорией и практикой в этот период (1960-1985) не создавал у хозяйственников реальной заинтересованности в экономическом использовании трудовых ресурсов, а у ссузов – заинтересованности в качественной подготовке специалистов, так как государство гарантировало распределение выпускников ссузов в независимости от качества ее подготовки. Поэтому система среднего специального образования развивалась автономно от производства, а содержание обучения в ней было оторвано от требований к нему со стороны предприятий. Важным условием успешного решения подготовки специалистов среднего звена является формирование содержания обучения на основе деятельностного подхода, предполагающего всестороннее раскрытие будущей социально-производственной деятельности специалиста в содержании учебных предметов и видах практики. Но, к сожалению, в некоторых ссузах Республики содержание обучения было излишне раздуто «ненужными» предметами, а практика часто сводилась к использованию учащихся «на подхвате».

Что касается политики Министерства высшего и среднего специального образования СССР, то оно, совместно с Госпланом разрабо-

тало в начале 60-х годов план перспективной потребности отраслей промышленности в специалистах и предложения о необходимых изменениях профиля подготовки специалистов с учетом требований народного хозяйства. Система планирования, стоявшая между «производителем» кадров (учебными заведениями) и «потребителем» (предприятиями и учреждениями), отрывала подготовку специалистов от их использования и сама по себе порождала необоснованность заявок «потребителей», которые составлялись на основе спущенного сверху штатного расписания. Никто не был заинтересован в расчетах реальной потребности в специалистах для различных отраслей. Таким образом, система среднего специального образования (а также и высшего) становилась все более замкнутой, исходящей из своих собственных интересов, таких как постоянное расширение (экстенсивный путь), от которого зависело финансирование, престиж и сохранение кадров или, например, завышение кадровыми службами предприятий заявок на специалистов из-за боязни пересмотра штатного расписания, что могло повлечь уменьшение фонда зарплаты. Такая политика вела к наращиванию темпов подготовки специалистов со средним специальным образованием, несмотря на то, что государство не могло их обеспечить ни работой, ни зарплатой, соответствующей их квалификационному образовательному статусу. Кроме того, не учитывался даже демографический фактор. До середины 70-х годов прием в вузы рос наряду с увеличением выпуска учащихся из общеобразовательных школ, со второй половины 70-х годов прием в вузы продолжал увеличиваться, несмотря на то, что выпуск из средней школы стал уменьшаться. В результате этого стали снижаться конкурсы при поступлении, что повлекло за собой ухудшение качественного состава учащихся.

Подводя итог в развитии вузов в период 1960-1985 гг. в Бурятии, следует отметить, что данная система была прямым отражением политики центра. Развитие образования шло преимущественно по экстенсивному пути. Связь учебного процесса с производством носила спорадический характер.

Многие специалисты, закончившие вузы, были заняты в сферах, которые не требовали данного образования.

Примечания.

1. Среднее специальное образование: Сб. основных постановлений, приказов и инструкций / Под ред. А.А. Богданова. – М.: Высшая школа, 1970.
2. Справочник партийного работника. Вып.3.-М.,1961.
3. Национальный архив Республики Бурятия. ф. Р-60. оп.1, д.297.

Формирование и развитие городского населения в Бурятии в 1923-1959 гг.

Первая половина XX века ознаменовалась господством градостроительных и градообразующих тенденций, где основой стала необходимость решения задач, диктуемых новыми потребностями социально-экономической жизни. Несомненно, данные требования показали сложившуюся урбанистическую ситуацию, фундаментом которой является городское население.

Многие проблемы социального характера, в частности, массовая маргинализация горожан, создание своеобразной «социалистической» субкультуры, слабое развитие коммунального и транспортного хозяйства коренятся в особенностях формирования городского населения, в темпах этого процесса.

Увеличения доли городского населения происходило в большей степени за счет процесса хозяйственного освоения региона, развития торговли, транспорта и управления. Последний фактор имел очень важное значение. Одна из особенностей урбанизации страны в начале XX века заключалась в процессе развития железнодорожного строительства. Транссибирская железнодорожная магистраль, соединив Сибирь и Дальний Восток с европейской частью, оказала влияние на «переориентацию» городов, на образование новых торгово-промышленных центров. Эти изменения в экономико-географическом положении городов привели к выявлению основы современных городских поселений.

Таким образом, ко времени образования Бурят-Монгольской АССР в 1923 г. городская жизнь представляла собой редкую, довольно неравномерную сеть городов, имевшую отчетливую иерархическую структуру.

Образование и становление автономной республики проходило во взаимосвязи с процессом восстановления экономики, разрушенной гражданской войной.

Справедливо отметить, что формирование и развитие городского населения в Бурятии было взаимосвязано с расширением существовавших промышленных предприятий и возникновением новых промышленных центров. Только за период с 1923 по 1927 гг. количество

промышленных предприятий увеличилось с 16 до 22¹¹, а за межпереписной период с 1926 по 1939 гг. в строй действующих предприятий входят ЛВРЗ, мехстеклозавод, мясо- и мелькомбинаты в Улан-Удэ, угольные шахты в Гусиноозерске, вольфрамово-молибденовый комбинат в Закаменске. Кроме того, в данный период была создана категория поселков городского типа – менее крупных, чем города, но обладающих некоторыми городскими чертами – Усть-Баргузин, Шахты (Гусиноозерск), Закаменск, Нижнеангарск. Хотя, поселком городского типа в полном смысле этого слова их можно было назвать с большой натяжкой. В сущности, они представляли собой бараки, насыпки, выстроенные вокруг завода, шахты или рудника.

В основе относительно быстрого роста численности городского населения лежит увеличение промышленного потенциала республики. Изменение численности населения в городах Бурятии происходило в большей степени за счет миграций из сельской местности. Совпадение модернизации советского общества - «сталинских» пятилеток довоенного периода и социалистической индустриализации с процессом коллективизации вызвали отток значительного числа крестьян из аграрного сектора. Но село не могло быть неисчерпаемым источником трудовых ресурсов для городов. Кроме того, темпы роста городского населения ускорились за счет повысившегося уровня механического притока населения с западных районов страны. В целом, с 1923 по 1939 гг. удельный вес горожан в общей массе населения вырос с 9,2% до 30,7%.¹²

С началом Великой Отечественной войны, с захватом огромных территорий, была поставлена задача - преобразовать Сибирь в мощную военно-промышленную базу. Одновременно возник дефицит трудовых ресурсов. Потребности промышленных предприятий в рабочей силе удовлетворялись за счет привлечения местного сельского населения, что обусловило достаточно заметный рост числа рабочих и служащих. Только с 1 октября 1941 г. по 1 января 1944 г. их количество по Восточной Сибири возросло на 27,7%.¹³

Однако для Бурятии в эти годы был характерен средний уровень урбанизированности по сравнению с отдельными районами Восточной Сибири, который сохранился вплоть до 1959 г.

Динамика численности городского населения в Бурятии.
1939-1959 гг. (в %) ¹⁴

Регион	17 января 1939 г.	1 января 1951 г.	15 января 1959 г.
Бурятская АССР	30,7	35,3	41,1
Иркутская обл-ть	44,6	54,9	62,1

Исходя из представленных выше данных, следует, что за время с 1939 по 1959 гг. городское население Бурятии возросло незначительно.

Районоорганизующая и районообразующая роль городов оказала большое влияние на интенсивность миграционных процессов, особенностью которых стало перемещение в столицу республики – г. Улан-Удэ, единственный крупный город на территории Бурятии, обладающий ведущей ролью в социально-экономическом и культурном развитии республики. Темпы роста численности населения столицы стали носить интенсивный характер: в 1939 г. – 125,7 тыс. человек при общей численности всего населения – 545,8 тыс. человек, а в 1959 г. – 175,2 тыс. улан-удэнцев при общей численности жителей республики – 673,3 тыс. человек. ¹⁵

За двадцатилетний межпереписной период к 1959 г. было образовано 3 города и 8 поселков городского типа. Наряду с существовавшими ранее городами Улан-Удэ и Кяхта, к 1959 году в ранг городов были переведены Закаменск, Бабушкин и Гусиноозерск. ¹⁶

С изменениями роста численности горожан Бурятии менялся и национальный состав городского населения. Подавляющее большинство русских в отношении общей массы горожан сохранялось на протяжении всего периода. Наряду с этим, также наблюдалось значительное увеличение числа бурят-горожан: в 1939 г. уровень урбанизированности бурят составил 9%, в 1959 г. – 16,6%. ¹⁷

На протяжении 1920-1950-х гг. шел непрекращающийся процесс увеличения численности городского населения. Тенденция постоянного изменения количественного состава горожан базировалась на решении социальной задачи вовлечения в народное хозяйство значительных резервов трудовых ресурсов, имевшихся в сельской местности. Это создавало определенные условия для весомого укрупнения численности городского населения. Наряду с этим, в периоды строительства крупных промышленных комплексов в Бурятии опреде-

ляющую роль в процессе увеличения числа горожан сыграла интенсивность миграционных потоков переселенцев из европейской части страны. При этом доминирующим фактором роста количественного состава городского населения оставался естественный прирост населения.

Таким образом, первую половину XX века можно охарактеризовать как период экстенсивного промышленного роста, а также экстенсивного типа урбанизации.

Примечания.

¹ Д.Д.Мангатаева Городские поселения Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1978. – С.15, 16.

² Там же. – С. 50.

³ В.А.Исупов Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). – Новосибирск, 1991. – С. 16.

⁴ Там же. – С. 28.

⁵ Там же. – С. 28, 37.

⁶ Д.Д.Мангатаева Городские поселения Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1978. – С.51.

⁷ В.А. Исупов Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). - Новосибирск, 1991. – С. 77.

В.А. Гельмин

Предпринимательство как социальный феномен

Предпринимательство как социальный феномен, возникший и развивающийся за последнее десятилетие в Российском обществе, постепенно приобретает черты новой социальной группы, которую одни причисляют к формирующемуся среднему классу.

Общественное явление как предпринимательство – строго ограничено политическими и экономическими рамками развития государства. Становление российского бизнеса пришлось на непростой период распада СССР и возникновение нового суверенного государства России. В конце 80-х начале 90-х годов первые предприниматели столкнулись не только с массой проблем, но и обрели экономическую свободу. Все это привлекло широкую массу людей в эту сферу и повальное «искушение» россияне уже прошли в начале и середине 90-х годов, где основная часть сделала осознанный выбор в пользу других видов деятельности. За десятилетие реформ сменилось три волны предпринимателей, где в числе наиболее удачных предпринимателей

оказалось большое число партийно-хозяйственной номенклатуры, сумевших в период приватизации, захватить наиболее привлекательную муниципальную и государственную собственность, используя свое положение и связи.

На первых этапах предпринимательство столкнулось с массой проблем, как экономического, политического и психологического плана. А высокая налогооблагаемая база, масса акцизов и чиновничьи препоны заставили предпринимателей скрывать свои истинные доходы, уходить в тень, переправлять финансовые средства за рубеж. Неумение государства на законодательном уровне решать проблемы предпринимателей, вылилось в то, что государство стал заменять криминал. В то же время получаемые сверхприбыли, особенно в начале и середине 90-х, привлекали криминальные структуры, которые, пользуясь слабой позицией власти, все больше контролировали бизнес, выступая в роли третейских судей и финансовых арбитров. Именно в эти годы и накапливался первоначальный капитал многих бизнесменов, которые в дальнейшем смогли вырваться из тисков государственных и криминальных структур. В основе многих состояний в начале-середине 90-х годов лежала торгово-посредническая деятельность, где были наиболее высокие доходы.

До 1998 года предпринимательство не имело стимула для вложения инвестиций в реальный сектор экономики, в ее производственные мощности. Августовский кризис 1998 года приведший к обвалу российского рубля, привел к новой ситуации в развитии российского бизнеса. Скачок доллара привел к конкурентоспособности российских товаров с импортными товарами, позволил местным производителям наращивать свои мощности, привлекая инвестиции и взоры бизнес-элиты. Вкладывание денег в производство, где предприниматели работали на долговременную перспективу, а не сиюминутную прибыль, изменило отношение государства к предпринимательству. Отношение государства к предпринимательству должно основываться не на диктате, коррупции и недоверии друг к другу, а на взаимовыгодном согласовании интересов.

Поднимается проблема поддержки бизнеса на местах в регионах, создание благоприятного климата для его развития. На государственном уровне готовятся новые законодательные инициативы, рассчитанные на легализацию бизнеса, повышения собираемости налогов, за счет их сокращения, прекращения утечки капитала за рубеж.

Предприниматели стремятся получить от власти гарантии эконо-

мической стабильности. Они заинтересованы в четком определении рамок своей деятельности, в том, чтобы условия налогообложения и кредитования были достаточно стабильны. Они должны знать наперед, какую долю своих доходов необходимо отчислить в пользу федерального и местного бюджета. Они заинтересованы в эффективной работе правоохранительных органов, действующих в рамках закона.

В конце 90-х годов предпринимательство уже заявляет о себе, как о новой силе готовой бороться за свои интересы (создание новой партии – Союз правых сил). Формирование системы законов развития частной сферы, изменение механизма реализации законов, снятие удушающего бюрократического пресса, с мафиозными структурами в высших эшелонах представительской и исполнительной власти, и другие подобные меры осуществляются политическими средствами. Такими как лоббизм и приход к власти в качестве руководителя муниципальной, или региональной главы (Приморский край – Дарькин, Чукотский АО – Абрамович), а также в законодательные органы регионов, куда и проходит местная бизнес-элита. Те же тенденции наблюдаются в республике Бурятия, где в Народный Хурал было избрано до 50% предпринимателей.

В числе приоритетных задач нового слоя стоят не только политические, экономические, но и социальные вопросы. Выступая в качестве работодателя, предприниматели дают не только новые рабочие места, но и отвечают за социальные объекты вверенных им предприятий.

С принятием нового Трудового кодекса предприниматели разрешили многие из проблем взаимоотношения с подчиненными, расширяя не только свои права, но и права рабочих. Ведь население зачастую оценивает деятельность предпринимателей по тому, что он сделал для них, какую помощь оказал. Привыкшее к помощи государства наше общество так и не избавилось от иждивенческих настроений, наш психологический стереотип направлен на коллективный труд, который освобождает от необходимости самостоятельных решений и поступков. В наших глазах предприниматели непременно должны безвозмездно помогать, делиться с другими, еще не преодолен и синдром зависти к соседу, у которого «лучше, чем у меня», что и определяет отношение к бизнесменам.

Главная же задача современного слоя предпринимателей – это заставить людей поверить в свои силы, давая ту же работу, они ждут инициативу, знания, профессиональных действий, где они не заинтересованы в благотворительной деятельности в отношении тех, кто не

хочет и разучился работать. Они действительно следуют лозунгу «кадры решают все», строгий отбор как самих предпринимателей, так и их подчиненных, дает наиболее подготовленные кадры. А рекрутирование кадров в государственный аппарат идет именно из класса предпринимателей как в регионах, так и в центре. Это тоже своеобразный феномен и показатель того, как оценивает государство свою бизнес-элиту.

Предпринимательство в России за прошедшее десятилетие сделало большие шаги в направлении своего становления и возрождения, развиваясь, как и во всем мире, в качестве всеобщей глобализации. Решаются многолетние проблемы взаимоотношений с международным бизнесом - вступление во Всемирную Торговую организацию, предоставление России статуса страны с рыночной экономикой, что позволяет выходить на внешний рынок не как посредник-торговец («челнок») в начале 90-х годов, а как равноправный, деловой партнер. Все больше российских бизнесменов упоминаются в престижных экономических рейтингах, а наши предприниматели входят в сотню богатых людей мира (Абрамович, Дерипаско, Потанин, Алекперов и др.).

Российский бизнес развиваясь наравне с западным бизнес-миром, сталкивается с большими трудностями внутри страны: большие налоги, бюрократические препоны, большие расстояния, отсутствие развитой инфраструктуры, климатические условия и многое другое играет на себестоимости и конкурентности выпускаемой продукции, как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Современное предпринимательство направлено не только на личное обогащение, но и на развитие своего дела, региона и, в целом, всей страны. Ведь экономический потенциал многих государств опирается на широкий слой предпринимательства, где они выступают локомотивом экономических преобразований в стране. В настоящее время во всех странах с развитой рыночной экономикой идет поиск новой государственной политики, ориентированной на создание постоянного стимула к новаторству и предпринимательству. Россия здесь не исключение, от деловой энергии бизнесменов решается не только экономическое, но и социально-культурное развитие страны, в интересах широких слоев населения.

Предпринимательство становится тем слоем собственников, который постепенно формирует средний класс, вкладывая новые черты в это название.

В отличие от западных стран, формирование рынка в России носило стихийный характер и формирование бизнес-слоя рекрутировало в свои ряды людей различных социальных групп и профессий. Все они, пройдя через сито экономических перипетий, и образовали новый слой предпринимателей, где на первое место воздвигаются их личностные качества и деловая активность. Именно разность образования, культуры поведения и общения формировала новый образ российского бизнесмена – как «нового русского». Этот собирательный образ в корне отличается от образа западного предпринимателя, который скорее относится к эпохе формирования первых буржуа. Основной причиной интенсивного развития предпринимательства на Западе являлось мощная государственная поддержка, активизация политики поддержки малого бизнеса, снятие административно-законодательных ограничений. В результате в западных странах сложились качественно новые условия для занятия бизнесом.

Тогда как на Западе для формирования образа бизнесмена понадобились столетия, России же для этого процесса хватило десяти лет. В начале нового тысячелетия в России также складываются условия для того, чтобы вновь обрести хозяина, собственника, который отвечает за свое дело и слово. От небольших фирм и отдельных предприятий новые бизнесмены стали переходить к холдингам, объединяя целые отрасли. Несмотря на кажущийся монополизм, мы пришли к тому, что вместе мы сила, мы можем бороться за выживание, как на внешнем, так и на внутреннем рынке. Не стала исключением республика Бурятия, где происходит объединение лесоперерабатывающего комплекса, вошли в холдинг такие предприятия как Приборостроительное объединение, Селенгинский ЦКК и др.

Большой сдвиг произошел в отношении к предпринимателям со стороны общества, от настороженно-враждебного в начале 90-х годов, любопытствующего в середине 90-х, до заинтересованного в конце 90-х.

Отношение к предпринимательству в российском обществе хотя и противоречиво, быстро, и подчас по принципу маятника, меняется, но ориентировано все же на его дальнейшее развитие и в целом доброжелательно. Более того, именно предприниматели выступают сегодня для большинства россиян социально-политическим лидером.

Можно сказать, что значительная часть населения сегодня уже готова принять предпринимательство и предпринимателей такими, какие они есть, руководствуясь при этом, прежде всего, прагматиче-

скими соображениями.

Отношение к предпринимательству будет формироваться и меняться, также в зависимости от того, какое именно предпринимательство сформируется, какие группы или типы предпринимательских структур будут определяющим образом влиять на его общественный имидж в целом.

Общественное мнение напрямую зависит от средств массовой информации и изменяется вследствие их подачи того или иного образа предпринимателя. Проблема современных средств информации – это подача достоверной, не ангажированной информации, а с учетом того, что они принадлежат разным финансовым группам, государству добиться этого практически невозможно. Манипулирование общественным сознанием в угоду тех или иных лиц, зачастую приносит больше вреда, чем пользы, это отталкивает. Предприниматели должны с учетом общественных настроений, государственных интересов проводить те мероприятия, которые не только покажут, но и поднимут имидж не одного бизнесмена, а предпринимательства в целом. Все это требует государственной поддержки на уровне главы страны.

Феномен предпринимательства – это борьба старого и нового экономического порядка, в которой приходится с большим трудом продвигаться от всеобщей плановой экономики к свободному рынку. И именно от общественного мнения напрямую зависит отношение государства к предпринимательству, через развитие малого бизнеса, государство расширяет не только средний класс, но и дает многим работу, стимул для его развития. Ведь в западных странах до 80% составляет доля малых форм бизнеса, его поощряют, как общество, так и государство.

Предпринимательство требует от человека, занимающегося им, определенных качеств, как и любая другая профессия, основанная на необходимости проявления творческих начал, природного таланта, ума и смекалки, а также широты мышления и познания. Все это объединяется понятиями предпринимательский дух, предпринимательский менталитет, предпринимательская культура. Ценности и мотивы предпринимательской деятельности должны быть достоянием всего общества. Если в обществе культивируется понятие о том, что создание собственной фирмы – дело престижное и достойное, а на человека, создавшего собственное дело, смотрят с одобрением, желающих последовать его примеру найдется немало. Государство, принявшего на себя труд развивать предпринимательскую культуру, способно

через средства массовой информации, искусство и другие каналы воздействия наглядно рекламировать предпринимательство как благо для общества.

Действительно, предпринимательство в различных его видах – индивидуальном или коллективном – оказывается наиболее мощным фактором преобразования сознания людей. Предпринимательство – это фактор, говорящий о том, относится государство к числу свободных демократических стран или же в ней царит тоталитаризм. Тоталитаризм ограничивает свободу, и тем самым уничтожает основы предпринимательской культуры. И надежная защита предпринимателей – создание стабильной системы прав и достоинства предпринимателя, гарантирующую неприкосновенность его личности и имущества, свободу въезда и выезда из страны, тайну переписки и телефонных разговоров и т.д. Чем меньше государственного влияния на частную сферу, тем лучше. Предприниматель должен быть уверен, что не лишится плодов своего труда в результате чиновничьего произвола. А эта проблема пока в России не разрешена, мы можем постоянно видеть, как на крупных предприятиях происходит смена директоров, так называемые «маски-шоу», с участием государственных служащих, как из МВД, как судебных приставов, так и чиновников. Именно незащищенность, отсутствие реально представленной частной собственности с возможностью защитить ее, отличает нас от западных стран. И примеры тех же бывших олигархов Березовского, Гусинского, дело Быкова в Красноярске и других, показывают, каким образом происходит передел собственности. Да и сам процесс становления предпринимательства в нашей стране сталкивается с немалыми трудностями и правового, и экономического, и психологического порядка.

Современный предприниматель – это не «свободный игрок» в сфере бизнеса. Его шаги, мотивы поведения, образ жизни несут в себе отпечаток тех социально-культурных и экономическо-национальных условий, которые существуют в данной стране и данном регионе. Специфика российского предпринимательства заключается в том, что оно развивалось в обществе с централизованной экономикой, при отсутствии у населения опыта экономической самостоятельности и реальных гражданских свобод: в обществе, где социально-функциональная структура иерархична и централизована. Экономика была полностью огосударствлена, индустриализация не завершена, с низкими (по сравнению с Западом) жизненными стандартами

и системагическим неудовлетворением базовых материальных потребностей (в жилье, питании, медицинском обслуживании и др.). В условиях господства административно-командной системы и подавления политического инакомыслия, у людей развивались усталость, апатия, неверие в возможность позитивных перемен, падал интерес к труду. И именно в этот тяжелый, переходный период предпринимательство не только встало на ноги, но и выходит из замкнутого круга.

Российское общество все более осознает, что предпринимательство является одним из важнейших факторов формирования и развития экономики с рыночным механизмом хозяйствования, в котором есть место и государственному регулированию. Без развитого предпринимательства, для широкомасштабного становления которого срочно необходимо создавать соответствующие экономические, политические, социальные, правовые и другие условия, России не выйти из глубокого экономического кризиса и не встать на путь устойчивого хозяйственного прогресса, не выйти в мировую экономику в качестве равного субъекта международных отношений.

Предприниматель России на современном этапе – это феномен нашего экономического и политического развития. В эпоху перемен заново родился и постепенно сформировался тот социальный слой, который так тщательно уничтожали в советский период.

Но предстоит еще большая работа в направлении сближения предпринимателя и государства, выведения бизнеса из тени, создания благоприятного инвестиционного климата для экономических и политических преобразований. Все это и определяет образ современного предпринимателя, отсюда и проистекает формирование предпринимателя как общественного явления.

РЕЦЕНЗИИ

Полянская О.Н. Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (I-я половина XIX века)». – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. -140 с.

В конце прошлого (2001) года вышла книга О.Н. Полянской «Профессор О.М. Ковалевский (1801-1878) и Бурятия (I-я половина XIX века)». Работа весьма интересная, посвящена 200-летию со дня рождения ученого-востоковеда.

Трудов об известном востоковеде, одном из основателей монголоведения в России и Европе издано немало. Но лишь в названной работе всесторонне и на конкретном материале показаны исследования О.М.Ковалевского о Бурятии и бурятском народе. Пожалуй, в ней полностью использованы все источники, которые имеются по используемой теме: опубликованные труды, периодические издания, широкий круг архивных материалов, хранящихся в Санкт-Петербургском отделении Института востоковедения РАН, в отделах рукописей и редких книг Санкт-Петербургском и Казанского университетов, в фондах Национальных архивов республики Татарстан и Республики Бурятия.

О.М. Ковалевский (1801-1878), в двадцать лет окончивший Виленский университет со званием кандидата философии, фактически был сослан в Казань за участие в работе тайной организации студентов. Казанский университет, основанный в 1804 г., развивался как центр отечественного востоковедения. Ректор университета выдающийся русский ученый Н.И. Лобачевский стал создавать восточный разряд, готовить профессорско-преподавательские кадры. Было намечено открыть кафедру монгольского языка. Совет университета решил направить молодых сотрудников -адьюнкта О.М. Ковалевского и действительного студента А.В. Попова в Восточную Сибирь для изучения на месте монгольского языка. Они прибыли в Иркутск в июле 1828 г., почти пять лет находились в нашем крае, совершая поездки в Монголию и Китай. О.М. Ковалевский прожил четыре года в Забайкалье среди бурят. Он изучал образ жизни и быт бурят, их материальную и духовную культуру, язык и верование, собирал материалы по истории, по изучаемым темам, составлял дневники, часть которых была опубликована в «Казанском Вестнике» 1829-1832 годов.

Книга О.Н. Полянской состоит из введения, трех глав, заключения, приложений и библиографии. В первой главе подробно рассказано о работе научной экспедиции Казанского университета в Восточной Сибири в 1828-1833.годах и ее результатах.

Прибыв в Иркутск, О.М. Ковалевский и А.В. Попов под руководством А.В. Игумнова приступили к изучению монгольского языка с самих азов. Занятия проводились три раза в неделю, по три часа в день. А.В. Игумнов, хороший знаток монгольского языка, представил в их распоряжение составленные учебные пособия, материалы монгольско-русского словаря в четырех томах, а также различные монгольские рукописи и документы. А.В. Игумнов готовил их для поездки в бурятские улусы, чтобы они могли разговаривать с бурятами на их языке. Исследователи не только усердно занимались по монгольскому языку, но и стали, по материалам А.В. Игумнова, составлять различные небольшие словари.

В 1829 г. О.М. Ковалевскому представилась возможность побывать в Монголии. Он в своем отчете в Казань сообщал, что изучил много слов монгольских и их настоящее произношение, был в Урге на буддийском богослужении, приобрел одну древнюю богословскую книгу.

В 1929 г. экспедиция О.М. Ковалевского, А.В. Попова и А.В.Игумнова совершила поездку в Забайкалье, посетила Верхнеудинск, Гусиноозерский дацан, Селенгинскую степную думу, встречалась с Хамбо-ламой и местным тайшой. Затем они общались с английскими миссионерами, знакомясь с их деятельностью по распространению католицизма среди бурят. Как известно, ни один бурят не принял этой веры. Экспедиция побывала в других различных районах Забайкалья: у кяхтинцев и тугнуйских бурят, у хоринских бурят, все лето провели среди бурят Чикоя и Хилка, в долине Ингоды и Онона, познакомились с их жизнью и бытом, традициями и обычаями, буддийскими обрядами и шаманскими жертвоприношениями. Они встречались также с лесными и степными эвенками-гунгусами, им удалось собрать немало книг и рукописей, послушать народных рассказчиков и сказителей, записать некоторые их произведения. Их постоянно двигало желание установить прочные связи университета с передовыми представителями коренного населения. В многочисленных доносениях и отчетах, отправленных в Казань, они сообщали о результатах экспедиционных исследований.

О.М. Ковалевский и А.В. Попов зимние месяцы провели в Иркутске, занимаясь обработкой собранного материала, продолжали изучение монгольского языка. О.М. Ковалевскому была предоставлена командировка в Китай, он 7 месяцев провел в Пскине, зиму и весну 1830-1831 годов. Работая в составе Российской духовной миссии, главное внимание уделял совершенствованию знаний в области монгольского языка.

Вернувшись из-за границы в Забайкалье, ученый продолжал работу среди бурят в Троицкосавске и Селенгинске, собирал редкие монгольские сочинения, легенды, сказки, предания монголов и бурят, материалы об их обрядах и традициях в быту, встречался со знатоками местной жизни. В октябре 1832 г. О.М. Ковалевский составил, по просьбе Иркутского губернатора, «Положение для вновь учреждающейся по Высочайшему повелению в Троицкосавске войсковой 4-х бурятских полков школы». Этот проект был одобрен и сыграл большую роль в деятельности русско-монгольской войсковой школы в Троицкосавске, которая готовила детей бурятских казаков к службе писарями, переводчиками и урядниками в пограничном правлении и в четырех бурятских полках. Роль школы в подготовке бурятских кадров оценивается высоко.

Общаясь с бурятами, ученый проявил по отношению к ним доброту и заботливость, обучая их русскому языку, даже оказывал им первую медицинскую помощь, давал советы по вопросам развития образования. Главные тайши и родоначальники 18-ти монголо-бурятских родов Селенгинского ведомства объявили ему благодарность и направили ее в Казанский университет.

Покинув в январе 1833 года Забайкалье, О.М. Ковалевский в Иркутске подводил итоги своей экспедиции в Восточную Сибирь. Они были отражены в отчете под названием «Краткое обозрение занятий», составленном в Казани в марте 1833 года. Основное место в отчете О.М. Ковалевского занимали вопросы изучения языка и составления учебных пособий. Им были подготовлены: 1. «Краткая монгольская грамматика», которая состояла из правил чтения и письма, разделов этимологии, морфологии и синтаксиса книжного монгольского языка; 2. Монгольско-русские словари, полный словарь - 40000 слов и краткий - 5000 слов; 3. Разговорники монгольского и бурятского языков; 4. Пособия для первоначального изучения маньчжурского и тибетского языков. Следующий раздел отчета касался сбора материалов по истории монголов и истории буддизма в Индии,

Китае, Тибете и Монголии.

Работа экспедиции Казанского университета в Восточной Сибири была высоко оценена. Академик И.Я. Шмидт рекомендовал О.М. Ковалевского и А.В. Попова на звание преподавателей монгольского языка. Решение об открытии кафедры монгольского языка в Казанском госуниверситете было принято 25 июля 1833 г., а ее преподавателями определены кандидат О.М. Ковалевский и студент-выпускник А.В. Попов. Так появилась первая в Европе кафедра монгольского языка и началось его преподавание для студентов восточного разряда университета.

Используя собранный богатейший материал по филологии, истории, духовной культуре монгольских народов, О.М. Ковалевский в Казани завершил крупные свои научные исследования. Вышли в свет труды по монгольской филологии: «Монгольская хрестоматия» (Т. 1, 1836; Т.2, 1837); «Краткая грамматика книжного монгольского языка» (1835); «Монгольско-русско-французский словарь в трех томах (Т.1, 1844; Т.2, 1846; Т.3, 1849). Автор книги обоснованно утверждает, что эти труды свидетельствовали о становлении школы монголоведения в России. К этому времени уже были труды академика И.Я. Шмидта: Грамматика монгольского языка, изданная в 1831 г. на немецком, а в 1832 г. на русском языке, краткий словарь «Монгольско-немецкий словарь» (1835). А в 1846 году увидела свет работа Д. Банзарова «Черная вера или шаманство у монголов», а затем «Монгольско-калмыцкая грамматика» А.А. Бобровникова. Российское монголоведение начало занимать ведущее место в Европе, в европейских университетах монгольский язык преподавали уже по учебникам О.М. Ковалевского, использовали его словарь монгольского языка.

Изучая историю, теорию и воззрения буддизма, О.М. Ковалевский создал основательный труд «Буддийская космология» (1837) Большой отклик в ученом мире получило обобщающее исследование «История монголов», написанное в середине XIX в.

На основе анализа этих исследований Полянская О.Н. делает вывод о том, что «фундаментальные труды О.М. Ковалевского стали базой для монголоведческих исследований» (С. 8).

Большая часть книги посвящена исследованиям О.М. Ковалевского о коренном населении Забайкалья, просветительской деятельности ученого среди бурят и его роли в подготовке ученых-бурят. Занимаясь проблемой этногенеза народов Центральной Азии, он собрал богатый материал по вопросам происхождения бурят, их хозяйстве, бы-

те и верованиях, изучал летописи и предания, неоднократно упоминаемая эпос «I эсэр». Он утвердился во мнении, что буряты и их предки - древнейшие жители Прибайкалья, придерживался концепции об автохтонности бурят. Вместе с тем, указывает автор, он ошибочно считал, что «буряты - это киргизы, а «бурят» есть древнейшее имя киргизов» (С.41).

Изучая природно-климатические условия в крае, хозяйство, быт, промыслы, общественный строй бурят, О.М. Ковалевский, по мнению автора, дал правильную характеристику всех сторон жизни населения. Основное занятие бурят - скотоводство и охота. Однако отмечал он, многие «буряты не знали способов улучшить стада свои: не строили для них сараев, не заготавливали на зиму ни сена, ни соломы, или, по крайней мере, весьма редко». Он раскрыл те изменения в жизни бурят, которые произошли после присоединения Бурятии к России, показал особенности в хозяйстве и быту предбайкальских и забайкальских бурят. Переход к хлебопашеству, особенно иркутских бурят, к оседлости, развитие промыслов и ремесел свидетельствовали о прогрессивных изменениях в хозяйстве бурят. Рассматривая общественный строй бурят, Осип Михайлович верно считал, что он основан на делении на роды, но в середине XIX в. роды были не столько кровными, сколько административными. Отмечено, что бурятский род был экзогамным. Говоря об административно-территориальных образованиях, О.М. Ковалевский называл их округами, а являлись они ведомствами во главе со степными думами. Он верно подметил, что последние состоят из заседателей, избираемых родами, и чиновников-тайшей (глав степных дум), шуленгов и зайсанов. Но почему-то мимо его внимания прошли местные суды, игравшие определенную роль в жизни населения. О.М. Ковалевский писал, что у бурят давно существует имущественное неравенство, что социальное расслоение среди них было уже весьма глубоким. Он выделял «четыре класса народа»: 1) чиновники, почти на правах дворянства; 2) казачье войско, освобожденное от податей; 3) духовенство штатное, свободное от податей, и сверхкомплектное; 4) простолюдины, которые платят подати за себя и чиновников и содержат многочисленное духовенство. Остро изобличал чиновников, которые налагают на простолюдинов подати «по своему произволу», «разделяют пастбища не по числу, а по числу скота», следовательно, лучшие и обширные угодья получают зажиточные буряты». Чтобы прийти к таким выводам, исследователю пришлось долго жить среди бурят в их улусах, глубоко

разбираться в социальном их расслоении. Анализируя занятия и место в хозяйстве мужчин и женщин, он верно указал на распределение их обязанностей.

Описывая внешний вид бурят, О.М. Ковалевский писал: «Буряты в большинстве среднего роста, телосложения здорового и крепкого, переносят терпеливо жару и стужу». Хорошо отзывался о бурятских женщинах, писал, что «не одна бы бурятская девица способна занять не последнее место между красавицами европейскими». А мужчины любят борьбу, верховую езду, стрельбу из лука. «Бурят отличался, - отмечал он, - почти невероятной остротой зрения и слуха». Указывая на способности бурят: острый ум, превосходную память, стремление к учебе и восприятию наук, О.М. Ковалевский настаивал на развитие просвещения среди бурят.

Автор книги О.Н. Полянская показывает значение трудов ученого в духовной жизни бурят. Он уделял внимание изучению шаманства, которое регламентировало жизнь бурят до распространения буддизма, хорошо ознакомился с обрядами и жертвоприношениями у шаманов.

О.М. Ковалевский посетил многие дацаны, посещал богослужения, хуралы, беседовал с ламами. Он верно оценил политику дацанов и лам по отношению к шаманству. Пришел к выводу, что постепенно набирая силу, буддизм стал влиять на все стороны жизни бурят, принес бурятам знания по медицине, астрономии, литературе, душевное спокойствие и умиротворение. Им были собраны подробные сведения об 11 буддийских дацанах Селенгинского ведомства, о численности штатных и сверхкомплектных лам и хувароков в них.

О.М. Ковалевский пришел к глубокому выводу о том, что буддизм, умело приспособив к своим обрядам шаманские ритуалы, стал определять обычаи и праздники (освещение обо и субургана, жертвоприношения и поклонения), архитектуру (храмы, жертвенники, кумирни), литературу (богослужебные книги), живопись (изображения божеств из религиозного пантеона), и, в целом, всю жизнь народа, исповедующего его. Он восхищался богатством и красотой буддийских храмов, был свидетелем замены войлочных дуганов деревянными зданиями. Ученый собрал для Казанского университета богатую коллекцию книг китайских, монгольских, маньчжурских, также ламаистских костюмов, икон и предметов культового искусства.

Не остались вне зрения исследователя жизнь другого коренного народа - тунгусов (эвенков). Он изучил и описал многие стороны их жизни.

В третьей главе книги раскрыты просветительская деятельность О.М. Ковалевского среди бурят, его роль в подготовке бурятских ученых. О просветительской деятельности ученого Полянская О.Н. приводит новые материалы, главное, подчеркивает ее гуманистическую направленность. Осип Михайлович был сторонником внедрения европейской системы образования для коренного населения Забайкалья. Нельзя не отметить широкой связи О.М. Ковалевского с бурятскими деятелями - тайшой Селенгинских бурят Ю. Ломбоцыреновым, цонгольскими ламами - ширетуем Л.Д. Дылыковым, засакламой В. Дугаровым, ламами Гусиноозерского дацана Гемпиловым, Дзамбаловым, Гомбоевым, Ацагатского дацана Вампиловым, помощником Селенгинского тайши Няндаком Вампиловым, образованным цонгольским бурятом Ринчином Ванчиковым, которые оказывали ему большую помощь в сборе материалов, стали официальными корреспондентами Казанского университета. Находясь в Казани, он продолжал расширять и поддерживать связи с хоринским тайшой Тугулдуром Тобоевым, будущим автором летописи хоринских бурят, историком-краеведом М.А. Зензиновым, учителем и поэтом В. Давыдовым, помощником баргузинского тайши Сахаром Хамнаевым. Благодаря содействию О.М. Ковалевского, четверо выпускников Кяхтинской русско-монгольской школы были отправлены на учебу в Казанскую губернию.

В исследовании О.Н. Полянской большое внимание уделено работе профессора О.М. Ковалевского в качестве заведующего кафедрой монгольского языка и наставника бурятских ученых Д. Банзарова, Г. Гомбоева и А. Бобровникова. Приведено немало новых и интересных материалов о том, как они учились и становились исследователями, как им помогал их учитель. Д. Банзаров, Г. Гомбоев и А. Бобровников стали признанными учеными-монголоведами, достойными представителями российской школы востоковедения. В книге подробно рассказано об их научных трудах и их значении в российском монголоведении. Поскольку эти исследования известны широкому кругу ученых, здесь не останавливаемся на них.

В заключении труда подведены общие итоги деятельности О.М. Ковалевского в Бурятии, подчеркнуто, что его научное наследие не утратило своего значения по сей день. Высоко оценивая содержание работы О.Н. Полянской, охватывающей все стороны деятельности О.М. Ковалевского в Бурятии, хочу высказать некоторые замечания и советы автору. Об ученом написано как о профессоре, но когда

он получил такое звание не упомянуто. Название многих дацанов, имена лам и других деятелей написаны так, как приведены в трудах самого О.М. Ковалевского. Не все читатели знают, например, что один Гусиноозерский дацан назывался Тамчинским, Хулуннорским, Гусиноозерским, Хамбинским. Можно было бы в примечаниях дать пояснения.

В целом научный мир получил содержательное и ценное исследование, которое окажет, несомненно, большую помощь молодым научным работникам. Вызывает глубокое удовлетворение то, что О.И. Полянская выразила благодарность своему учителю и консультанту покойному профессору Д.Б. Улымжиеву.

Г.Л. Санжиев, д-р ист. наук,
профессор Бурятского госуниверситета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Анна Максимовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель.

Базаржапов Владимир Батомункуевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России ВСГТУ.

Балдано Мария Намжиловна, доктор исторических наук, ИМБиТ БНЦ.

Бардамова Александра Кирилловна, соискатель кафедры истории Отечества БГУ.

Басаев Геннадий Доржиевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России БГУ.

Боронова Маргарита Максимовна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России БГУ.

Бошектуев Алексей Вячеславович, ассистент кафедры истории России ВСГТУ.

Васильева Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества ИФ БГУ.

Гельман Вячеслав Александрович, аспирант кафедры социологии ВСГТУ.

Гордина Инга Викторовна, аспирант кафедры истории Отечества ИФ БГУ.

Дагданова Алена Олеговна, аспирант кафедры истории России БГУ.

Евдокимова Светлана Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества ИФ БГУ, заслуженный работник культуры РБ.

Елаев Николай Константинович, доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики БГУ.

- Жабаева Лариса Будаевна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ВСГТУ.
- Жалсанова Эржена Цыреновна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и культуры Бурятии ИФ БГУ.
- Козулин Андрей Владимирович**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и культуры Бурятии ИФ БГУ.
- Комогорцева Татьяна Ефремовна**, кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета.
- Крянев Борис Петрович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии БГУ, председатель общественно-политического консультативного совета при президенте РБ, заслуженный работник культуры РФ.
- Курас Леонид Владимирович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического наследия ВСГАКИ.
- Митапова Аюна Валерьевна**, учитель школы № 5 г. Гусиноозерска.
- Митупов Константин Бато-Мункич**, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Отечества ИФ БГУ.
- Номогоева Виктория Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Бурятии ИФ БГУ.
- Онгоева Н.И.**, аспирант.
- Паликова Татьяна Вадимовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества ИФ БГУ.
- Санжиева Елена Гарможаповна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории культуры ВСГАКИ.
- Санжиева Татьяна Ефремовна**, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культуры Бурятии ИФ БГУ.

Санжиев Гарможап Лудупович, доктор исторических наук, профессор ИМБиТ.

Соктоев Игнатий Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России БГУ.

Убеева Ольга Александровна, аспирант кафедры истории и культуры Бурятии ИФ БГУ.

Ханхараев Виктор Сафронович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИФ БГУ.

Цыбиктаров Александр Дондопович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Бурятии ИФ БГУ.

Чимитова Джамия Кимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества ИФ БГУ.

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею

<i>Басаев Г.Д., Евдокимова С.В., Митупов К.Б.-М., Соктоев И.А.</i> Известный ученый и талантливый педагог	3
<i>Курас Л.В.</i> Историографические аспекты в трудах профессора Е.Е.Тармаханова	10
<i>Чимитова Д.К.</i> Проблемы индустриального развития Бурятии в трудах профессора Е.Е. Тармаханова	13

Статьи

<i>Елаев Н.К.</i> Подготовка учителей в Бурятском Классическом университете	20
<i>Жалсанова Э.Ц.</i> Состояние и перспективы некоторых вопросов теоретической истории	26
<i>Цыбиктаров А.Д.</i> О некоторых исследовательских результатах археологической практики исторического факультета Бурятского госуниверситета	33
<i>Евдокимова С.В.</i> Экономическое развитие Троицкосавска-Кяхты во 2-й половине XIX века	38
<i>Ханхараев В.С.</i> Демография аларских бурят-ламаитов во второй половине XIX века	48
<i>Козулин А.В.</i> Социально-экономические условия демографических процессов в Забайкальской области в конце XIX – начале XX века	56
<i>Жабеева Л.Б.</i> Становление торгово-экономических отношений между Россией и Монголией (первая половина 1920-х годов)	68
<i>Номогоева В.В., Митапова А.В.</i> Репрессии в отношении эмчилам в 1920-30-х гг.	72
<i>Балдано М.Н.</i> Особенности социалистической индустриализации в СССР (1930-1950-е гг.)	81
<i>Алексеева А.М., Митупов К.Б.-М.</i> Создание городского рабочего класса Бурятии в условиях НЭПа	89
<i>Плеханова А.М.</i> Социальная психология крестьянства Бурят-Монголии в условиях НЭПа	97
<i>Боронова М.М.</i> Проблемы развития транспортной системы в Бурятии. 1960-1990 гг.	100

<i>Санжиева Т.Е.</i> Завершение строительства бурятского участка БАМа	110
<i>Крянев Б.П.</i> Политическое лидерство в Советской Бурятии ..	120
<i>Санжиева Е.Г.</i> Разработка государственной политики развития бурятской советской культуры	139

Историография и источниковедение

<i>Комогорцева Т.Е.</i> Развитие легкой промышленности в трудах ученых Бурятии	155
<i>Васильева С.В.</i> Исторические источники о свободе вероисповедания старообрядцев Забайкалья в начале XX века	162
<i>Бошектувев А.В.</i> Исторические источники о демографических процессах в Бурятии 1920-1930-х гг.	170
<i>Гордина В.И.</i> Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны (историографический аспект)	175

Люди. События и факты.

<i>Басаев Г.Д.</i> Об историческом споре между Г.В. Плехановым и В.И. Лениным	184
<i>Базаржапов В.Б.</i> Буряты на службе Отечества (1900-1918 гг.)	188
<i>Паликова Т.В.</i> Городская культура Бурятии	196

Сообщения

<i>Онгоева Н.И.</i> Традиции рыболовства у бурят	201
<i>Бардамова А.К.</i> Зарождение профессионально-технического образования в дореволюционном Забайкалье	206
<i>Лагданова А.О.</i> Проблема качественной подготовки специалистов в средних специальных учебных заведениях Бурятии (1960-1985 гг.)	219
<i>Убеева О.А.</i> Формирование и развитие городского населения в Бурятии (1923-1959 гг.)	224
<i>Гельман В.А.</i> Предпринимательство как социальный феномен	227

Рецензии

<i>Санжиев Г.Л.</i> Рецензия на книгу «Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века)»	235
--	-----

Сведения об авторах	243
----------------------------------	-----

Научное издание

**ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия 4

ИСТОРИЯ

Выпуск 5

Подписано в печать 23.10.02. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л. 14,4. Уч.-изд.л. 13,9. Тираж 100.
Цена договорная. Заказ 492.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

BURYAT
STATE
UNIVERSITY

БУРЯТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

6702130183724